

Ю.М. Антонян,
В.Е. Эминов

Преступление и наказание

Криминологическо-психологический
анализ

Издательство
НОРМА

Москва 2018 г.

Аннотация

Антонян Ю.М., Эминов В.Е. Преступление и наказание: криминологический психологический анализ: монография. – М.: Норма, 2018. – 304 с.

В работе на базе современных научных подходов рассмотрены понятия преступника, преступления и наказания. Дано детальное аналитическое исследование личности преступника как источника криминального поведения и условий, в которых формируется противоправность. Представлены наиболее эффективные пути и способы антикриминогенного, пенитенциарного воздействия.

Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов, юристов-практиков, социологов и психологов, а также для широкого круга читателей.

Оглавление

Предисловие

Глава 1. Общий взгляд на преступника и преступление

1.1. Преступник как источник преступного поведения

1.2. Типология преступников

1.3. Психологические черты личности преступника

1.4. Психологические особенности личности неосторожного преступника

Глава 2. Отчуждение личности как источник преступного поведения

2.1. Отчуждение и преступление

2.2. Начало возможной жизненной катастрофы

2.3. Преступное поведение как реализация отчуждения

2.4. Образ жизни преступников

Глава 3. Тревожность — основа преступного поведения

3.1. Понятие и значимость тревожности

3.2. Причины (факторы) тревожности

Глава 4. Мотивы преступного поведения

4.1. Ради чего совершаются преступления

4.2. Самоутверждение и защита

Глава 5. Наказание — основа пенитенциарного антикриминогенного воздействия

5.1. Комплексные проблемы исправления осужденных

5.2. Криминологическо-психологические основы изучения личности осужденных

5.3. Социально-психологический анализ субкультуры осужденных

5.4. Неформальное взаимодействие осужденных как объект изучения и воздействия

Предисловие

Широкому кругу читателей представляется одна из немногих серьёзных работ, в которой целенаправленно, последовательно и углубленно исследуются основополагающие понятия «преступление» и «наказание» с использованием самых современных и достоверных криминологическо-психологических подходов и методик.

В условиях высокого уровня преступности и значительных трудностей в обеспечении эффективного пенитенциарного и постпенитенциарного антикриминогенного воздействия проблемы, рассматриваемые в монографии, имеют исключительно важное и актуальное значение, как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении.

Монография подготовлена признанными специалистами, авторами многих фундаментальных работ в области криминологии, психологии и криминалистики, за плечами которых многолетний опыт исследовательской, педагогической, а также практической правоохранительной деятельности.

Не вызывает сомнения тот факт, что результаты научно-практических исследований, представленные в настоящем издании, окажут существенную помощь в повышении эффективности разрабатываемых и реализуемых антикриминогенных мер, как на общесоциальном, так и на индивидуальном уровне воздействия.

А.Г. Звягинцев,

заместитель Генерального прокурора РФ,
Государственный советник юстиции 1 класса

От авторов

Преступление и наказание. Чтобы осмыслить, понять и познать суть этой знаменитой формулы, необходимо последовательное, углубленное и комплексное исследование криминолого-психологических свойств личности преступника как источника криминального поведения, социальных условий, в которых формируется противоправность, а также наиболее рациональных и оптимальных путей и способов антикриминогенного, в том числе пенитенциарного, воздействия.

О личности преступников уже написано значительное число научных трудов, однако эта проблема устойчиво продолжает оставаться одной из самых актуальных и важных, как в теоретическом, так и в практическом аспекте, особенно если учесть состояние, особенности, динамику преступности, постоянный рост и расширение сфер, возможностей и объектов криминальных интересов, небывалой активности их проявлений в условиях современной как общемировой, так и российской действительности.

Основная направленность данной работы в значительной мере была обусловлена концептуальной позицией и научным наследием таких известных отечественных корифеев, как А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Р. Ратинов, А.Б. Сахаров, М.Д. Шаргородский, А.С. Шляпочников, А.М. Яковлев и др., которые ещё в начальный период становления и развития отечественной криминологии заложили основы и подходы к достоверному пониманию и осмыслению преступления и наказания.

Предлагаемая читателю работа выполнена в соответствии с программой научной деятельности общественного объединения «Союз криминалистов и криминологов», главная цель которого — интегративно использовать знания учёных-теоретиков и практиков в разработке наиболее актуальных и важных проблем борьбы с преступностью и способствовать всемерному совершенствованию эффективных мер антикриминогенного воздействия.

Глава 1. Общий взгляд на преступника и преступление

1.1. Преступник как источник преступного поведения

Причины преступного поведения заключены в личности преступника. Чтобы понять их, необходимо изучить эту личность, выявить внешние по отношению к ней социальные явления и процессы, которые сформировали ее криминогенные черты. Само преступное поведение нужно изучать не только для его предотвращения или пресечения, но и для понимания его причин. Данное соображение мы считаем очень важным не столько для теории, сколько для профилактической деятельности. Изучение последней показывает, что можно было бы избежать многих ошибок, если бы практические органы — органы предварительного расследования, суд, учреждения, исполняющие наказание, — в центр своего внимания и профессиональных усилий всегда ставили личность и условия ее жизни, те или иные влияния на нее.

При изучении личности преступника часто бывает трудно отделить ее от поведения, особенно когда изучаются мотивы, намерения, цели, выбор средств их достижения, принятие решения и т.д. Так, возникновение и развитие мотивов преступного поведения можно рассматривать и в рамках изучения формирования личности преступника, и при анализе внутренних механизмов поведения. Мысли, чувства, эмоции и переживания преступника, реализованные в преступлении, есть в то же время проявления его личности.

Преступное поведение, прежде всего длительное, многократное совершение преступлений, способно «питать» себя, но только через саму личность, приобщая ее к определенному образу жизни, закрепляя в ней негативные внутренние черты, антиобщественные установки, взгляды и ориентации, заостряя в нежелательном направлении особенности характера и т.д. Значительную роль в дальнейшей криминализации личности играют пребывание в местах лишения свободы и общение там с другими преступниками. По полученным данным, чем дольше пребывание в этих местах и, главное, чем продолжительнее преступное поведение, тем меньше возможностей добиться исправления осужденных, которые «обрастают» вредными привычками и навыка-

ми, деморализуются, теряют способность к общественно полезным контактам. Среди таких преступников обнаруживаются лица с психическими аномалиями, которые обладают серьезным криминогенным «зарядом», негативно изменяющим личность и все больше препятствующим нормальному человеческому общению.

Для криминологии стало аксиомой утверждение о том, что причиной преступного поведения является сложное взаимодействие внешних, объективных условий и внутренних, субъективных факторов, т.е. среды и личности. Таким образом, среда и личность получают одинаковую криминологическую оценку, а поведение предстает лишь как следствие этого взаимодействия. Если придерживаться такой точки зрения и при этом быть последовательным, то вину за последствия преступного поведения нужно поровну возложить и на среду (конкретную ситуацию), и на самого преступника. Конкретная ситуация — это и очевидцы, и потерпевшие, и условия, в которых совершено преступление, и многое другое. Конечно, «вина» потерпевшего бывает тоже велика (например, в результате неосторожного или аморального поведения), но еще никому в голову не приходило наказывать его так же, как и преступника.

Разумеется, любой человек, поступая, так или иначе, взаимодействует с окружающими обстоятельствами, воспринимая и оценивая их в соответствии с собственной шкалой ценностей, особенностями своей личности. Это прописная житейская мудрость, и уже по этой причине научное объяснение преступного поведения не может ограничиваться рассуждениями о том, что индивид всегда взаимодействует с ситуацией. Вот почему, не приуменьшая криминогенной значимости внешних условий, особенно способствующих преступлению или провоцирующих его в упомянутом взаимодействии, нужно выделить главную сторону. Ею, конечно, является преступник, даже в обстоятельствах, казалось бы, довлеющих над ним, например, при нанесении ему тяжкого оскорбления. Нередко он попадает в жесткую зависимость от обстоятельств. Но это лишь свидетельствует об особенностях данной лично-

сти, способной попадать в такую зависимость. Другой человек на его месте постарался бы «уйти» от этих обстоятельств. Если же ситуация действует неодолимо и однозначно может привести только к тому, что его поступки объективно нанесут вред, — преступление неотвратимо. Разумеется, социально-психологическое взаимодействие имеет место и с совершенно нейтральными, «безобидными» ситуациями.

В качестве примера случая, когда ситуация играет большую криминогенную роль, чем негативные личностные качества, часто приводят острые семейные конфликты, которые иногда длятся годами и нередко заканчиваются убийством кого-нибудь из их участников. В этом плане особенно характерны отношения мужа и жены или сожителя и сожительницы. Здесь, как можно решить на первый взгляд, ситуация полностью довлеет над личностью. Учитывая распространенность насильственных преступлений на семейно-бытовой почве, полезно проанализировать подобные ситуации подробнее.

Прежде всего, подчеркнем, что конфликтные отношения и все связанные с ними обстоятельства создаются непосредственно самими участниками конфликта и эти участники сами попадают в психологическую зависимость от того, что создано их же руками. При этом, хотя ссоры и скандалы многократно повторяются, нанося глубокие моральные, психологические, а часто и физические травмы, заслуженно вызывая негативную реакцию окружающих, такие конфликтные отношения, тем не менее, сохраняются и чаще всего усиливаются теми же конфликтующими сторонами. Выходит, что и будущие жертвы, и преступники как-то заинтересованы в сложившихся отношениях.

В подтверждение приведем следующие данные. Греческий ученый И. Г. Пеппа проанализировала ответы ряда женщин, осужденных за убийства мужей либо сожителей, большинство из которых более или менее длительное время пьянствовали, избивали и оскорбляли своих жен либо сожительниц. Вопрос перед ними был поставлен так: почему женщины продолжали жить с ними совместно, несмотря на неблагоприятные условия? Наиболее характерными ответами оказались: «Боялась отрицательного общественного мнения в

случае развода»; «Уход от мужа не имел смысла, ибо он не оставил бы меня в покое»; «Разойтись с мужем не приходило в голову»; «Развестись не разрешили бы родители»; «Муж не давал развода»; «Некуда было уйти, не было денег и работы»; «Не уходила из-за детей». Автор исследования сделала справедливый вывод, что для многих женщин, ставших убийцами, чрезмерно травматична потеря семьи или ее видимости, и они делали все для ее сохранения.

При таких обстоятельствах, когда люди годами живут вместе и в то же время испытывают друг к другу острую вражду и неприязнь, они становятся рабами своей ненависти. Последняя делается для них источником жизни, активности, даже целью существования, приобретает самостоятельную, самодовлеющую ценность. В этом причина или, во всяком случае, одна из главных причин попадания в жесткую психологическую зависимость от ситуации острого межличностного конфликта. Его участники, сами того не понимая, становятся рабами друг друга, связанными невидимой психологической нитью, разрыв которой для каждой стороны глубоко травматичен, а поэтому нежелателен.

Наши собственные наблюдения показывают, что ситуация, когда жена жестко доминирует над мужем и направляет его поведение, является причиной многих семейных конфликтов. В детстве и юности такие мужчины обычно испытывали гиперопеку со стороны матерей, которые довели над ними. Это могло вызывать бессознательное или вполне осознанное стремление освободиться от такого пресса, в чем можно видеть одну из причин побегов детей из дома. Повзрослев, немалая доля таких людей оказывается неспособной к полностью самостоятельному психологическому существованию и невольно ищет поводыря. Им становится жена, которая, как бы принимая эстафету от матери, продолжает выполнять ее психологические функции, однако у мужчины протест против сурового женского диктата остается.

Как правило, протест находит агрессивное выражение, когда муж (сожитель) находится в нетрезвом состоянии. Имеющие здесь место психологическая

разрядка и компенсация после вытрезвления сменяются еще более жестким давлением и контролем жены (сожительницы), что в свою очередь вновь определяет желание освободиться от них. В трезвом виде мужчина не смеет активно протестовать, попросту не способен на агрессивные действия, поэтому он опять напивается и начинает избивать и оскорблять жену (сожительницу), создавая себе тем самым иллюзию освобождения от ее диктата. Такие периоды сменяют друг друга, повторяясь много раз, все более усугубляя враждебные отношения и взаимную ненависть, наращивая обиды, делая невозможными примирение и установление нормальных отношений. Легко заметить, что в таких ситуациях мужчина тем чаще употребляет спиртные напитки, чем больше ему не хочется появляться в семье. В то же время такой супруг (сожитель) не способен уйти из нее, поскольку жена (сожительница) руководит им в жизни и нередко служит главным каналом связи с окружающим миром. Женщина тоже не может выйти из такого взаимодействия, поскольку в нем реализуется ее потребность в руководстве, доминировании, управлении.

Понятно, что тот или та, которые не желают жить в подобной ситуации и имеют психологические возможности выйти из нее, могут развестись и разъехаться. Остаются жить в таких условиях люди, субъективные черты которых предопределяют их попадание в жесткую зависимость от данной семейной обстановки. Конечно, здесь не упомянуты дети, жилье, совместно нажитое имущество и другие вещи, столь ценимые в реальной жизни. Однако любое имущество можно разделить, а что касается детей, то вряд ли они получат надлежащее воспитание в обстановке постоянных скандалов, драк и оскорблений. Таким образом, даже применительно к ситуациям, участники которых теснейшим образом связаны друг с другом, мы приходим к выводу, что причиной преступных действий вследствие развития этих ситуаций является только личность.

Здесь мы видим явное попадание в психологическую зависимость от ситуации. Но криминологи и психиатры, исследующие личность преступника и

преступное поведение, давно обратили внимание на следующую особенность. Некоторые из преступников, особенно сексуальные убийцы и воры, находятся в психологической зависимости от собственного преступного поведения, т.е. не в состоянии полностью и нередко даже частично контролировать, направлять свое поведение, управлять им. Они оказываются зависимыми от самих себя, своих, обычно бессознательных, влечений, переживаний и инстинктов, некоторые являются невменяемыми.

Так, многие карманные воры не в состоянии сдержать себя, не окунуться с головой в ситуацию риска, играя с опасностью. Сексуальные убийцы через нескольких дней, а иногда месяцев «отдыха» после последнего преступления не в состоянии преодолеть свое желание вновь наброситься на ненавистную женщину и причинить ей страшные страдания.

Здесь мы вплотную подошли, разумеется в самом общем виде, к проблеме объяснения причин преступного поведения. Уяснение причин такого поведения позволит значительно лучше познать причины преступности, даст возможность делать широкие социальные обобщения, отмечать те общесоциальные явления и процессы, которые ранее не привлекали к себе должного внимания в первую очередь из-за недостаточной изученности факторов, порождающих отдельные преступления. Этот переход от общего к индивидуальному и наоборот чрезвычайно важен, в том числе, для профилактики преступности, выявлением тех узловых моментов, которые подлежат наиболее серьезному предупредительному воздействию. Взаимосвязь причин преступности и причин преступного поведения нужно иметь в виду и в чисто познавательных целях, отдавая себе отчет в том, что это явления разного порядка.

Отправным пунктом в изучении любой личности является понимание ее как целостного образования, как единства всех свойств и качеств, отражающих взаимосвязь и взаимозависимость личности и социальной среды, в которой эта личность живет, воспитывается и проявляет себя. Понятно также, что ни одно из человеческих качеств, взятое изолированно, не определяет поведения

и его направленности, что все свойства и качества индивида прямо или косвенно связаны друг с другом.

Однако изучение личности как целостного образования представляет собой не анализ ее составляющих, а выявление ее ведущего качества, обладающего возможностями системообразования и в силу этого определяющего остальные ее черты и поведение в целом. Таким качеством может быть, например, агрессивность, обуславливающая и восприятие окружающего мира, и характер поведения, и его направленность. У некоторых людей агрессивность является системообразующим качеством, что делает понятным и внутренне целесообразным преступное поведение. Это качество образует сущность данной личности, и если представить себе, что оно устранено, то перед нами будет уже другая личность.

Все содержание настоящей книги сконцентрировано на проблеме ведущей роли социальных факторов в порождении преступности и преступлений. Те социальные факторы, которые порождают преступность в целом, в каждом конкретном случае определяют преступное поведение следующим образом: во-первых, они создают неблагоприятные условия для формирования личности в семье, школе, иных учебных, а также в трудовых коллективах, неформальном общении; во-вторых, они образуют те внешние условия, которые могут способствовать такому поведению. И в том, и в другом случае они конкретизируются и индивидуализируются.

Сформировавшись, усвоив определенные нормы и стандарты поведения, взгляды и ценности, субъект на каждом новом витке своей жизни на каждую возникающую ситуацию реагирует в соответствии с этими нормами. Причем появление новых факторов во взаимодействии с внешними обстоятельствами способно иногда внести существенные коррективы в круг представлений субъекта, и на новую ситуацию он может уже реагировать иначе.

Думается, что личностные особенности, которые сформировались с началом социализации личности и в дальнейшем закрепились в ней, дают возмож-

ность понять причины преступного поведения. В частности, они определяют отношение личности к складывающимся ситуациям.

Можно, следовательно, говорить о наличии **субъективной причины преступного поведения, которая объективно существует и социально обусловлена**. Здесь мы видим перерастание внешне социального во внутренне субъективное. Например, экономическое и социальное неблагополучие в стране активно влияет на контекст развития семьи, иной социальной группы и отдельных людей, на отношения между ними, создает трудности и преграды в их жизни. Происходит соответствующее воспитание личности, отторжение ее от нормальных связей и отношений, формирование такой личностной особенности, как **тревожность характера**.

Переход из общесоциального в индивидуальное происходит посредством социально-психологических каналов и механизмов, т.е. путем общения между людьми. Здесь мы хотели бы поставить очень сложный, но в научно-теоретическом и практическом отношении важный вопрос: изменяется ли при указанном переходе роль криминогенных обстоятельств, например, не происходит ли перерастание всех или некоторых из них из причин в условия и наоборот? Не останавливаясь сейчас на частностях, можно утверждать, что такого перерастания обычно не происходит: те обстоятельства, которые порождали совершение отдельных преступлений, служат лишь благоприятным фоном для деятельности искаженной личности преступника.

Проиллюстрируем сказанное следующим примером. Предположим, что на стройке отсутствует охранная сигнализация да еще крепко спит ночной сторож, призванный охранять материальные ценности, чем пользуются злоумышленники. Является ли это причиной хищений с названного объекта? На наш взгляд, конечно нет, поскольку недостаточная охрана может стимулировать одних людей на совершение кражи, других — на принятие срочных мер по устранению такого положения, третьи же спокойно пройдут мимо. Теперь укрупним проблему и поставим вопрос так: является ли плохая охрана материальных ценностей в данном регионе причиной повальных хищений? По-

видимому, тоже нет, хотя нужно признать это обстоятельство достаточно серьезным. Дело в том, что причины преступности в целом следует искать в больших социальных противоречиях и конфликтах, а не в организационных или технических упущениях, даже очень существенных.

Если считать преступность совокупностью преступлений, то и совокупность мотивов преступников можно считать ее причиной. Но такой подход представляется слишком упрощенным и поверхностным. К тому же криминогенная мотивация действует на индивидуальном уровне, а поэтому ее не следует рассматривать как причину преступности в целом. Точнее, крупные социальные противоречия, индивидуализируясь в мотивах, вызывают конкретные преступления. Например, усиливающееся расслоение нашего общества по материальному достатку, жизненная неустроенность значительной части людей, их неуверенность в собственных перспективах и другие неблагоприятные факторы могут вызывать повышенную тревожность, а следовательно, порождать мотивы защиты своего «я», мотивы утверждения (самоутверждения).

Изучение негативных социальных процессов, вызывающих преступность, может дать понимание не только самих этих процессов, но и тех факторов, которые выступают в качестве причин отдельных преступлений. Например, возможности для объяснения причин преступности могут появиться при изучении криминальной (криминогенной) мотивации отдельных преступлений. Понять причины преступности поможет также учет того, что преступникам зачастую характерны такие негативные личностные особенности, как отчужденность, асоциальность, жестокость, повышенная тревожность. Поэтому можно предположить, что в обществе имеются условия, формирующие и поддерживающие именно данные особенности. В связи с этим привлекают внимание экономические, демографические, культурные, нравственные и иные явления, характеризующие жизнь общества в целом и приводящие к преступному поведению в каждом конкретном случае. На наш взгляд, имен-

но в этих явлениях, а не в природных качествах человека заложены причины преступного поведения, хотя игнорировать упомянутые качества не следует. Такие генетически обусловленные качества, как предрасположенность к алкоголизму, наркомании или игромании, нервным болезням, могут нести существенный криминогенный заряд, если не принимаются специальные меры по их нейтрализации. А это уже зависит от экономических возможностей общества, уровня его нравственного развития, общественных нравов, достижений науки и других обстоятельств.

Многих криминологов волнует вопрос о соотношении социальных и биологических факторов в преступном поведении. Однако в отечественной криминологии исследований биологических факторов преступного поведения не проводилось, эмпирических данных по большому счету нет.

По этому поводу мы считаем необходимым высказать ряд принципиальных соображений. Прежде всего, когда говорят о соотношении социального и биологического в человеке и его поведении, всегда нужно иметь в виду личность, ее психологию. Это именно тот творческий уровень, на котором происходит взаимодействие названных факторов, вследствие чего миновать его никак нельзя. Игнорирование психологии личности может привести к выводам о том, что социальные и биологические факторы порождают поведение, не преломляясь через личность. Поэтому мы считаем, что данная проблема должна рассматриваться на уровне причин преступного поведения, а не причин преступности.

Почему мы столь детально и даже настойчиво пытаемся развести уровни причинности, имеет ли это существенное значение? Помимо научных целей, это важно для решения практических задач, поскольку общество и его правоохранительные органы обязаны четко представлять себе, с антиобщественными явлениями какого масштаба они борются. Несомненно, что общество должно бороться со всей преступностью, а его правоохранительные органы — предупреждать отдельные преступления, расследовать их, определять наказания преступникам, исполнять эти наказания. В определенных границах

должна вестись работа по прогнозированию преступности, программированию и планированию борьбы с ней. Дело здесь, конечно, не только в границах, но и в объекте воздействия, что в свою очередь диктует выбор ближайших и более отдаленных целей и задач, а также поиски методов и средств их решения, определение характера мер воздействия и т.д.

Каковы технические возможности познания причин преступного поведения? Традиционно это анкетирование уголовных дел, реже — опрос осужденных. Но данные методы при всей их полезности не дают должного представления о живых людях с их страстями, сложностями и противоречиями прожитой жизни и, главное, не раскрывают причин того, что же их в действительности сделало преступниками. Не все криминологи владеют психологическими приемами, помогающими изучать личность, не все подготовлены для проведения бесед с людьми. Не всегда следователь, прокурор, адвокат, суд, воспитатель в местах лишения свободы и даже исследователь-криминолог умеют слушать преступников и вслушиваться в их рассказы о жизни, более того, очень многие считают, что все преступники сплошь лжецы. Между тем преступники лгут обычно тогда, когда правда грозит ухудшить их и без того тяжелое положение.

Как понять, например, поведение В., 46 лет, шесть раз судимого за кражи, признанного особо опасным рецидивистом, почти всю взрослую жизнь проведшего в местах лишения свободы? Как и почему он встал на этот путь? Может быть, лучше послушать его самого, не ограничиваясь изучением материалов возбужденных против него уголовных дел?

В. рассказывает: «Нас в семье было пятеро детей. Отец работал на карьере рабочим, очень уставал, на нас, детей, времени у него не было. Любил ли он меня? Если бы любил, я бы не ушел в другую сторону. О матери ничего особенного рассказать не могу; я ее не слушал, тем более что она все время болела, чем не знаю, но у нее опухли ноги. Я закончил только четыре класса, а так все время бегал по садам, по набережной. Убегал из дома, чтобы найти, что покушать, особенно мы воровали с ребятами фрукты. Нет, дома было что

покушать, но не то, что я хотел, а вот одежды не было. Воровать стал рано, в основном из карманов».

Не будем подробно комментировать этот короткий, но весьма красноречивый и довольно типичный рассказ. Можно сделать вполне определенные предположения о том, почему встал на преступный путь человек, выросший в семье, в которой наряду с материальной нуждой отсутствовали теплые человеческие отношения и забота о ребенке. Даже такие короткие повествования подчас дают сведений больше, чем самые масштабные социологические опросы. Здесь мы вплотную подходим к вопросу о **методах изучения причин преступного поведения** и о том, какими возможностями в этом отношении располагает наука. Поскольку причины преступного поведения «находятся» в личности, основное значение приобретают психологические подходы и методы, психологическая интерпретация полученных результатов, которая может быть использована для понимания более широких социальных явлений и процессов.

При изучении причин преступлений важно использовать и возможности **психиатрии**, поскольку среди преступников довольно велика доля лиц с психическими аномалиями в пределах вменяемости. Нарушение психической сферы личности оказывает сильное влияние на мотивацию ее поступков, другие психологические явления и процессы. Такие нарушения, как и биологические факторы, не действуют напрямую, вызывая те или иные поступки, а лишь взаимодействуют с психологическими особенностями личности. Поэтому нужны **патопсихологические изыскания**, т.е. психологические исследования преступников с нарушенной психикой. Между тем и данное направление развивается все еще медленно. И, видимо, это одна из главных причин невысокой эффективности профилактики преступлений лиц с психическими аномалиями.

Наш опыт показал, что наилучшие результаты могут быть достигнуты с помощью монографического метода, т.е. углубленного изучения причин преступного поведения, как правило, небольшого числа преступников, главным

образом с помощью психологических методов — **бесед и тестов**, которым предшествует тщательное ознакомление со всеми имеющимися на данное лицо **материалами**. Такое изучение позволяет получить представление об особенностях мировосприятия, потребностей, интересов, чувственно-эмоциональной сферы, основных мотивационных тенденций, бессознательных или осознаваемых частично, о характерологических чертах, ценностных ориентациях и об установках, о направленности личности в целом, о ее типе. Очень важно отметить, что подобный подход дает возможность проследить и понять жизненный путь человека, оценить его жизненный опыт, выявить социальные статусы и роли, условия воспитания и формирования личности, специфику общения и взаимодействия с другими людьми.

Нетрудно заметить, что такое знание о конкретном человеке не может быть получено традиционно — путем **социологического опроса**. Здесь требуются определенное доверие опрашиваемого, умение интервьюера поставить себя на его место, как бы вжиться в его образ, чтобы понять его и прожитую им жизнь. Поэтому мы и призываем видеть в преступнике живую, чувствующую, переживающую, думающую личность, а не бледное и часто искаженное ее отражение, имеющееся в следственных или судебных материалах.

Возникает вопрос: насколько полученным подобным путем сведениям можно придавать обобщающий характер, насколько выводы относительно малой группы преступников можно распространять на всю их совокупность, исчисляемую не одной сотней тысяч людей?

Прежде всего, отметим, что монографическое изучение должно охватывать не всех преступников без разбора, а только их определенные категории. В рамках этих категорий отбирается столько лиц, сколько нужно для того, чтобы получить представление о каждом из типов преступников (и соответственно их преступном поведении). С помощью некоторых тестов (например, «Методики многостороннего исследования личности») можно изучить такое количество преступников, которое будет отвечать социологическим требованиям **репрезентативности** (представительности). В этом случае углублен-

ные беседы проводятся не со всеми, а только с некоторыми. Тесты, разумеется, выбираются такие, которые наиболее адекватны задачам данного изучения, лучше всего способствуют их решению.

Изучая отдельного преступника, мы изучаем его индивидуальность, включающую и общие, присущие другим преступникам черты, и единичные, неповторимые. Те и другие дают целостное представление о личности. То, что в каждом преступнике есть какие-то черты, которые можно обнаружить и у других правонарушителей, является непременным условием изучения. Однако даже индивидуальные, неповторимые черты все же отражают социально-типические.

Философы и социологи создали немало ярких и верных **социальных портретов**, в которых социальный тип личности (буржуа, фермера, рабочего и др.) выступает в персонифицированной форме. Социальная портретистика широко используется для характеристики общей тенденции в развитии эпохи, социальных типов личности, духа времени, нации, политической партии ит. д., тех интересов данного социального слоя, выразителем которых является конкретное лицо как его представитель.

Сходное положение можно констатировать в художественной литературе и искусстве. Искусство представляет собой идеальное, творческое, закономерно обусловленное отражение действительности, в том числе реальных проблем человека, его чувств, переживаний, идеалов, мыслей. Художественное произведение не буквальное или приблизительное воспроизведение жизни. В единичном, особенном оно отражает общее, улавливая и воспринимая наиболее типичные и существенные черты и свойства действительности. В то же время действительность стоит бесконечно выше искусства по своему богатству, неисчерпаемости, многосторонности, неповторимости.

Монографическое исследование в науке, в данном случае в криминологии, во многом напоминает социальную портретистику и подходы искусства к познанию человека, его мира, механизмов его поступков. То, что при таком исследовании охватывается меньший по количеству массив правонарушителей,

с лихвой компенсируется глубиной и разносторонностью познания, проникновением в самые потайные уголки психики, внутреннего мира человека, анализом и объяснением происходящих там явлений. При этом очень важно отметить, что сами эти явления внутреннего мира, их механизмы и смысл, особенно в части мотивов поведения, как правило, ускользают от фиксации и тем более понимания самим субъектом. Они открываются лишь исследователю, обладающему профессиональными навыками, умением их обнаружить и интерпретировать в целях объяснения поступков.

Здесь возникают и нравственные проблемы, первая из них — не использовать во вред человеку полученное о нем знание, быть крайне тактичным при анализе его интимного мира и интимных переживаний. Выступая в качестве инструмента научного познания, монографическое изучение личности преступника, весьма уязвимого в психологическом отношении, плохо защищенного в условиях изоляции от общества, должно отвечать требованиям этических норм. Монографическое исследование позволяет логически увязать условия семейного воспитания, прожитую жизнь и последующие влияния, психологические особенности личности. В ходе беседы (при наличии, конечно, психологического контакта) человек начинает свободно рассказывать о себе, своих близких, собственных интересах и наиболее памятных фактах. О плохом отношении родителей обычно умалчивается, особенно если оно было неясным, и об этом следует судить по каким-то другим данным. Иногда же, как в нижеследующем примере, дурное обращение родителей занимает центральное место в рассказе.

Е., 36 лет, родился и вырос в условиях безразличного отношения матери и резко враждебного, жестокого отношения отца. Е. вспоминает: «Мы с братом внимания матери не ощущали, она целыми днями пропадала на работе. Родители нас часто били, особенно меня, а я бил брата, поэтому он от меня прятался. Однажды, когда мне было лет десять или двенадцать, отец так побил меня, что я, выбив головой стекло, вылетел на улицу, упал на асфальт и поранил лицо. Думаю, что он был мне неродным, потому что родные так не по-

ступают. Я чувствовал себя в семье чужим и часто убегал из дома. Жил в кочегарках и сараях, ездил по разным городам, но нигде для меня места не было. Нигде не нашлось такого дома, который стал бы для меня своим».

Родители относились к Е. безразлично и враждебно, причем конфликты обострились после того, как он стал совершать преступления. В первый раз его осудили за кражу, затем дважды за нанесение тяжких телесных повреждений (его брат четыре раза судим за кражи). После освобождения Е. вернулся в дом родителей. Во время очередной ссоры он нанес отцу тяжкие телесные повреждения, от которых тот через несколько дней скончался.

Е. не испытывает угрызений совести по поводу гибели отца и не считает себя виновным. Он оправдывает свои действия тем, что отец был «очень плохим человеком»; вспоминает о нем с ненавистью, приходит в возбуждение, кричит, рассказывая о его отношении к себе.

Кроме того, Е. отрицательно относится и к матери: «Она мне хотела сейчас (в период отбывания наказания) дать передачу, но я ее не взял, на свидание с ней не пошел. Я ей передал, что не хочу знать, где будет ее могила, и пусть она не знает, где моя».

Возможности объяснения причин преступного поведения кроются, конечно, не только в конкретных социологических и психологических методах. В не меньшей степени они определяются отношением исследователя к изучаемым явлениям, тем, как он понимает личность преступника, ее природу, что вкладывает в это понятие.

1.2. Типология преступников

Чтобы достаточно полно уяснить особенности преступного поведения, необходимо учитывать, что оно, как любое другое поведение, неоднородно. Это поведение включает такие виды, которые, помимо общей для всех негативной условно-правовой оценки, мало чем похожи друг на друга. Например, убийства значительно отличаются от краж, изнасилования — от разглашения

военной тайны, разбой — от нарушений правил безопасности горных работ. Специфика имеется не только в содержании самих преступных действий, но и в их субъективных причинах, что следует отметить в первую очередь. Поэтому представляется, что наряду с общей объяснительной схемой преступного поведения (ею, на наш взгляд, может быть отчуждение личности) необходимо более углубленно анализировать причины отдельных видов такого поведения.

Среди отдельных видов преступного поведения наиболее распространены корыстный и насильственный. Обычно считают, что корыстные преступления порождаются корыстью, а насильственные — агрессивностью, хулиганскими побуждениями, мстью и другими сходными субъективными причинами. Нам подобные объяснения представляются недостаточными, поскольку не дают ответа на вопрос о том, почему, например, корыстные стимулы появляются и реализуются у одного человека, а у другого нет, и почему этот другой решает возникающие жизненные трудности совсем иными способами. К тому же и корыстные мотивы сами по себе не могут быть противоправными. Таковыми могут быть лишь способы достижения цели.

Приведенные объяснения, будучи основаны на элементарных жизненных наблюдениях, не учитывают сложнейших глубинных и противоречивых, чаще бессознательных, стимулов поведения, не вскрывают «глухих и темных закоулков» души. Мы считаем, что следует объяснять преступное поведение исходя из типологии личности преступника, связывать виды преступного поведения с типами преступников, которые могут быть выделены по самым разным признакам. Личность преступника в целом представляет собой **социальный и психологический тип**, отличающийся от других личностей.

Социально типичные признаки личности проявляются в определенных способах жизнедеятельности человека. Преступник как социальный тип личности отличается от представителей других социальных типов тем, что он общественно опасен. Опасность заключается в возможности нанесения вреда тем общественным отношениям, которые охраняет государство.

Но не только эта черта отличает преступников от других лиц. Психологическое эмпирическое изучение значительной группы лиц, виновных в убийствах, грабежах, кражах и других общеуголовных преступлениях, показало, что им в гораздо большей степени, чем законопослушным гражданам, свойственны такие особенности, как слабая адаптированность, отчужденность, импульсивность, агрессивность. Они в целом хуже учитывают прошлый опыт, плохо умеют или вообще не умеют прогнозировать будущее.

Таким образом, в личностной структуре преступника как типа личности имеются элементы, являющиеся психологическими предпосылками преступного поведения. В духовном мире преступника на сознательном и бессознательном уровнях обнаруживаются особенности, которые формируют мотивы преступлений и приводят к их реализации. Ведь любое преступление не является случайным по отношению к личности совершившего: в своей основе оно подготовлено всем развитием ее социальных и психологических свойств. Поэтому о личности преступника как социальном типе можно говорить только в связи с преступным поведением.

Это не означает, что все совершившие преступления и осужденные за них в полной мере обладают перечисленными выше чертами личности. Данные черты типичны для подавляющего большинства преступников, но необязательно они должны быть у каждого из них.

Указанные черты личности неодинаково выражены у различных категорий преступников. Проведенное нами совместно с В. П. Голубевым и Ю. Н. Кудряковым исследование показало, что импульсивность, тенденция поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций, застревание аффекта (ригидность), склонность к подозрительности, злопамятность, повышенная чувствительность, а также отчужденность, уход в себя, стремление к соблюдению дистанции между собой и окружающим миром более всего характерны для лиц, виновных в совершении грабежей и разбоев. Реже эти черты встречаются у убийц, насильников, воров и очень редко — у расхитителей.

Поскольку психологические особенности самым активным образом участвуют в формировании нравственного облика личности и мотивации ее поведения, можно утверждать, что преступники от неправоверных отличаются нравственно-психологической спецификой. Можно предположить, что преступники далеко не всегда понимают, чего от них ждет общество и как они должны поступать в тех или иных ситуациях. У них отсутствуют побуждения к соблюдению социальных норм.

Криминологическая типология личности преступника помогает выявить причины преступного поведения, а значит, с большей эффективностью предупреждать преступления. Следовательно, в конечном счёте, она должна подчиняться общим задачам борьбы с преступностью.

От анализа личности преступника в целом как типа, как носителя наиболее общих, устойчивых социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических черт и качеств можно перейти к анализу ее разновидностей. Именно посредством типологизации создается своеобразная модель личности, что серьезно облегчает решение целого ряда практических задач. Соответствие конкретного лица уже созданной модели, т.е. определенному типу личности, позволит сделать весьма обоснованное предположение о субъективных причинах преступного поведения, поскольку они уже известны как свойственные данному типу личности. Исходя из причин типологического характера, заблаговременно можно разработать правила (алгоритмы) предупредительной работы с представителем именно данного типа, определить тактику следствия или отдельных следственных действий в случае возбуждения уголовного дела.

Можно сказать, что практическое значение типологизации личности преступника состоит в возможности дифференцировать профилактическое и карательно-воспитательное воздействие, решать некоторые следственные задачи. Знание типологии преступника дает возможность выявлять и анализировать отдельные типы преступного поведения, позволяет объяснять это поведение особенностями данного типа личности.

Существует несколько типологических схем личности преступника. Приведем некоторые из них.

По признакам антиобщественной направленности поведения в основу типологии личности положено ее отношение к различным общественным ценностям.

1. Негативно-пренебрежительное отношение к личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести, достоинству, спокойствию и т.д. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивно-насильственных преступлений — убийств, телесных повреждений, изнасилований, оскорблений и т.д., а также большинства случаев хулиганства.
2. Пренебрежительно-презрительное отношение к позитивным государственным устоям, согражданам, нормам права, законам, традициям добропорядочности. Это характеризует многих людей государства с олигархическими принципами правления и является устойчивой основой для организованной и коррупционной преступности, которой присуща высочайшая степень латентности.
3. Корыстно-выраженные, частнособственнические тенденции, связанные с игнорированием принципа распределения материальных благ по труду, права государственной собственности и личной собственности граждан. Это характерно для совершения хищений, краж, мошенничества, взяточничеств, спекуляции и иных корыстных преступлений.
4. Индивидуалистическое отношение к различным социальным установлениям и предписаниям, общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям. Подобные антисоциальные черты определяют совершение ряда хозяйственных преступлений, преступлений против порядка управления, правосудия, воинских преступлений и др.
5. Легкомысленно-безответственное отношение к установленным социальным ценностям и своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в различных неосторожных преступлениях.

На основании такой классификации отношений выделены следующие типы преступников.

1. **Случайный** — впервые совершивший преступление, которое противоречит общей социально-положительной направленности, характеризуемой всем предшествующим нравственным поведением.
2. **Ситуационный** — совершивший преступление под воздействием неблагоприятной для преступника внешней ситуации при общей социально-положительной направленности.
3. **Неустойчивый** — совершивший преступление впервые, но допускавший различные правонарушения и аморальные проявления и ранее.
4. **Злостный** — неоднократно совершавший опасные преступления, в том числе, ранее судимый.
5. **Особо опасный** — неоднократно совершавший опасные преступления, в том числе, признанный особо опасным рецидивистом

В приведенных схемах типы личности преступника связаны с преступлениями и его отношением к различным общественным ценностям. Эти схемы могут иметь практическое значение, например, для классификации преступлений и осужденных. Вместе с тем они, на наш взгляд, нуждаются в ряде уточнений.

Прежде всего, вызывает сомнение существование случайного преступника, о чем подробно будет сказано ниже. Кроме того, негативное отношение к тем или иным ценностям еще не означает, что человек совершит преступление. О негативном же отношении, как правило, судят тогда, когда какие-то действия, выявляющие это отношение, уже совершены. Можно обоснованно предположить, что одна и та же субъективная причина (в данном случае отношение) способна породить различные действия, равно как и разные причины могут вызывать весьма сходное поведение. В целом же здесь внимание акцентируется на внутренних причинах преступления.

По степени общественной опасности личности и ее криминогенной активности мы предлагаем выделить такие типы преступников.

1. Особо опасные (активные антисоциальные) — многократно судимые рецидивисты, устойчивое преступное поведение которых носит характер активной оппозиции обществу и его ценностям. В первую очередь это преступники, постоянно совершающие кражи, грабежи, разбои, хулиганские действия и тяжкие преступления против личности. Среди них обращают на себя внимание профессиональные преступники, для которых преступления являются единственным или главным источником получения средств к существованию (например, квартирные и карманные вору). Они иногда сращиваются с крупными расхитителями, помогая им в транспортировке и сбыте похищенного, охраняя их лично и т.д., что и образует организованную преступность. Подходящие для совершения преступлений ситуации они активно создают сами.

Сюда следует отнести и крупных расхитителей имущества, крупных взяточников, совершающих такие преступления длительное время.

К особо опасным преступникам, помимо насильственных, отнесем представителей подчас «неприкасаемой» и неуязвимой сферы, связанной, в частности, с организованной и коррупционной преступностью, особенно в верхних эшелонах власти, экономики, «народного хозяйства», поскольку именно там формируются стойкая аномия, презрительное пренебрежение к правовым и законным основам жизни, что самым опасным образом влияет на состояние общегражданской правопослушности и нравственно-психологические устои социума, стойко деформируя общественное и индивидуальное сознание.

2. Десоциализированные опасные (пассивные асоциальные) — деклассированные лица, выпавшие из системы нормального общения, длительное время ведущие паразитическое, часто бездомное, существование. В основном это лица, занимающиеся бродяжничеством, попрошайничеством, тунеядцы. Многие из них неоднократно судимы и являются алкоголиками. Они совершают и корыстные преступления, но, как правило, мелкие, для обеспечения своего антиобщественного существования и особенно приобретения спиртных напитков. В отличие от особо опасных преступников эти лица в основ-

ном пассивны: обычно не создают ситуации для совершения правонарушений сами, а используют складывающиеся. Но, как и особо опасные преступники, представители этого типа устойчивы в противоправном поведении.

3. Неустойчивые — лица, отличающиеся частичной криминогенной заряженностью и совершающие преступления (порой не один раз) не в силу стойких антиобщественных установок, а из-за включенности в такие группы, образ жизни которых находится на грани социально приемлемого и антиобщественного. Наиболее распространенными представителями этого типа являются правонарушители, совершающие в нетрезвом состоянии мелкие хищения и кражи, хулиганство, реже — грабежи, разбои, некоторые насильственные преступления. При существенном изменении жизненных обстоятельств в лучшую сторону и при эффективном воспитательном воздействии они способны воздерживаться от противоправных действий.

4. Ситуативные — лица, чья общественная опасность выражена в поведении незначительно. Преступления совершаются ими не потому, что ситуации имеют решающее значение. Дело в том, что из-за психологических особенностей они попадают в жесткую зависимость от ситуации, не находя социально приемлемого способа ее разрешения. К числу ситуативных относятся немало насильственных преступников, а также лиц, совершивших корыстные преступления в сложных жизненных обстоятельствах, например при материальных затруднениях.

Разумеется, эта типология, как и другие, условна, и, по-видимому, не каждый преступник может быть без колебаний отнесен к тому или иному типу. Можно встретить представителей смешанных, промежуточных групп.

Другие имеющиеся типологии преступников носят больше описательный, чем объяснительный характер. В качестве примера приведем типологию расхитителей, разработанную В. Г. Танасевичем.

К первой группе он отнес преступников с ярко выраженной антиобщественной направленностью, чрезвычайно развитыми эгоистическими склонностями, безразличным отношением к общественным интересам. В этой группе

выделяются: расхититель-делец с активной антиобщественной установкой; расхититель-рецидивист, превративший хищения в основной источник доходов; расхититель-жулик, рассматривающий имущество как источник личного благополучия.

Вторую группу составляют лица, совершающие хищения при отсутствии выраженных антиобщественных устремлений в результате неблагоприятно складывающихся ситуаций, жизненных трудностей.

Таких типологических схем, особенно в отношении корыстных преступников, можно привести немало, но они еще в недостаточной степени выполняют объяснительные функции.

Как же достичь объяснительного уровня, что положить в основу типологии в целях раскрытия причин преступного поведения применительно к отдельным типам преступников и преступного поведения? В свете сказанного ответ может быть только один: то, что является субъективной, внутренней причиной совершения преступлений. Это не означает игнорирования внешних факторов, которые способствуют преступному поведению и роль которых в механизме такого поведения может быть велика. Но коль скоро речь идет о личности преступника, нужна типология именно личности.

Основным стимулом, причиной поведения человека является **мотив**. Именно в нем отражено то, ради чего совершаются действия, в чем их личностный смысл для субъекта. В мотиве опредмечиваются потребности и интересы, он формируется под влиянием влечений и эмоций, установок и идеалов. В ходе их удовлетворения мотивы могут изменяться и обогащаться. Поведение человека обычно полимотивировано, т.е. определяется рядом мотивов, но они не равнозначны. Одни являются ведущими, другие выступают в роли дополнительных. Личность более всего отражена в мотиве, а поэтому справедливо утверждение, что она такова, каков мотив ее поведения.

Мотив — явление субъективное, связанное с индивидуальными особенностями и установками личности, но в то же время, включающее социально-психологические черты. Результаты современных криминологических исследова-

дований не позволяют утверждать, что есть специфические мотивы преступного поведения. Во всяком случае, подавляющее большинство мотивов преступлений не являются таковыми и могут вызывать иные действия. Все зависит от нравственных черт личности, определяющих выбор цели и средства ее достижения. Основная масса мотивов как бы нейтральна. Исключение составляют те, которые направлены на реализацию физиологической потребности в алкоголе или наркотиках. Поэтому оценка мотивов по моральным критериям не всегда допустима.

Мы полагаем, что в основу типологии преступников должны быть положены мотивы их уголовно наказуемых поступков. Отдельные попытки (только отдельные!) создания такой типологии уже предпринимались. Так, среди насильственных преступников (совершающих насильственные действия) по мотивационным особенностям предлагается выделить, например, лиц старших возрастных групп (старше 40 лет), для которых характерны мотивы ревности, а также лиц из числа молодежи (от 18 до 29 лет), преступления которых основываются на мотивах мести, сопряженных с потребностями самоутверждения в семье, при отсутствии длительных неприязненных отношений между ними и потерпевшими.

Теперь приведем типологию личности корыстных преступников (совершающих корыстные, имущественные преступления), созданную по мотивационным критериям, а затем попытаемся ответить на вопрос: можно ли по тем же критериям создать единую типологию для всех преступников? Сравнение совершенно разных по характеру преступлений как бы подсказывает ответ на поставленный вопрос.

Итак, **корыстные преступники**. Среди них мы выделили следующие типы.

1. Утверждающийся (самоутверждающийся) тип, к которому относятся лица, смыслом преступного поведения которых является утверждение себя, своей личности на социальном, социально-психологическом или индивидуальном уровне. Разумеется, здесь присутствует и корыстный мотив, который выступает как параллельный, сопутствующий, в большинстве случаев равно-

значный. Таким образом, налицо полимотивация. При этом корыстный мотив не переплетается с самоутверждением, престижными соображениями, утверждением своего авторитета. Самоутверждаясь, человек стремится ощущать себя источником изменений в окружающем мире. Это стремление представляет собой некий руководящий принцип, пронизывающий различные мотивы.

Очень важно отметить, что владение, распоряжение похищенным выступают в качестве средства утверждения личности, своего «я». Особенно четко это проявляется в преступных действиях молодых людей, если они таким путем завладевают престижными вещами или средствами для их приобретения.

Мотив утверждения на социально-психологическом уровне может иметь место, например, когда подросток совершает кражу или принимает участие в групповых хулиганских действиях, для того чтобы быть принятым в определенную неформальную группу.

2. Деадаптивный (или асоциальный) тип включает лиц, у которых нарушена социальная адаптация, т.е. приспособляемость к условиям социальной среды. Эти преступники ведут антисоциальный, часто бездомный образ жизни, выключены из нормальных связей и отношений, многие из них являются бродягами и алкоголиками. Как правило, они совершают незначительные по стоимости похищенного кражи и хищения. Добытые преступным путем имущество и деньги используют для поддержания своего образа жизни, обычно связанного с употреблением спиртных напитков. Многие из них ранее были судимы, не имеют постоянного места жительства, прописки, паспорта или иных документов. Естественно, что они чаще всего нигде не работают, не имеют семьи. Связи с близкими, родственниками у них отсутствуют. Друзей, как правило, у них нет. Они как бы плывут по течению, обычно безразличны к своей судьбе, не думают о будущем.

В основе такого деадаптивного поведения лежит полная личностная неопределенность. У таких людей нет устойчивого представления о себе, они не стремятся к его приобретению. Все их поведение обусловлено неосознавае-

мым стремлением избежать идентификации (уподобления) с другим человеком, группой, социальной средой в целом, вхождения в нее. Таким образом, смыслом их дезадаптивного поведения является боязнь социальной идентификации и обретения личностной определенности. Такая определенность формируется лишь в процессе активного социального общения, принятия на себя ролей и их проигрывания, выполнения требований среды, в которую включен человек. Благодаря оценкам других людей в процессе общения с ними, участия в совместной деятельности путем идентификации формируются самооценка, представление о себе и тем самым личностная определенность. Человек, у которого сформировано такое качество, знает, что он может и должен делать.

Дезадаптивные корыстные преступники избегают включаться в социальные взаимодействия из-за имеющихся у них неосознаваемых тенденций к отрицанию своей социальной идентификации, любой социально-психологической стабильности. Их социальные контакты поверхностны, они если устраиваются на работу, то подолгу на ней не задерживаются, избегают любых обязательств и т.д. Другими словами, они стремятся жить как бы вне общества, вне социальной активности, отгораживаясь от любого проникновения в их внутренний мир.

Обычно дезадаптивные личности не имеют законных источников получения средств к существованию; кражи и другие имущественные преступления дают им эти средства. Исходя из этого, мы полагаем, что, если сохранятся нынешние тенденции отчуждения в семье и ее дезорганизация, число дезадаптивных преступников возрастет. Этому будет способствовать и то, что при переходе к рыночным отношениям и приватизации предприятий наименее квалифицированные рабочие останутся без работы. Поэтому, если не будут приняты специальные меры, какая-то часть работников окажется выброшенной из нормальной жизни.

3. Алкогольный тип очень близок к дезадаптивному, но не сливается с ним. Критерием для выделения этого типа является совершение корыстных пре-

ступлений ради получения средств для приобретения спиртных напитков. Среды его представителей в основном те, которые постоянно злоупотребляют такими напитками или больны алкоголизмом. Для корыстных преступников алкогольного типа характерны существенные изменения личности, прежде всего ее мотивационно-потребностной сферы. Алкоголь становится смыслообразующим мотивом их поведения, мерилем всех ценностей и отношений. По мере роста зависимости от алкоголя данный мотив приобретает в структуре личности все более доминирующее место, подчиняя себе все иные мотивы. В связи с этим мотивационная сфера полностью перестраивается. Семья, работа, друзья приобретают другое значение, связанные с ними мотивы теряют прежнюю побудительную силу.

Меняется и круг общения, которое в основном начинает реализовываться в группах антиобщественного поведения, что усиливает и усугубляет дезадаптацию, оторванность человека от нормальных связей и отношений.

Корыстные преступления, совершаемые ворами и расхитителями алкогольного типа, обычно не отличаются повышенной общественной опасностью. Чаще всего это мелкие кражи или мелкие хищения на производстве для удовлетворения потребности в спиртных напитках. Преступления совершаются такими людьми примитивными способами, обычно отсутствует подготовка к ним, не принимаются меры к уничтожению следов, а похищенное, чаще всего, тут же сбывается. К этой категории также относятся наркозависимые типы.

4. Игровой тип личности корыстных преступников весьма сложен с психологической точки зрения. Между тем он довольно часто встречается среди преступников, особенно среди воров: вспомним Шуру Балаганова из «Золотого теленка» И. Ильфа и Е. Петрова, многих героев плутовских романов.

Представителей игрового типа отличают постоянная потребность в риске, поиске острых ощущений, связанных с опасностью, включение в эмоционально возбуждающие ситуации, стремление участвовать в разного рода операциях, неожиданных контактах и т.д. Корыстные побуждения, как пра-

вило, действуют наряду с игровыми, поскольку для них одинаково значимы как материальные выгоды в результате совершения преступлений, так и эмоциональные переживания, которые связаны с преступным поведением. Последнее обстоятельство существенным образом отличает таких людей от представителей иных типов, т.е. для них психологически весьма важен сам эмоциональный процесс таких действий. Более того, мы встречали случаи, когда этот процесс играл даже ведущую, мотивирующую роль, а остальные стимулы как бы отодвигались на второй план. Это особенно характерно для подростков. Многие из них стремятся тем самым обратить на себя внимание. Разумеется, склонность к игре и игровая мотивация присущи не только преступникам. Существует много видов деятельности, связанных с риском, эмоционально возбуждающими ситуациями и т.д., например, у альпинистов, автотогонщиков, каскадеров, у представителей других профессий, чья работа представляет определенную опасность. Надо полагать, что ею занимаются те, кто индивидуально к этому предрасположен и имеет соответствующие способности. Выбор же противоправной или законопослушной формы реализации игровой тенденции зависит от формирования личности, ее воспитания. Следует особо отметить бурный рост числа преступников игрового типа в сфере информационных технологий. Россия вместе с США и Таиландом входит в тройку мировых лидеров по киберпреступности, глобальные корпоративные потери от которой составляют ежегодно около 750 млрд. евро.

Субъектами компьютерной преступности являются представители молодого поколения. Криминологическая, психологическая, криминогенная деформация индивидуального сознания представляет огромную опасность, что уже четко осознано международным сообществом.

5. Семейный тип корыстных преступников выделяется в связи с огромной, в том числе стимулирующей, ролью, которую играет семья. Этот тип обычно встречается среди расхитителей и взяточников и крайне редко — среди лиц, совершающих кражи. Его представители характеризуются тем, что хищения совершают не столько для самих себя, сколько для достижения необходимо-

го, по их мнению и мнению близких и значимых для них людей, уровня обеспеченности материальными и духовными благами семьи и отдельных ее членов. В некоторых случаях интересы самого преступника вообще не принимаются во внимание и он даже ведет аскетический образ жизни. Многие такие корыстные преступники на работе характеризуются весьма положительно, очень привязаны к семье, особенно к детям.

Семейная мотивация весьма типична, например, для тех женщин, которые похищают вверенное им имущество ради детей, мужа, а нередко и ради знакомых мужчин, в частности в целях приобретения для них спиртных напитков. Нередки соединения в одном лице представителей семейного и утверждающегося типов, т.е. один и тот же человек похищает из корыстных мотивов, по мотивам самоутверждения (утверждения) и для обеспечения семьи.

Среди других категорий преступников можно обнаружить некоторые из перечисленных типов. Так, среди убийц нередко встречаются лица, совершившие столь опасные преступления по мотивам самоутверждения (вспомним Раскольникова из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»). Это дает основание выделить их в качестве самостоятельного типа. По мотивам утверждения себя в глазах других и самоутверждения нередко совершаются изнасилования, например для того, чтобы закрепить свой авторитет среди сверстников-подростков, организовавшихся для группового изнасилования, или самоутвердиться, подтвердить свой биологический статус мужчины в собственных глазах.

Представители игрового типа преступников и соответствующий тип поведения относительно редко встречаются среди убийц, чаще — среди грабителей, разбойников, хулиганов и виновных в изнасилованиях. Среди последних это лица, так называемого пассивно-игрового типа, пассивного потому, что (чаще бессознательно) игру затевают женщины, поведением создающие видимость возможности вступления с ними в половую близость. Такие лица, не понимая сущности возникших ситуаций и действительного отношения к ним будущих потерпевших, вступают с ними в отношения, которые мы называем

игрой. В итоге, чтобы сломить их сопротивление, преступники применяют насилие. Опыт изучения подобных преступников показывает: значительное большинство из них искренне верят в то, что женщины были согласны на все, и поэтому они ни в чем не виноваты.

Исследование личности и поведения совершивших изнасилования убеждает также в том, что среди них довольно часто встречаются лица, которые в силу дебилности, слабоумия (реже — физических уродств или иных физических недостатков) не в состоянии установить нормальные сексуальные отношения с женщинами. Ими они по существу отвергаются, иногда подвергаются презрению и насмешкам. К тому же дебилность препятствует усвоению нравственных норм, регулирующих общение между полами. Поэтому, лишённые возможности социально приемлемым путем удовлетворить сексуальные нужды, такие преступники прибегают к насилию. Все это дает основание выделить среди насильников отвергаемый тип, не встречающийся среди других правонарушителей. Разумеется, дебилные личности можно обнаружить среди большинства категорий общеуголовных преступников, но это лишь отдельные случаи, не дающие оснований сформировать из них самостоятельный тип. Среди виновных же в изнасилованиях они встречаются гораздо чаще.

Сказанное позволяет прийти к выводу: невозможно создать типологию личности и поведения всех преступников в зависимости от мотивов их уголовно наказуемых действий. Что касается типологий по иным критериям, то сконструировать их вполне возможно, хотя, как мы уже отмечали выше, они обладают значительно меньшими объяснительными возможностями. Разумеется, отдельные типы, прежде всего утверждающийся (самоутверждающийся), встречаются практически среди любых групп преступников, выделенных по характеру совершаемых преступлений. Однако у преступного поведения в целом есть, по нашему мнению, единый и главный источник — отчуждение личности, основы которого закладываются путем ее психологического, эмоционального отвергания в детстве, лишения заботы и попечения.

Типология преступников может разрабатываться не только для объяснения причин преступного поведения, хотя это и представляется наиболее важным. Типологические группировки преступников и преступлений могут быть созданы и для иных практических нужд борьбы с преступностью, например для организации работы по их исправлению и перевоспитанию, разработки вопросов дифференциации уголовной ответственности. Но мы не случайно отметили первостепенную важность именно объяснения причин совершения преступлений. Даже в процессе исправительно-трудовой деятельности осужденных нельзя не учитывать причины совершения ими преступлений в каждом конкретном случае.

1.3. Психологические черты личности преступника

Под психологическими особенностями личности, или **личностными особенностями**, мы понимаем относительно стабильную совокупность индивидуальных качеств, определяющих типичные формы реагирования и адаптивные механизмы поведения, систему представлений о себе, межличностные отношения и характер социального взаимодействия. Другими словами, это внутренний компонент личности, который представляет собой относительно устойчивую и неповторимую структуру, обеспечивающую индивиду активную деятельность в обществе.

Полученные за последние годы результаты эмпирического изучения личности преступников в сравнении с законопослушными гражданами убедительно свидетельствуют о наличии некоторых отличительных особенностей, в том числе психологических; у первых, более того, раскрывают содержание этих черт, их роль в структуре личности и механизме преступного поведения. Дальнейшее теоретическое осмысление полученных данных будет иметь большое научно-теоретическое и практическое значение.

Вспомним и отметим вначале исследование, проведенное А. Р. Ратиновым и его сотрудниками с помощью разработанного ими теста «Смысл жизни», со-

держашего 25 пар противоположных суждений. Были выявлены существенные различия между преступниками и законопослушными гражданами и наиболее сильные — между преступниками и активно-правомерной группой по всем шкалам теста. По дополнительно построенной суммарной шкале статистическая значимость различий находилась на уровне достоверной. При пошкальном анализе оказалось, что законопослушные группы испытуемых намного превосходят преступников по социально-позитивному отношению ко всем базовым ценностям к общему самоощущению, к оценке смысла своей жизни. По всем данным законопослушные группы испытуемых выгодно отличаются от отдельных групп преступников и от преступной популяции в целом. Различия между преступниками и законопослушными группами в наибольшей мере выражены в отношении к таким ценностям, как общественная деятельность, эстетические удовольствия, брак, любовь, дети, семья. Преступники более фаталистичны и меланхоличны, они крайне отрицательно оценивают прожитую жизнь, повседневные дела и жизненные перспективы, у них снижена потребность в саморегуляции и в дальнейших планах они предпочитают беззаботное существование.

Исследование, основные итоги которого мы привели, характеризует главным образом ценностно-нормативную систему личности преступника, ее нравственные стороны. Однако их недостаточно для раскрытия сущности личности преступника и, соответственно, причин преступного поведения. Поэтому в предпринятом нами исследовании сделана попытка выявить психологические особенности преступников и их отдельных категорий. С этой целью мы изучили группу лиц, совершивших так называемые общеуголовные преступления, т.е. убийства, изнасилования, хулиганства, кражи, грабежи, разбои, хищения имущества, а также нанесших тяжкие телесные повреждения. Контрольную группу составили законопослушные граждане (360 человек), в отношении которых не было никаких данных о совершении ими противоправных действий.

Мы предположили, что **сравнительный анализ психологических особенностей различных категорий преступников и законопослушных граждан позволит проверить значение этих особенностей в возникновении преступной деятельности.**

Отобранные группы изучались с помощью методики многостороннего исследования личности (ММИЛ). Этот тест представляет собой адаптированный вариант Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММПР), с помощью которого возможно целостное исследование личности, охватывающее три ее уровня. Первый уровень представляет собой врожденные особенности, определяющие темп психической активности, силу и подвижность нервных процессов, устойчивые эмоциональные свойства, сексуальную направленность и другие параметры, имеющие отношение к темпераменту. Второй уровень характеризуется совокупностью устойчивых качеств, сформировавшихся в процессе индивидуального развития в социальной среде и проявляющихся как в виде типичных реакций и действий, так и в форме сознательной, гибкой деятельности, которая определяет тип социального поведения. Третий уровень касается социальной направленности личности, иерархии ее ценностей и нравственных отношений.

Для удобства интерпретации и сравнения различных профилей оценка полученных данных производится в Т-баллах (от 20 до 120).

Нормативным является профиль в пределах 0—65 Т-баллов. Шкалы, имеющие пики в пределах 65—75 Т-баллов, указывают на наличие акцентуаций, а свыше 75 — неврозов, реактивных состояний или психопатий.

В ММИЛ — 13 шкал (3 — оценочные, 10 — основные). Оценочные: шкала *L* (ложь) измеряет стремление выглядеть в глазах экспериментатора в более благоприятном свете; шкала *F* (надежность) позволяет судить, помимо оценки достоверности полученных по методике данных, о психическом состоянии (о напряженности, об удовлетворенности ситуацией и т.д.), степени адаптации; шкала *K* (коррекция) дает возможность дифференцировать лиц,

стремящихся смягчить либо скрыть те или иные черты характера, выявить уровень социальной опытности, знание социальных норм. Основные:

1) соматизация тревоги — позволяет выявить беспокойство за состояние своего здоровья; 2) депрессия — расстройства тревожного характера, утрату интересов к окружающему, подавленность и т.п.; 3) демонстративность или истероидность — склонность к истерическим реакциям или демонстративному поведению; 4) импульсивность — склонность поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций и проч.; 5) мужественность — женственность — выраженность традиционно мужских или женских черт характера; 6) ригидность, застреваемость — застревание аффекта, склонность к подозрительности, злопамятность, повышенную чувствительность в межличностных отношениях; 7) тревога — постоянную готовность к возникновению тревожных реакций, фиксацию тревоги и ограничительное поведение; 8) изоляция — тенденцию к соблюдению психической дистанции между собой и окружающим миром, уход в себя; 9) активность — настроение человека, общий уровень активности, наличие оптимизма или пессимизма; 0) социальные контакты — степень включенности в среду, общительность или замкнутость.

Следует отметить, что важны не только показания по отдельным шкалам, но и сочетания различных показателей (профиль ММИЛ).

Сравнение усредненных показателей ММИЛ преступников с нормативными данными (полученными на выборке законопослушных граждан) показало наличие статистически достоверных различий между ними ($p < 0,05$) почти по всем шкалам. Профиль преступников носит пикообразный характер (ярко выраженные пики по шкалам F — надежность, 8 — изоляция, 6 — ригидность, 4 — импульсивность), расположен в пределах от 55 до 73 Т-баллов, являясь по сравнению с нормативными данными смещенным вверх (рис. 1).

Подобный пикообразный профиль обычно свидетельствует об относительной однородности по психологическим особенностям обследованной группы. Причем, как отмечают большинство исследователей (Л. Н. Собчик и др.), работающих с этой методикой, пики на правых шкалах (4, 6, 8 и 9) связаны в

большей степени с устойчивыми характерологическими особенностями, а не с актуальным психическим состоянием.

Подъем шкал *F*, 4, 6, 8 до 70 Т-баллов можно интерпретировать как наличие у большинства из обследованных преступ-

Т-балл

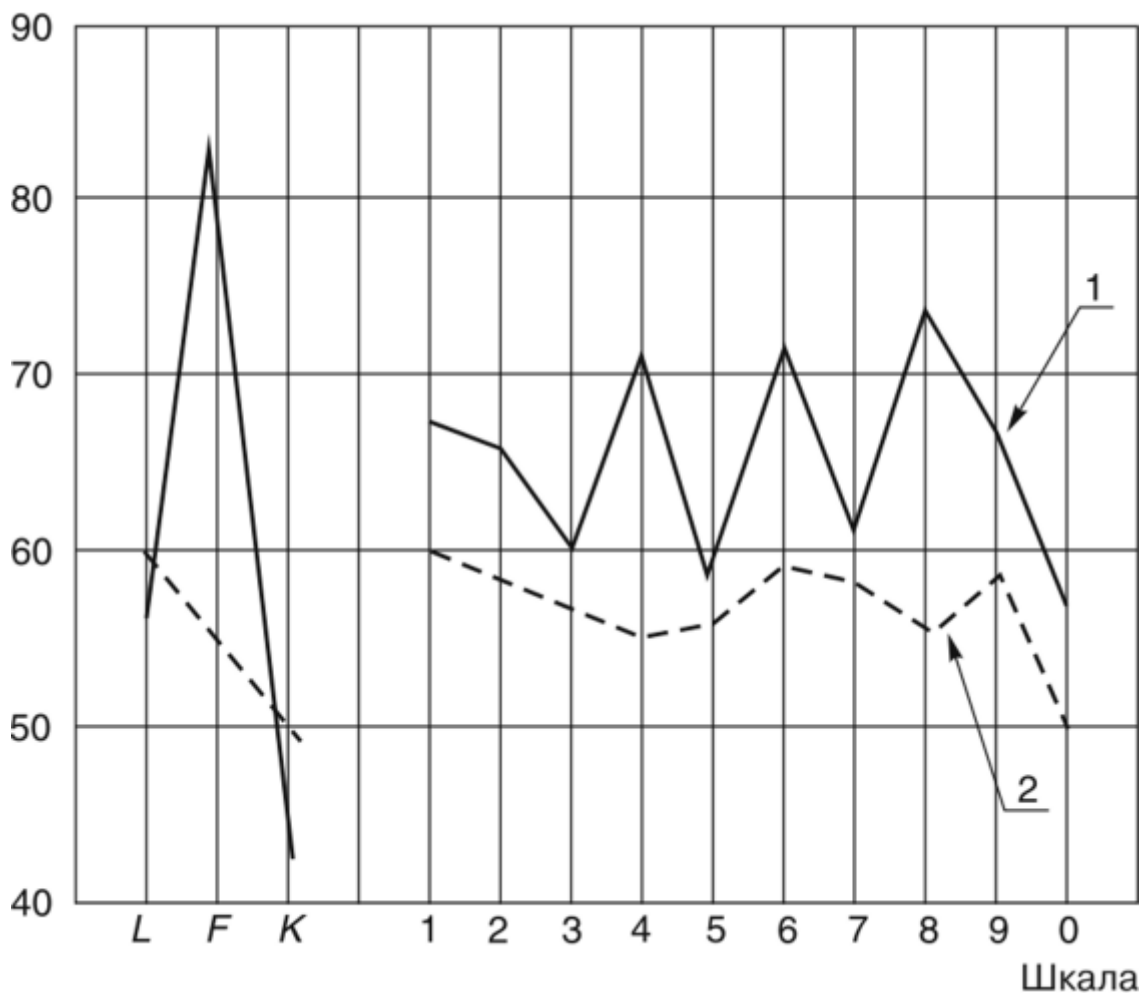

Рис. 1. Усредненные показатели преступников (1) и законопослушных граждан (2) по заостренным личностным чертам, в значительной мере определяющим их поведение. Подобные показатели могут свидетельствовать также о сниженной социальной адаптации и серьезных нарушениях межличностных контактов.

Полученные нами результаты в принципе не расходятся с результатами исследований Г. Х. Ефремовой. По ее данным, суммарный профиль преступников характеризуется сочетанием ведущего подъема по шкале 8 и выраженных подъемов по шкалам 4 и 6, что свидетельствует, как она считает, о плохой

социальной податливости, об отсутствии внутренних морально-этических критериев, о выраженной агрессивности и активности.

Исследования преступников, проведенные в других странах, также показали, что у большинства из них отмечаются высокие результаты по шкалам *F*, 4, 8, 9. Обследование подростков, проведенное в конце XX в. в США, показало, что те из них, которые имели высокие показатели по шкалам 4, 8, 9, чаще совершали преступления. Эти результаты были подтверждены в ряде других исследований.

Подводя итог сказанному, можем отметить, что в своей массе преступники характеризуются выраженными устойчивыми психологическими особенностями, отражаемыми пиками по шкалам 4, 6, 8. Психологические свойства, отраженные в пиках по шкалам 4, 6, 8, не являются следствием актуальной неблагоприятной ситуации, а относятся к числу фундаментальных. Они формируются в процессе социализации индивида на довольно раннем этапе, что подтверждается наличием у подростков, склонных к совершению преступления, аналогичных данных.

Сочетание высоких значений по шкалам 4, 6, 8 встречается у большинства преступников не случайно, поскольку личностные свойства, отражаемые таким профилем, в наибольшей степени при соответствующих условиях потенциально предрасполагают к совершению преступления. Пик на шкале 4 ММ ИЛ связан с такими свойствами, как импульсивность, нарушение прогнозирования последствий своих поступков, неприятие социальных, а тем более правовых, норм и требований и враждебное к ним отношение (асоциальность). Повышение по шкале 6 усиливает все вышеописанные тенденции, так как они становятся постоянной линией поведения. Пик по шкале 6 при этом отражает ригидность, высокий уровень агрессивности, наличие аффективных установок, которые не позволяют изменить стереотип поведения, что приводит к нарушению социального взаимодействия и плохой социальной приспособляемости.

Таким образом, повышение по шкале 6 отражает, прежде всего, то, в какой степени поведение человека управляется аффективно заряженной концепцией, а повышение по шкале 4 — насколько субъект считается с существующими нормами при проведении в жизнь своих стремлений.

Для сколько-нибудь постоянного асоциального поведения необходим подъем по шкале 6 в сочетании с подъемом на шкале 4. Без подъема на шкале 6 возникают лишь эпизоды асоциального поведения, оно не выступает как образ жизни. Повышение по шкале 8 при имеющемся профиле выявляет своеобразие установок и суждений, которые могут реализовываться в странном и непредсказуемом поведении, ухудшение прогноза последствий своих поступков за счет оторванности от социальной реальности, невозможность интериоризации моральных и правовых норм. Если при таком сочетании шкал дополнительно имеется повышение по шкале 9, отражающей силу активности, то можно ожидать внезапных вспышек агрессивности, так как высокий уровень активности приводит к еще большим трудностям управления своим поведением.

Значительные отличия преступников от неправоверников по показателям шкал 4, 6, 8 и их сочетаниям наглядно представлены в табл. 1. Она показывает, что удельный вес преступников, характеризующихся названными пиками, намного выше, чем законопослушных граждан. Как отмечалось выше, психологические особенности, выявленные с помощью этих шкал, носят устойчивый характер и не определяются условиями изоляции от общества. Это подтверждается тем, что среди осужденных за хищения доля характеризующихся пиками по шкалам 4, 6, 8 значительно меньше, чем среди других преступников, а усредненный профиль расхитителей вообще не отличается выраженными пиками.

Таблица 1

Соотношение видов преступлений и преступников, имеющих типичный профиль по шкалам 4, 6, 8 ММИЛ

Вид совершенных преступлений	Относительное число преступников, имеющих типичный профиль по шкалам 4, 6, 8 (%)	Иные профили (%)	Общее количество обследованных (%)
Грабеж и разбой	44,4	55,6	100
Изнасилование	41,5	58,5	100
Убийство и нанесение тяжких телесных повреждений	36,3	63,7	100
Кража (всех видов)	25,3	74,7	100
Хищение общественного имущества	22,2	77,8	100
Контрольная группа (законопослушные граждане)	5,0	95,0	100

Прослеживается статистическая связь между видом преступления и особенностями личности, выявленными с помощью использования методики.

Можно сказать, что наиболее типичные по психологическим особенностям преступники встречаются среди лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления (грабежи, разбои, изнасилования, убийства), и психологически менее типичными являются лица, совершившие ненасильственные преступления (кражи, хищения общественного имущества). Минимальная типичность и соответственно наибольшее психологическое разнообразие отмечаются в группе законопослушных граждан.

Таким образом, можно считать установленным, что преступники от неправопункников на статистическом уровне отличаются весьма существенными психологическими особенностями, влияющими на противоправное поведение. Иными словами, понятие личности преступника может быть наполнено этим психологическим содержанием. Поскольку же указанные психологические черты участвуют в формировании нравственного облика личности, есть основания утверждать,

что преступники от неправопункников в целом отличаются нравственно-психологической спецификой.

Полученные нами результаты позволяют дать **психологический портрет** обследованных преступников и выделить **ведущие личностные черты**.

Профиль ММ ИЛ преступников указывает, прежде всего, на плохую социальную приспособленность и общую неудовлетворенность своим положением в обществе (подъем на шкалах /% 4). У них выражена такая черта, как импульсивность, которая проявляется в сниженном контроле собственного поведения, необдуманных поступках, пренебрежении последствиями своих действий, эмоциональной незрелости.

Социальные нормы, в том числе правовые, не оказывают на их поведение существенного влияния. Такие люди обычно не понимают, чего от них требует общество. Можно предположить, что это связано с необычностью установок и восприятия, в связи, с чем любые жизненные ситуации оцениваются необъективно, ряд элементов игнорируется или искажается. В итоге человек часто не может понять, чего от него ждут и почему он не может совершать то или иное действие. Причем, что очень важно отметить, поскольку нормативный контроль поведения нарушен, оценка ситуации осуществляется не с позиций социальных требований, а исходя из личных переживаний, обид, проблем и желаний.

Возможен и другой вариант нарушения социальной адаптации, который вызван отсутствием мотивированности к соблюдению социальных требований.

В этом случае человек понимает, чего от него требует социальная среда, но не желает эти требования выполнять.

Сочетание подъема на шкале 8 и снижения на шкале 5 может свидетельствовать о нарушении эмоционального контакта с окружением, о невозможности принять точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны. Это также снижает возможность адекватной ориентировки, способствует возникновению аффективно насыщенных идей, связанных с представлением о враждебности со стороны окружающих людей и общества в целом. В этом случае может создаваться такое представление субъекта об обществе, с которым реальное общество не тождественно. С другой стороны, одновременно идет формирование таких черт, как уход в себя, замкнутость, отгороженность и т. д. По мнению большинства исследователей, работавших с рассматриваемым нами тестом, подобные личностные тенденции вызваны повышенной чувствительностью и чрезмерной стойкостью аффекта, что наиболее ярко проявляется при подъемах на шкалах F , 4, 8. Как отмечалось выше, такой профиль встречается у подростков, склонных к правонарушениям. У взрослых преступников, как видно из наших данных, можно отметить пик и по шкале 6. В этом случае появляются такие свойства, как агрессивность, подозрительность, чрезмерная чувствительность к межличностным контактам. Правильная оценка ситуации еще более затрудняется, поскольку поведение управляется аффективными установками, а поступки окружающих рассматриваются как опасные, ущемляющие личность. Это приводит к еще большей зависимости поведения от актуальной ситуации, выход из которой может быть противоправным, так как в этот момент для преступника реально существует только настоящее. Другими факторами, способствующими совершению преступлений, являются дефекты правосознания и нарушения социальной адаптации, поэтому многие преступления, особенно насильственные, являются результатом неспособности разрешить ситуацию в социально приемлемом плане.

Данные ММИЛ нормативной группы (законопослушные граждане), как видно на рис. 1, существенно отличаются от результатов, полученных при об-

следовании преступников. Их профиль носит линейный характер со средней линией 50 Т-баллов. Это говорит, прежде всего, о неоднородности группы по своим психологическим особенностям и о сравнительно незначительном количестве среди них лиц с ярко выраженными личностными свойствами (акцентуированными или психопатизированными). Другими словами, среди законопослушных граждан встречаются люди с разнообразными типами личности (и среди них в отличие от преступников нельзя выделить доминирующие типы).

Рассмотренные выше личностные черты преступников присущи различным их категориям не в равной мере. У одних категорий (например, у осужденных за изнасилования) профиль ММИЛ и психологические особенности сходны с суммарным профилем всех преступников, у других (осужденных за убийство, грабеж и разбой, а также за кражу) — совпадая по общей конфигурации, отличаются по степени выраженности тех или иных показателей. При этом необходимо отметить, что профили убийц и грабителей расположены выше, чем суммарный профиль преступников, т.е. определенные психологические свойства у этих категорий преступников выражены сильнее, а у воров — слабее, что говорит о меньшей выраженности соответствующих черт у последних.

Особое место среди преступников по своим психологическим свойствам занимают расхитители, которые, по данным ММИЛ, существенно отличаются от всех остальных категорий преступников как по расположению профиля, так и по его конфигурации, т.е. и по набору личностных черт, и по степени их выраженности. По сравнению с другими преступниками расхитители являются более адаптированными к различным социальным ситуациям и их изменениям, лучше ориентируются в социальных нормах и требованиях, более сдержанны, могут хорошо контролировать свое поведение. Расхитителям не свойственны такие черты, как агрессивность и импульсивность поведения (которые отмечаются у насильственных преступников). Они более общительны, большинство не испытывают трудностей при установлении социаль-

ных контактов, многие характеризуются стремлением к лидерству, потребностью в социальном признании.

Данные ММИЛ расхитителей показывают, что лица, входящие в эту категорию, обладают разнородными и разнонаправленными личностными свойствами.

На профиле ММИЛ у них не выявлены выраженные личностные черты, присущие всем или большинству из них. Это подтверждается тем, что профиль ММИЛ расхитителей носит равномерный линейный характер со средней линией 60 T-баллов, что обычно связано с неоднородностью психологических свойств обследованных. По психологическим особенностям большинство расхитителей не имеют существенных отличий от нормативной группы (законопослушные граждане), которые в массе также обладают различными личностными свойствами. На рис. 2 видно, что усредненные данные расхитителей и законопослушных граждан довольно похожи по конфигурации. Вместе с тем профиль ММИЛ расхитителей расположен несколько выше нормативного, что можно объяснить, на наш взгляд, наличием у этой категории преступников (в отличие от законопослушных граждан) актуальных социально-психологических проблем, связанных с привлечением к уголовной ответственности. Последствием возникшего в связи с этим неблагоприятного психического состояния является общая активизация защитных механизмов, направленная на снижение внутреннего напряжения и тревоги.

Конфигурация усредненного профиля расхитителей также подтверждает, что его общее повышение по сравнению с нормативными данными связано с неблагоприятным психическим состоянием вследствие пребывания в местах лишения свободы. Усредненный профиль расхитителей характеризуется незначительными пиками по невротическим шкалам 2, 7 (депрессия и тревога) и снижением по шкале 9 (активность). Также имеются незначительные пики по шкалам 4, 8, 0, отражающим импульсивность, степень изолированности и уровень развития социальных контактов. Такой профиль ММИЛ свидетельствует о наличии депрессии, пессимистической оценки перспективы, соче-

тающейся с внутренней напряженностью, тревогой, общей неудовлетворенностью ситуацией и со снижением активности. Иначе говоря, их профиль отражает, скорее, актуальное психическое состояние, а не стойкие характерологические особенности.

Т-балл

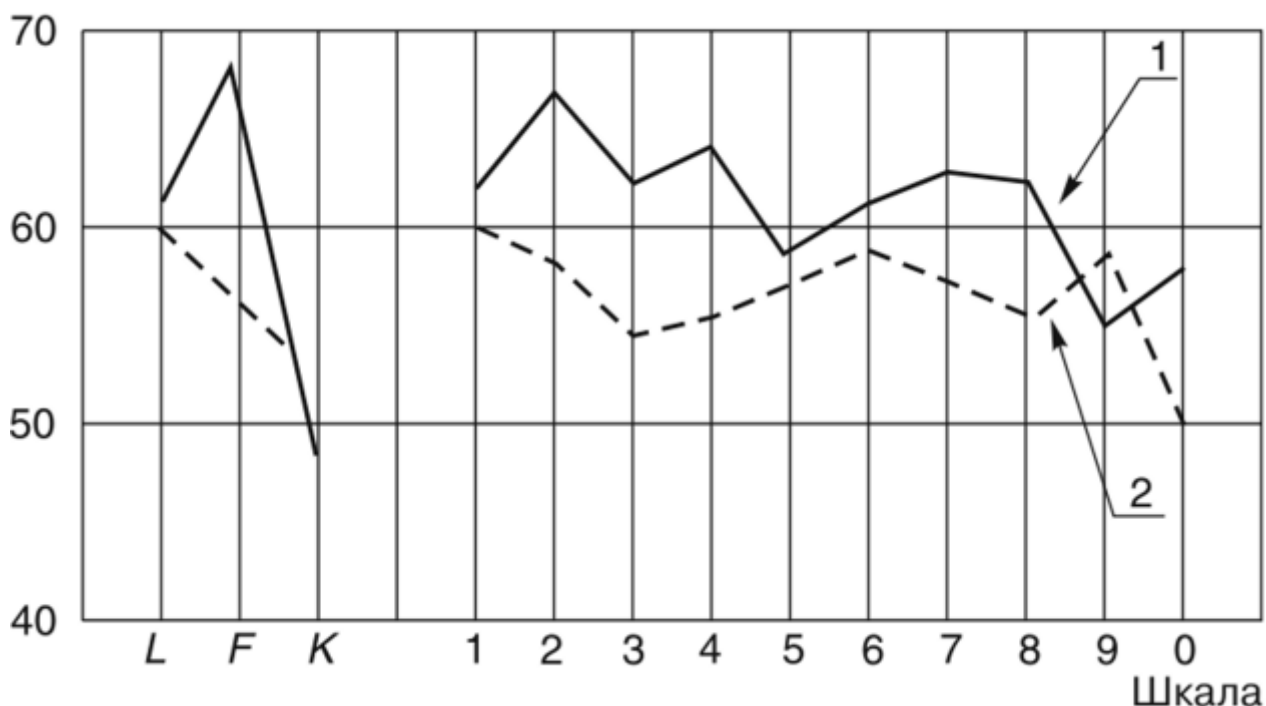

Рис. 2. Усредненные показатели расхитителей (1) и законопослушных граждан (2)

В значительной степени черты, присущие всем преступникам, выражены у убийц. Профиль ММИЛ убийц имеет достоверное отличие ($p < 0,05$) от усредненного профиля всех преступников по шкалам *L*, *F*, *K*, 3, 5—0, т.е. по 11 из 13 показателей методики. Однако, несмотря на сходство конфигураций, у убийц обнаружены выраженные однородные личностные свойства, которые определяются, прежде всего, пиками по шкалам *F*, 6, 8 (рис. 3).

Это, следовательно, люди, поведение которых в значительной мере определяется аффективно заряженными идеями, реализуемыми в определенных ситуациях.

Они чрезвычайно чувствительны к любым элементам межличностного взаимодействия, подозрительны, воспринимают внешнюю среду как враждеб-

ную. В связи с этим у них затруднена правильная оценка ситуации, так как она легко меняется под влиянием аффекта. Повышенная сензитивность к эле-

Т-балл

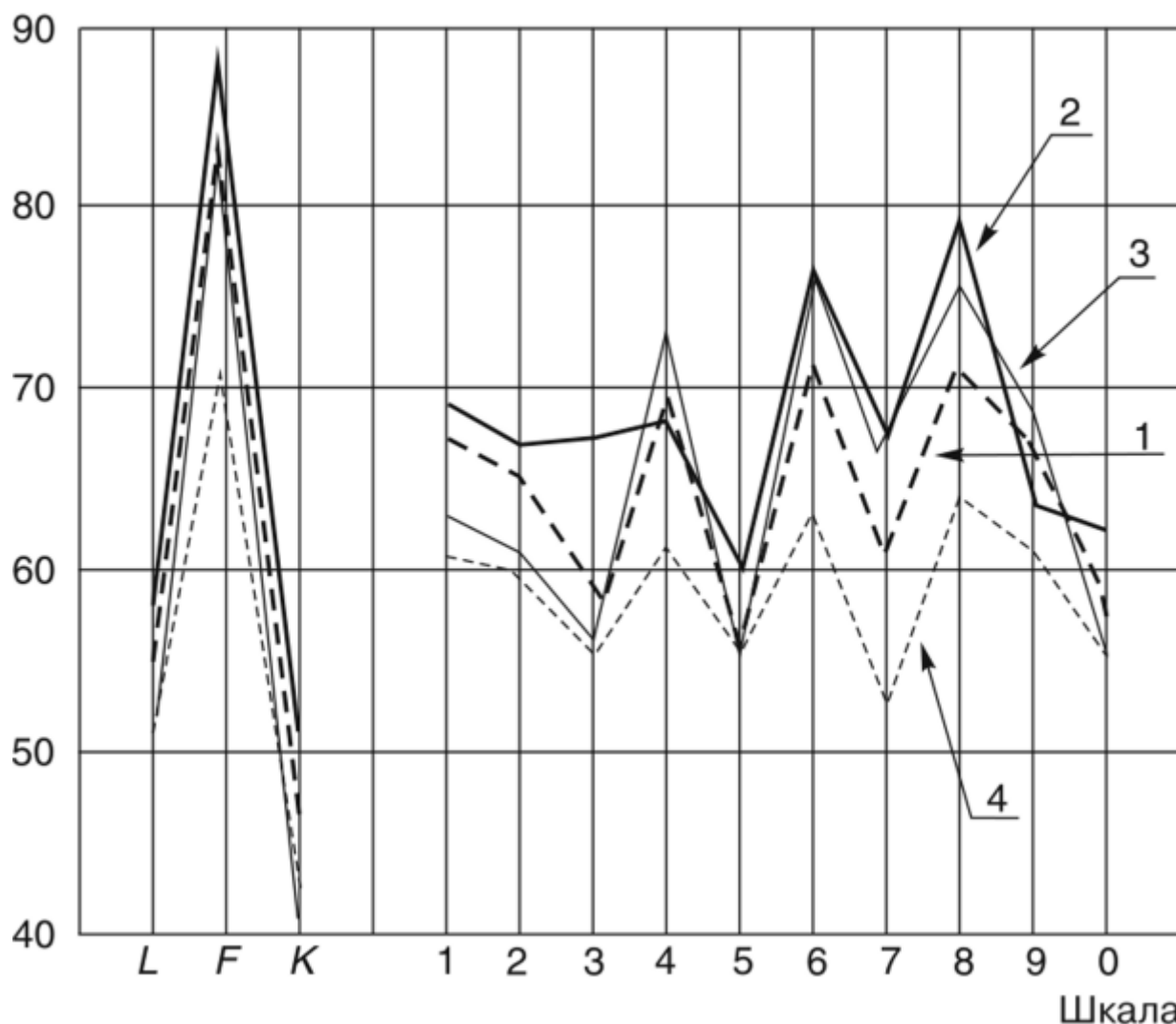

Рис. 3. Усредненные показатели всех преступников (1), убийц (2), корыстно-насильственных преступников (3), воров (4) ментам межличностного взаимодействия приводит к тому, что индивид легко раздражается при любых социальных контактах, представляющих хоть малейшую угрозу для его личности.

Такие люди обладают достаточно устойчивыми представлениями, которые с трудом могут корректироваться. Другими словами, если они имеют о ком-то или о чем-то свое мнение, то их трудно переубедить. Все затруднения и неприятности, с которыми они встречаются в жизни, интерпретируются ими

как результат враждебных действий со стороны окружения. В своих неудачах они склонны обвинять других, но не себя.

Такие люди наиболее чувствительны в сфере личной чести, для них характерно повышенное сознание своей ценности. Из-за наличия постоянного аффективного переживания того, что менее достойные пользуются большими правами, чем они, у них может возникнуть потребность защищать права, и они начинают играть роль «борцов за справедливость».

Значительное повышение по шкалам F и 8 говорит также о наличии у убийц эмоциональных нарушений, социальной отчужденности и трудностей, связанных с усвоением не только моральных, но и правовых норм. Такие люди совершают преступления чаще всего в связи с накопившимся аффектом в отношении того или иного человека либо ситуации, при этом не видя (или не желая видеть) иных способов разрешения конфликта. Наделение других людей своими мыслями, ощущениями и действиями приводит к тому, что они начинают восприниматься как враждебные и агрессивные. Вследствие этого, совершая акт насилия, убийца считает, что он таким образом защищает свою жизнь, свою честь, «справедливость», а иногда и интересы других. Следовательно, убийц отличают от всех других категорий преступников прежде всего чрезмерная стойкость аффекта и повышенная интерперсональная сензитивность, а также возможность возникновения реакций «короткого замыкания» (пик на шкале 3).

Близко к убийцам по степени выраженности личностных свойств находятся корыстно-насильственные преступники. От убийц они отличаются по шкалам 1, 3, 4, 9, O ММИЛ ($p < 0,05$) в сторону увеличения степени выраженности психологических свойств (см. рис. 3).

Корыстно-насильственные преступники так же, как и убийцы, являются однородной группой с выраженными характерологическими признаками, содержание которых в основном определяется пиками на шкалах F , 4, 6, 8, 9. Значительное повышение по шкале 4 связано с такими свойствами, как импульсивность поведения, пренебрежение социальными нормами, агрессив-

ность. Пик по шкале 6 усиливает агрессивность поведения за счет общей ригидности и стойкости аффекта. Повышение по шкале 8 показывает значительную отчужденность от социальной среды, в связи, с чем снижается возможность адекватной оценки ситуации. Подъем по шкале 9 (имеет самое высокое значение среди сравниваемых групп преступников) до уровня 70 Т-баллов, т.е. повышение общего уровня активности приводит к тому, что импульсивность поведения становится наиболее характерной чертой, человек может совершать внезапные агрессивные поступки.

Психологический анализ профиля ММИЛ корыстно-насильственных преступников показывает, что для них характерна повышенная враждебность к окружению и их асоциальные поступки выступают как постоянная линия поведения. Прежде всего, в профиле этой категории преступников отражаются трудности в усвоении моральных, а следовательно, и правовых норм. Если поведение убийц направляется в основном аффективно заряженными идеями, то поведение корыстно-насильственных преступников определяется тенденцией к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля. Таким образом, корыстно-насильственные преступники отличаются от других наибольшей неуправляемостью поведения и внезапностью асоциальных поступков.

Профиль ММИЛ воров определяется пиками по тем же шкалам, что и других категорий преступников (кроме расхитителей): *F*, 4, 6, 8, 9. Однако у воров эти показатели имеют меньшую степень выраженности в сочетании с возможностью более высокого контроля своего поведения (подъем по шкале *K* и общее снижение профиля). По общей конфигурации профиль воров имеет сходство с профилем корыстно-насильственных преступников, но расположен значительно ниже не только профилей убийц и корыстно-насильственных преступников, но и суммарного профиля всех обследованных категорий, что говорит о меньшей выраженности у них соответствующих личностных свойств. Они также являются однородной группой с выра-

женными характерологическими особенностями. От корыстно-насильственных преступников их отличают значительное снижение ($p < 0,05$) по шкалам F , 4, 6—9 и подъем по шкале K . Другими словами, их психологические особенности сходны с чертами корыстно-насильственных преступников, но имеют значительно меньшую степень выраженности. Такие люди более социально адаптированы, менее импульсивны, обладают меньшими ригидностью и стойкостью аффекта, более лабильны и подвижны, у них меньше выражены тревога и общая неудовлетворенность актуальным положением. Их агрессивность значительно ниже, и они в большей степени могут контролировать свое поведение.

По сравнению с усредненным профилем всех преступников профиль воров статистически достоверно ($p < 0,05$) отличается снижением по шкалам F , 6, 7, 8, 0 и подъемом по шкале L .

Их поведение по сравнению с другими преступниками отличается гибкостью, уверенностью при необходимости принимать решения (снижение по шкале 7). И если поведение убийц направляется в основном аффективными идеями и искаженно понимаемыми социальными требованиями и нормами, а импульсивное поведение корыстно-насильственных преступников обусловлено трудностями в усвоении и осознании социальных норм, то для воров характерны не только хорошая (по сравнению с другими преступниками, кроме расхитителей) ориентация в этих нормах и требованиях, но и, несмотря на это, их внутреннее неприятие и сознательное нарушение.

Вызывают интерес данные по ММИЛ в отношении лиц, совершивших изнасилования. Их профиль полностью совпадает с усредненным профилем всех преступников, за исключением более низких значений по шкалам L и 5. Эти данные свидетельствуют о наличии таких свойств, как склонность к доминированию и преодолению препятствий, снижение чувствительности по отношению к другим людям и возможность рефлексии. Как отмечают Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанец, лица с низким значением шкалы 5 могут демонстрировать нарочито мужественный стиль жизни, характеризу-

ющийся подчеркиванием своей силы, пренебрежением к мелочам. Можно предположить, что они стараются всячески утвердить себя в мужской роли. Об этом говорит и характер совершенного ими преступления, в котором в меньшей степени отражаются сексуальные мотивы, а в большей — самоутверждение себя в мужской роли. По нашему мнению, об этом свидетельствует и то, что такие лица при обследовании их по ММИЛ стремятся подчеркнуть наличие у себя традиционно мужских черт. Данная тенденция является обычно как гиперкомпенсация нарушения идентификации с традиционно и культурно обусловленной мужской ролью. Этот вид преступлений, как и другие, связан с импульсивностью, ригидностью, социальной отчужденностью нарушения адаптации, дефектами правосознания и возможности регуляции своего поведения. Об этом говорит сходство конфигураций профилей сравниваемых групп преступников. Но направленность данного вида преступлений обусловлена стремлением к самоутверждению себя в мужской роли.

Интересные данные получены при сравнительном анализе показателей ММИЛ различных категорий преступников с выделением по отдельным шкалам наиболее высоких и наиболее низких значений ($p < 0,05$). Данные, приведенные в табл. 2, дают возможность выделить отличительные признаки, характерные для каждой категории преступников.

Например, у убийц по сравнению со всеми другими группами преступников наиболее высокие результаты по шкалам 3,5,0. Значения по этим шкалам статистически достоверно ($p < 0,05$) отличаются от аналогичных показателей у других категорий преступников. Можно предложить следующую интерпретацию результатов. У убийц в наибольшей степени выражена тенденция выглядеть в лучшем свете. Они придают большое значение мнению окружающих о себе, и поэтому действия убийц чаще могут определяться актуальной ситуацией, складывающейся в их межличностных отношениях (повышение по шкалам 3 и 5 и сравнительно высокое значение шкалы L). Можно предположить, что убийцы наиболее склонны к импульсивным реакциям «коротко-

го замыкания» на фоне аккумуляции аффекта (самое высокое значение по шкале 3). В то же время убийцы наиболее чувствительны к оттенкам межличностных отношений и обнаруживают очень сильную зависимость от них (об этом говорит самое высокое значение по шкале 5 на фоне имеющегося профиля). Убийцы сравнительно больше испытывают трудностей в установлении контактов, более замкнуты и необщительны, что еще более затрудняет межличностные отношения и способствует возникновению конфликтов (самое высокое значение по шкале 0 при имеющемся профиле).

У корыстно-насильственных преступников наиболее высокие значения по шкалам 4 и 9 ($p < 0,05$). Поэтому можно сказать, что у них в наибольшей степени выражена потребность в самоутверждении, аффективный фон оказывает непосредственное влияние на поведение в большей степени, чем у других преступников, т.е. у них наиболее сильно выражены такие черты, как импульсивность и пренебрежение к социальным нормам и требованиям. Они обладают наиболее низким интеллектуальным (сравнительно низкое значение по шкале K) и волевым (самое высокое значение по шкалам 4 и 9) контролем.

У совершивших изнасилования по сравнению со всеми остальными преступниками обнаружено наиболее низкое значение по шкале 5 ($p < 0,05$). Это говорит о том, что у них самые низкие чувствительность в межличностных контактах (черствость) и склонность к самоанализу и рефлексии. Интеллектуальный контроль их поведения так же низок, как и у корыстно-насильственных преступников (сравнительно низкое значение по шкале K).

У воров самое низкое по сравнению с другими преступниками значение по шкале 7. Это говорит о том, что воры обладают наиболее гибким поведением и сравнительно низким уровнем тревоги (об этом говорит и низкое значение по шкале 2). В то же время они имеют хорошо развитые навыки общения и в большей степени стремятся к установлению межличностных контактов (сравнительное снижение показателя по шкале 0). Они наиболее, исключая расхитителей, социально адаптированы. Для них менее характерна реакция

самоупрека и самообвинения за совершенные ранее асоциальные действия (об этом говорят сравнительно низкие значения по шкалам 2, 6—8, 0).

Расхитители имеют самое высокое значение по шкале *K*, т.е. наиболее высокий интеллектуальный контроль поведения, дорожат своим социальным статусом, хорошо ориентируются в нюансах социальных взаимодействий (об этом говорит также сравнительно высокое значение по шкалам *L*, 2).

В то же время они наиболее адаптированы, лабильны, неаутизированы, отличаются наименьшей психической напряженностью (снижение по шкалам *F*, 4, 6, 8). Сравнительное снижение по шкале 9 при имеющемся профиле говорит о том, что аффективный фон не оказывает на их поведение существенного влияния, а также о высоком уровне интериоризации социальных норм.

Распределение отличительных черт среди преступников:

- 1) убийцы: высокая чувствительность к межличностным взаимодействиям;
- 2) корыстно-насильственные преступники: самая высокая импульсивность при низком контроле, пренебрежение правовыми нормами;
- 3) совершившие изнасилования: самая низкая чувствительность в межличностных отношениях при низком контроле поведения;
- 4) воры: самый низкий уровень тревоги, гибкость поведения;
- 5) расхитители: наибольшая адаптивность, высокий самоконтроль, хорошая ориентация в социальных нормах и требованиях.

Проведенный анализ психологических особенностей преступников позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Среди преступников имеется значительное число лиц, обладающих однородными личностными особенностями, из которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность к межличностным взаимоотношениям, отчужденность и плохая социальная приспособляемость.
2. Относительное число лиц, имеющих типичные особенности преступника, зависит от вида совершенного преступления. Максимальное число лиц с типичными психологическими особенностями отмечается среди тех, кто со-

вершает грабежи, разбойные нападения (44,4%), изнасилования (41%); минимальное — среди тех, кто совершает кражи (25%) и хищения имущества (22%). Лица, совершившие убийства и нанесшие тяжкие телесные повреждения, занимают промежуточное положение (36%). Независимо от вида совершенного преступления количество преступников, имеющих типичные психологические особенности, значительно превышает относительное число подобных типов личности среди законопослушных граждан (5%).

3. Обнаруженная связь между психологическими особенностями и преступной деятельностью позволяет рассматривать первые как один из потенциальных факторов преступного поведения, который при определенных воздействиях среды может становиться реально действующим, причем среда может оказывать как усиливающее, так и тормозящее влияние на проявление этого фактора.

4. С учетом приведенных данных о нравственных и психологических чертах преступников отметим, что **личность преступника отличается от личности законопослушного негативным содержанием ценностно-нормативной системы и устойчивыми психологическими особенностями, сочетание которых имеет криминогенное значение и специфично именно для преступников.** Эта специфика их нравственно-психологического облика выступает одним из факторов совершения ими преступлений, что отнюдь не является психологизацией причин преступности, поскольку нравственные особенности складываются под влиянием тех социальных отношений, в которые был включен индивид, т. е. имеют социальное происхождение.

Психологические особенности личности преступников, в том числе те, которые были выявлены нами с помощью ММИЛ, можно рассматривать как предрасположенность к совершению преступления, как свойства индивида, понижающие криминогенный порог. Однако реализация этой предрасположенности зависит от других факторов, о которых мы скажем ниже.

1.4. Психологические особенности личности неосторожного преступника

Современная криминология исходит из того, что неосторожность складывается из различного уровня дефектов поведения и их комбинаций, что у неосторожных преступников имеются дефекты в интеллектуальной, эмоциональной и волевой сферах. Те дефекты, которые считаются устойчивыми, нередко напрямую связываются с отрицательными чертами личности, и эти последние принято рассматривать в качестве причины **неосторожного преступления**. При таком подходе психологические факторы неосторожных преступлений отходят на второй план, хотя именно их анализ и учет позволяют вскрыть действительные механизмы этих преступлений.

Изучение личности неосторожных преступников с помощью ММИЛ выявило следующее.

Профиль ММИЛ лиц, совершивших неосторожные преступления, свидетельствует, что они являются относительно однородной категорией по своим психологическим особенностям. Профиль определяется выраженным пиком по шкале 7 (фиксация тревоги и ограничительное поведение). По сравнению с нормативными данными (выборка законопослушных граждан) совершившие неосторожные преступления имеют статистически достоверные отличия ($p < 0,05$) по следующим параметрам: L , F , 7, 0 (рис. 1).

Снижение по шкале L (ложь) и повышение по шкалам F (надежность) и 0 (социальные контакты) по сравнению с нормативными данными можно объяснить, на наш взгляд, воздействием на личность условий лишения свободы. Например, снижение по шкале L и повышение по шкале 7 обычно связаны с изменением психического состояния и социальной адаптацией. Подъем по шкале 0 интерпретируется как ограничение социальных контактов, что является естественным показателем для осужденных к лишению свободы.

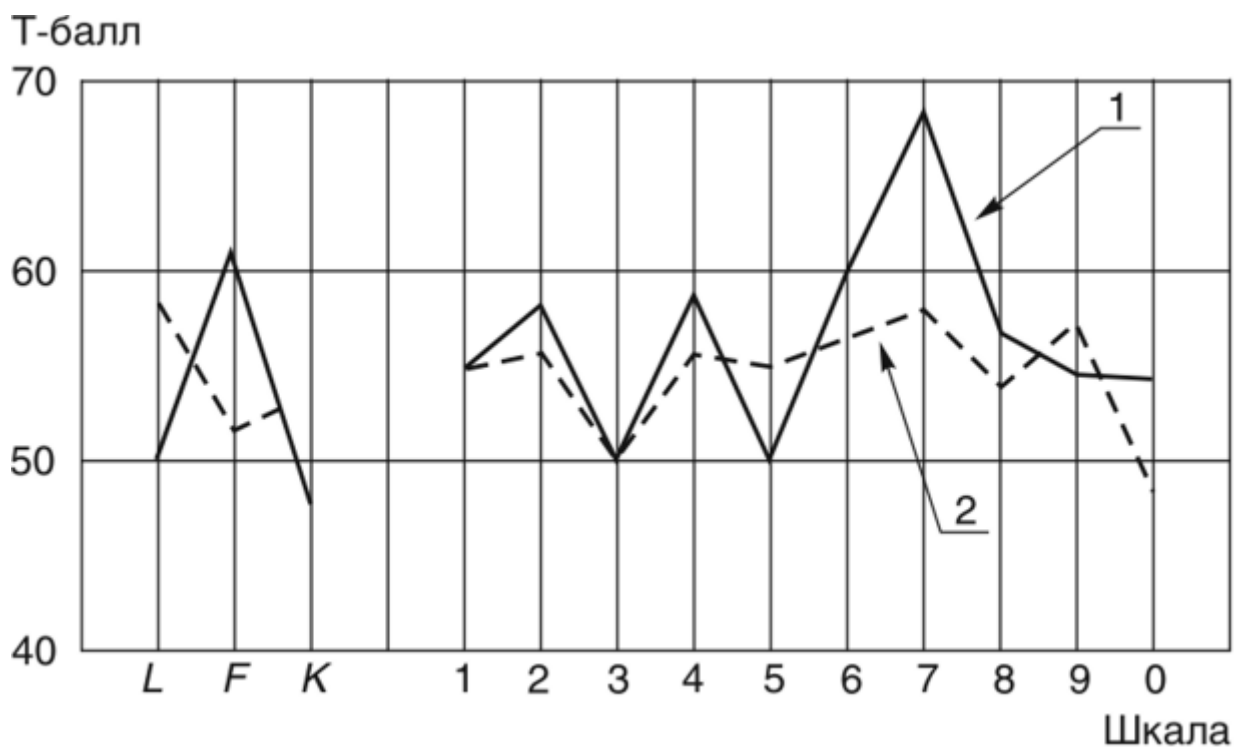

Рис. 1. Неосторожные преступники (1); законпослушные граждане (2)

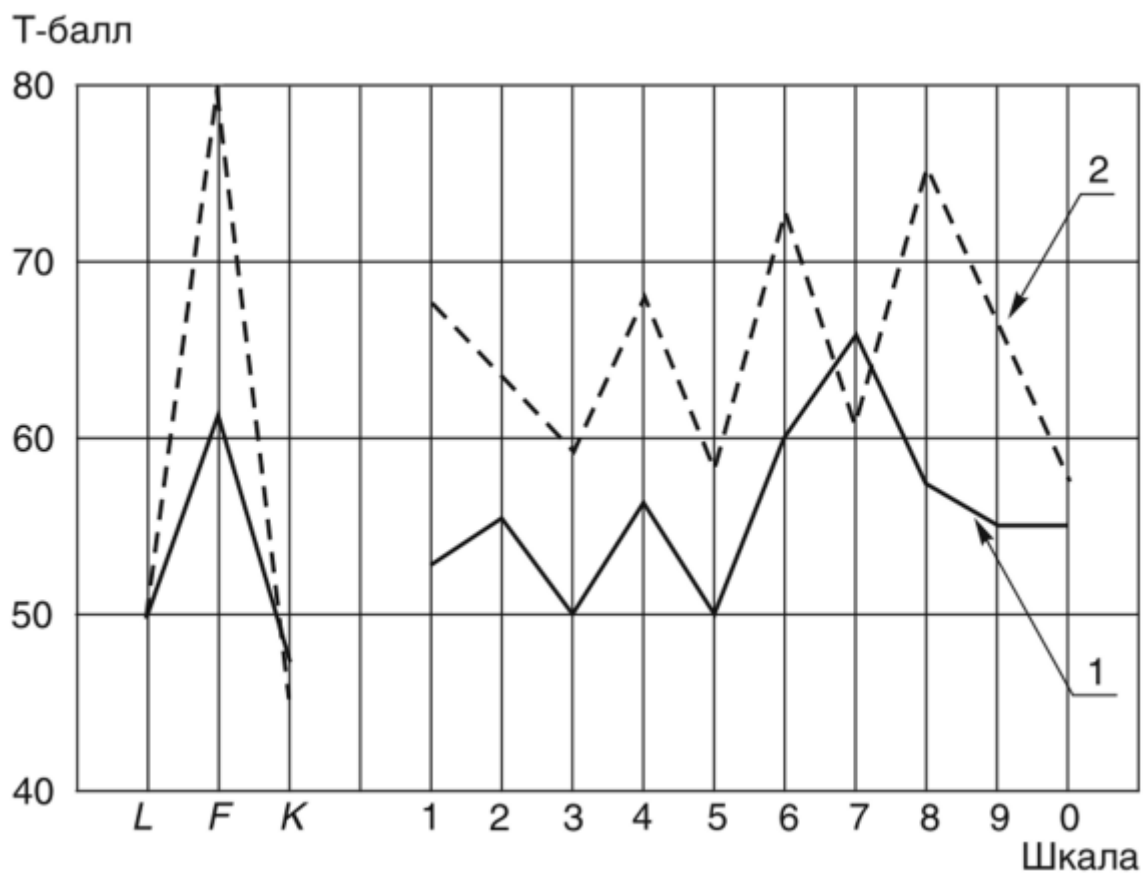

Рис. 2. Неосторожные преступники (1); совершившие умышленные преступления (2)

На наш взгляд, особого внимания заслуживает выраженный пик по шкале 7 у лиц, совершивших неосторожные преступления. Причем анализ профиля ММИЛ каждого из обследованных неосторожных преступников показывает, что подъем по шкале 7 свойствен практически каждому из них, хотя сам профиль по конфигурации может быть различен. Можно поэтому сделать вывод, что среди этой категории преступников встречаются разные типы личности, но психологическое качество, отражаемое пиком по шкале 7, является фундаментальным и ведущим. О наличии среди лиц, совершивших преступления по неосторожности, различных типов личности свидетельствует то, что их профиль носит выраженный линейный характер со средней линией 55 Т-баллов и практически совпадает с нормативными данными (за исключением шкалы 7).

Лица, совершившие неосторожные преступления, имеют принципиальные отличия по психологическим особенностям от совершивших умышленные преступления. Это показывает сравнительный анализ их данных по ММИЛ (рис. 2).

Профиль совершивших умышленные преступления статистически достоверно ($p < 0,05$) отличается от профиля совершивших неосторожные преступления практически по всем параметрам методики: F , 1—4, 6—9. Другими словами, личность совершивших неосторожные преступления имеет принципиальные психологические отличия от совершивших умышленные преступления. Как видно на рис. 2, пик по шкале 7 выделяет неосторожных преступников среди всех остальных.

Особой категорией преступников по психологическим свойствам являются расхитители. Они не представляют собой однородную массу, и их усредненный профиль по конфигурации практически совпадает с нормативными данными, но расположен несколько выше их. На профиле ММИЛ у расхитителей, как и у нормативной группы, не выявлены выраженные личностные черты, присущие всем или большинству из них. Подтверждается это тем, что профиль ММИЛ расхитителей носит линейный, равномерный характер со

средней линией 60 Т-баллов, что обычно связано с неоднородностью психологических свойств обследованных (рис. 3). Как уже отмечалось, профиль ММИЛ расхитителей расположен несколько выше нормативного, что можно объяснить, на наш взгляд, наличием у этой категории преступников (в отличие от законопослушных граждан) актуальных социально-психологических проблем, связанных с отбыванием наказания. Об этом же свидетельствуют незначительные пики профиля расхитителей по шкалам 2 (депрессия), 7 (тревога) и снижение по шкале 9 (активность). Такой профиль отражает актуальное психическое состояние, а не наличие стойких психологических особенностей.

Сравнительный анализ профилей расхитителей и совершивших неосторожные преступления показал наличие между ними статистически достоверных различий ($p < 0,05$) по следующим параметрам: Z , 1—4, 7, 0. Но различия по данным шкалам (кроме шкалы 7, поскольку совпадает конфигурация этих профилей) могут свидетельствовать лишь об отличии психических состояний названных категорий преступников, а не об отличительных характерологических признаках. Пик же по шкале 7 на профиле неосторожных преступников изменяет его конфигурацию по сравнению с профилем расхитителей и поэтому отражает психологическое качество, имеющее фундаментальное, а не ситуативное значение (рис. 3).

С остальными категориями умышленных преступников (убийцы, воры, совершившие изнасилования и т.д.) сравнивать неосторожных преступников нецелесообразно, поскольку различия в профилях те же, что и в усредненных данных всех умышленных преступников по сравнению с неосторожными.

Усредненный профиль умышленных преступников (как и различных их категорий) характеризуется выраженными пиками по шкалам F , 4, 6, 8 (см. рис. 2), что свидетельствует об однородности по психологическим особенностям этих преступников, о том, что среди них встречаются преимущественно одни и те же типы личностей со сходными психологическими состояниями. Этого нельзя сказать в отношении законопослушных граждан, расхитителей и не-

осторожных преступников. Среди законопослушных граждан и расхитителей нет преимущественно распространенных типов личностей и объединяющих фундаментальных психологических качеств. Среди неосторожных преступников, исходя из данных ММИЛ, также нельзя выделить преимущественно распространенный тип личности, но существует, как отмечалось выше, фундаментальное психологическое качество, встречающееся практически у всех совершивших неосторожное преступление.

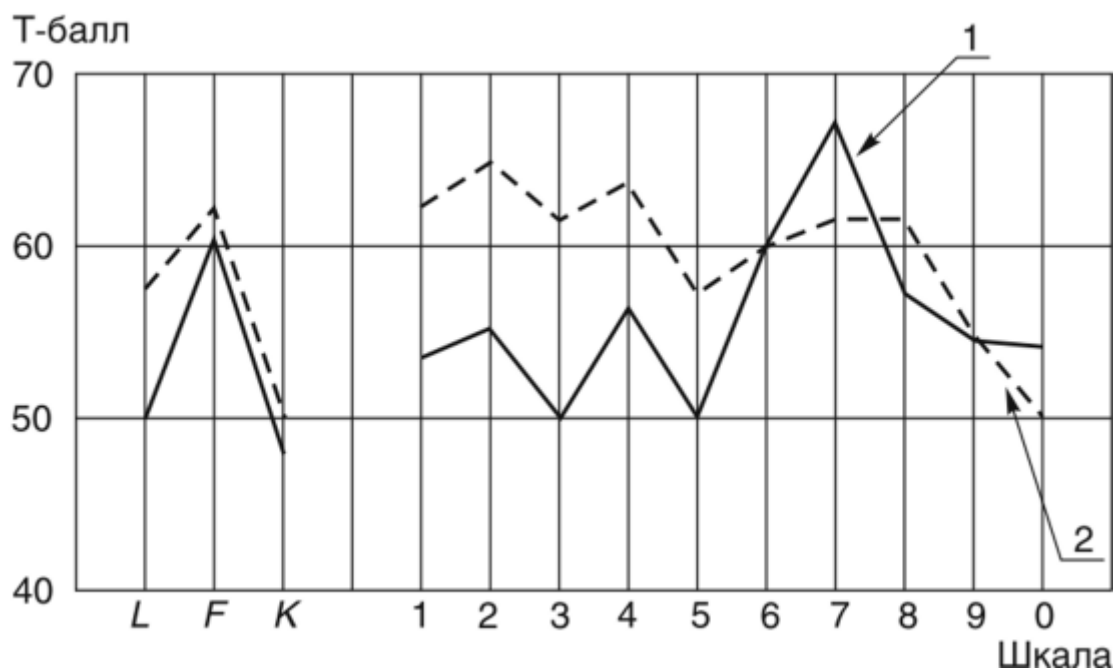

Рис. 3. Неосторожные преступники (1); расхитители (2)

Оно является содержанием пика по шкале 7 профиля ММИЛ неосторожных преступников.

Для лиц, профиль которых определяется пиком по шкале 7, характерна мотивация избегания неудачи, а не мотивация достижения цели, как, например, у умышленных преступников (пики по шкалам 4, 6, 8). В соответствии с этим при мотивации избегания неудачи главным для человека становится не стремление к успеху, а избегание неуспеха, который рассматривается как личная катастрофа.

С позиций типа реагирования на жизненные ситуации для неосторожных преступников характерны интрапунитивные реакции, т.е. возложение вины за происходящее преимущественно на себя (пик по шкале 7), в отличие,

например, от умышленных преступников, для которых характерны экстрапунитивные реакции, т.е. склонность возлагать вину на окружающих (пики по шкалам 4, 6).

Интерпретация профиля неосторожных преступников с позиций наличия характерных психологических свойств предполагает рассмотрение пика по шкале 7 как личностной черты, а не состояния.

На наш взгляд, пик по шкале 7 при имеющемся профиле не может трактоваться как последствие психического состояния, вызванного самим фактом совершения преступления и отбывания наказания. Это связано в первую очередь с тем, что изолированное повышение пика по данной шкале встречается довольно редко, поскольку существует взаимокорреляция шкал 7, 8 и 2. Поэтому если бы в данных ММИЛ отражалось психологическое состояние, то профиль характеризовался бы не изолированным пиком, а системой показателей, другими словами, конфигурация профиля была бы иной.

Пик по шкале 7 у неосторожных преступников не связан с тем, что они отбывают наказание. Если бы условия отбывания наказания способствовали активизации психологических качеств, отражаемых пиком по этой шкале, то аналогичные результаты были бы у расхитителей и других умышленных преступников. Следовательно, имеющийся профиль неосторожных преступников отражает постоянные, изначально присущие им психологические качества, а не ситуативные образования и состояния.

Наличие пика по шкале 7 обычно интерпретируется как склонность к образованию реакции тревоги на различные ситуации. Лица, характеризующиеся такими показателями, обнаруживают неуверенность в себе, склонность к волнениям при стрессе и избыточный самоконтроль. В экстремальных ситуациях такие лица легко поддаются страху и склонны к эмоциональной, а не рациональной реакции на ситуацию, содержащую угрозу. Все это предполагает снижение эффективности выполняемых в экстремальных условиях действий и увеличение количества ошибок. Лица с высокой шкалой 7 обнаруживают пониженную помехоустойчивость, что приводит к нарушению адекват-

ной ориентировки в экстремальных ситуациях и к трудностям в принятии решений. Исследование показывает, что для таких лиц являются стрессовыми ситуации с непредсказуемым исходом, быстрой сменой действующих факторов и неупорядоченными параметрами. В таких ситуациях они обнаруживают склонность к шаблонным способам действий и не в состоянии достаточно объективно проанализировать обстановку, что может приводить к нарушению прогноза. Чем больше выражен пик по шкале 7, тем меньше способность выделить в совокупности фактов действительно важное, абстрагироваться от малозначительных деталей. Такие особенности вызывают определенный подход к реальности со стремлением буквально все проконтролировать и учесть. Каждый новый стимул, появляющийся в поле зрения, обычно воспринимается как потенциально угрожающий, при этом возникает стремление держаться того, что уже известно и представляется надежным.

Такой подход недопустим по отношению к экстремальным ситуациям, возникающим, например, при управлении автотранспортом и другими источниками повышенной опасности. Дело в том, что нельзя предусмотреть все возможные ситуации, возникающие в дорожных условиях, и их развитие. Каждая экстремальная ситуация требует: 1) оценки ситуации в целом, выделения главных и второстепенных факторов; 2) мгновенного прогноза возможного ее развития; 3) выбора оптимального решения для данной сложившейся ситуации, которое не может быть стереотипным. Важно отметить, что такие требования к успешному разрешению экстремальной ситуации должны осуществляться в считанные секунды (или даже доли секунд) и поэтому времени на ее обдумывание нет.

Из сказанного становится ясно, что лица, данные по ММИЛ которых характеризуются повышением по шкале 7, не могут отвечать требованиям, предъявляемым к успешному разрешению экстремальной ситуации в условиях дорожного движения.

Необходимо также отметить, что все обследованные с помощью ММИЛ неосторожные преступники совершили дорожно-транспортные происшествия в

состоянии алкогольного опьянения. Известно, что алкоголь снижает возможность творческого подхода к экстремальной ситуации, активизирует у человека привычные, шаблонные методы реагирования. Особенно это характерно для лиц, профиль ММИЛ которых определяется пиком по шкале 7. Поэтому сочетание этих двух факторов — опьянения и тревожности — максимально способствует повышению аварийности среди такого рода лиц в условиях дорожного движения.

Важно также указать, что психологические качества могут существовать на характерологическом уровне в скрытом состоянии. В обычных условиях эта черта может быть выражена слабо или не проявляться совсем даже при продолжительном наблюдении. Однако под действием определенных ситуаций и психических травм скрытые черты могут выступать ярко, порой совершенно неожиданно для окружающих. Причем это те ситуации и травмы, которые предъявляют повышенные требования к «месту наименьшего сопротивления». Психические травмы иного рода или тяжелые ситуации могут не выявлять скрытых черт определенного типа.

Другими словами, каждая ситуация и любая травма в аспекте активизации скрытых черт имеют специфику приложения к конкретному человеку с определенными особенностями. Причем активизация у человека ранее латентной черты приводит в дальнейшем к ее функционированию до окончания стресса и обретения личностью внутреннего баланса. Нарушение адаптации, как правило, связано с тем, что оно активизирует те или иные ранее скрытые черты.

В связи со всем вышесказанным мы считаем, что можно предположить следующее. Наличие такой черты, как тревожность (пик по шкале 7), даже в скрытом виде может способствовать принятию объективно неправильных решений в экстремальных ситуациях. Опьянение, конфликтные ситуации, различные психические травмы, переутомление и т.п. могут приводить к активизации скрытых особенностей, ранее присутствовавших у человека в скомпенсированном, психологически нейтральном состоянии, а это обычно включает привычные способы реагирования и поведения (стереотипы). Тако-

го рода психологический феномен, бесспорно, повышает аварийность в условиях дорожного движения, особенно если скрытым качеством является тревожность (пик по шкале 7). Можно предположить, что наличие пика по шкале 7 практически у всех обследованных нами неосторожных преступников связано с тем, что они имеют это свойство как явно выраженное и постоянно присутствующее либо активизированное вследствие стрессовых факторов.

Исследования Л. Н. Собчик летного состава ВВС, в частности тех, кто часто совершает ошибочные действия, показывают, что многие из них имеют высокие показатели по шкале 7. Это выражается в их пониженной помехоустойчивости, высокой тревожности, приводящих в экстремальных условиях к хаотическому поведению. Таким образом, результаты исследования Л. Н. Собчик в принципе не расходятся с полученными нами данными и подтверждают значение показателей шкалы 7 ММИЛ для прогноза склонности к ошибочным действиям в экстремальных ситуациях.

В качестве возможной гипотезы можно рассмотреть и другой вариант интерпретации данных ММИЛ неосторожных преступников. Пик по шкале 7 всегда предполагает наличие чувства вины как качественной особенности личности. Состояние, связанное с испытываемым чувством вины, для такого рода лиц является субъективно привычным, и они неосознанно к нему стремятся. Поэтому тенденция к неосознаваемой постановке себя в ситуации, связанные с активизацией чувства вины, может носить сценарийный, по терминологии американского психолога и психиатра Э. Берне, смысл, т. е. выступать как неосознаваемое жизненное стремление, скрытая программа, определяющая поведение человека и являющаяся для него мотивом, пронизывающим его поступки и поведение в целом. Исходя из этого аспекта интерпретации результатов изучения неосторожных преступников, можно предположить, что преступление является для них закономерным звеном жизни, определяется бессознательным стремлением к постановке себя в ситуации, в которых они могли бы субъективно максимально сильно испытывать чувство вины и находиться в таком состоянии длительное время, а то и постоянно.

Неосторожное преступление выступает в рассматриваемом аспекте интерпретации как субъективная возможность максимально испытать чувство вины и всю дальнейшую жизнь продолжать его испытывать. Другими словами, неосторожное преступление можно расценивать как своеобразный экзистенциальный выигрыш, позволяющий разрешить основную жизненную проблему: приобрести факт жизненной биографии, дающий возможность в дальнейшем постоянно испытывать чувство вины, независимо от будущих обстоятельств.

Все сказанное нами выше в аспекте интерпретации чувства вины в качестве фундаментальной личностной черты может рассматриваться только как возможная гипотеза, требующая проверки и дальнейших методик.

В целом не вызывает сомнений, что в психологическом плане неосторожные преступники — особая категория. По данным применения ММИЛ, они наравне с расхитителями наиболее близки к законопослушным гражданам и существенно отличаются от всей основной массы преступников. Это обстоятельство доказывает, что специфические психологические черты, присущие последним, являются не следствием влияния условий мест лишения свободы, а фундаментальными качествами таких людей. Следовательно, о личности преступника можно говорить как об определенном типе личности.

Сделанные нами здесь выводы отнюдь не опровергают положение о том, что многие неосторожные преступления совершаются правонарушителями, личность которых имеет ту или иную степень криминогенной деформации и антиобщественной направленности (установки, ориентации и т.д.). Среди рассматриваемой категории правонарушителей значительную долю составляют лица, для которых социальная деформация и тем более антиобщественная установка не являются характерными. Однако наличие социальных, криминогенных деформаций, антиобщественных установок — внешние, социальные оценки, не раскрывающие внутренние механизмы совершения неосторожных преступных действий. Вот почему социально-нравственный аспект изучения обязательно должен сочетаться с психологическим.

Изложенные здесь эмпирические психологические данные и их интерпретация имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Может быть, например, следовало бы задуматься над тем, чтобы не допускать к управлению техникой тех лиц, у которых имеются психологические особенности, отражаемые пиком по шкале 7 ММИЛ. Для дачи окончательных рекомендаций на этот счет необходимы дополнительные исследования. Однако уже те результаты, которые получены в настоящее время, убедительно свидетельствуют о том, что возможности использования достижений психологии в профилактике неосторожных преступлений весьма значительны.

Рассмотрим особенности психологии личности в случаях неосторожного нарушения правил безопасности полетов.

Преступная неосторожность на воздушном транспорте избрана не случайно. В процессе взаимодействия человека с техникой совершается много преступлений по неосторожности. Достаточно вспомнить трагические события на Чернобыльской АЭС, Башкирском газопроводе, катастрофы, аварии и крушения на автомобильном, водном и железнодорожном транспорте. Так, только в результате дорожно-транспортных происшествий ежегодно в России погибает более 30 тыс. человек.

Однако воздушный транспорт, без сомнения, относится к наиболее сложному виду, требующему особого внимания к обеспечению безопасности пилотирования и управления воздушным движением с учетом постоянного роста пассажиропотоков и значительного усложнения авиационной техники.

О сугубо опасной и рискованной авиационной деятельности красноречиво звучали в 1960-х гг. слова известной бардовской песни:

Ели-исполины, петлицы пилота,
В небе рев и моторов гром,
Наша судьба и наша работа —
Лайнер любимый, аэродром.
Машины льют керосиновый запах,
Вздымая клепанные бока,

Пружинят стальные мышцы на лапах,
Готовые ринуться за облака.
Не Чкалова время, не тот самолет,
И лишь в поговорке звучит: «От винта!»
Но знаем мы, и знает пилот,
Что жизнь — это скорость и высота!

В криминологической литературе, посвященной проблемам преступлений, совершенных по неосторожности, наблюдается смещение интересов к исследованию социологических аспектов личности в ущерб психологическим, особенно индивидуально-психологическим, в рамках изучения конкретных видов преступлений. В этом плане нельзя признать обоснованными упреки в излишней психологизации неосторожных преступлений. Так, применительно к преступным нарушениям правил безопасности на транспорте особенно тесно переплетаются социальные, психологические, психофизиологические факторы, предопределяющие на их фоне исключительную роль человеческого фактора.

Существенного внимания в связи с изложенным заслуживает вопрос об особенностях психической деятельности пилотов (авиадиспетчеров) в усложненных условиях полета.

Деятельности пилота, как правило, свойственны высокий профессионализм; спокойное отношение к опасности; способность легко ориентироваться в стрессовых ситуациях; отсутствие эмоциональной конфликтности, невротичности, вспыльчивости, застенчивости. Подавляющее большинство пилотов, конечно, обладают всеми этими столь необходимыми для их профессии личностными качествами. Однако известны и психологические корреляты предрасположенности пилотов к ошибочным действиям в области личностных свойств. Например, у некоторых выявлены черты личности, которые предрасполагают к возникновению авиационных происшествий. К их числу относятся легкомыслие; переоценка своих возможностей; неадекватный оптимизм; тщеславие; рассеянность внимания; нерешительность; неспособность

предвидеть последствия своих действий; повышенный уровень тревожности, ограничивающий свободу действий пилота, и др.

В связи с этим представляется целесообразным проанализировать характерные проявления психофизиологических, психологических и социально-психологических свойств пилотов в типичных усложненных условиях полета. Самым показательным в этом отношении является такой особенно сложный и ответственный этап полета, как посадка воздушного судна.

Рассмотрим наиболее типичные ситуации и их взаимосвязь с личностным фактором.

1. Приближаясь к земле, на высоте 60—80 м и на расстоянии 1000 м от взлетно-посадочной полосы (ВПП), когда до приземления остается 10—15 секунд, пилот неожиданно обнаруживает: нормальная посадка исключена или крайне затруднена тем, что самолет имеет значительное отклонение от заданного курса в связи с предельно низкой границей облачности и плохой видимостью.

В сложной ситуации выхода на визуальное пилотирование и при остром дефиците времени это может привести к попытке, невзирая на сложившуюся обстановку, посадить самолет либо к запоздалому уходу на второй круг.

Указанные ошибочные действия обуславливаются, как правило, причинами психологического и психофизиологического характера, связанными с недостаточной сенсомоторной реакцией, приводящей к увеличению времени двигательной реакции, запаздыванию в выполнении необходимых действий, а также причинами социально-психологического характера, порожденными излишней самоуверенностью, упрямством, отсутствием профессионального опыта, недостаточным знанием возможностей самолета и т.п.

2. При пилотировании по приборам в районе подхода к аэропорту воздушное судно отклоняется от курса (в связи с интенсивным боковым ветром, выходом из строя приборов, ошибочной командой диспетчера и др.).

При этом в поведении пилота, также связанном с острым дефицитом времени, чаще всего наблюдаются непроизвольная концентрация внимания на ос-

новную группу приборов; блокирование необходимой переработки дополнительного и незакодированного потока информации и принятия решений с учетом новых факторов; дезориентация в форме иллюзий; ложное впечатление о течении времени и местонахождении самолета (пилоту кажется, что прошло много времени и самолет находится в непосредственной близости от ВПП); подача неопределенных, трудновыполнимых команд, усиливающих напряжение экипажа, или, наоборот, поощряющих (похвальных) команд, усыпляющих его бдительность (особенно в случае повышенной комфортности или при заниженном уровне притязаний его членов).

3. Непосредственно перед посадкой воздушное судно внезапно попадает в зону сильной облачности, тумана, густого дыма, ливневых дождей, снегопада, что требует немедленного перехода от визуального к приборному пилотированию. Для пилотов, не сумевших выполнить своевременно эту операцию, в данном случае характерны: эффект установки и изменения мышечного тонуса; провалы в оперативной памяти (показания приборов кажутся неожиданными, как бы возникшими после перерыва), коллизии восприятия (резкий переход от только что воспринимаемой визуальной информации к необходимости пользоваться лишь показаниями приборов), что приводит к появлению неосознанных, произвольных, судорожных, спонтанных движений; неточность и (или) неполнота действий, обусловленные резким дефицитом времени и крайним эмоциональным напряжением; пониженная переключаемость; низкий уровень аналитико-синтетической деятельности, необходимой для быстрого считывания и анализа показаний приборов, принятия решений и их исполнения.

4. После пролета ближней радиоприводной радиостанции по приборам пилот, не видя ВПП, игнорирует указание диспетчера об уходе на второй круг или запасной аэродром (при наличии достаточного количества горючего), продолжает снижение и пытается совершить посадку в автоматическом режиме. Поведение пилота при этом характеризуется нарушением коммуникативности в силу крайне повышенного уровня притязаний; эффектом психо-

логического обеднения (отключения) (испытывая огромное нервно-эмоциональное напряжение, он не реагирует на приказы с земли и сам не дает команд экипажу); возникновением лидирующей доминанты, блокирующей адекватные реакции (господствует одна идея «приземлиться любой ценой»); произвольной навязчивой концентрацией внимания на основных приборах; провалом оперативной памяти; непониманием, невосприятием показаний некоторых пилотажно-навигационных приборов, обусловленными высоким психологическим напряжением.

5. При посадке внезапно обнаруживается отказ какой-либо системы воздушного судна (шасси, двигателей и т.п.). Неожиданное сообщение о случившемся (нередко в панической форме), острый дефицит времени, внезапное осознание крайне опасной аварийной ситуации могут привести к ряду ошибочных действий, связанных, как правило, с возникновением у пилота эффекта антагонизма механизмов памяти и угнетения интеллектуальной и двигательной активности; неспособностью воспроизвести в памяти причины отказа и выполнить в надлежащем порядке необходимые действия, направленные на устранение возникших дефектов; утратой представлений о соотношении курса, высоты полета и рельефа местности; дезориентацией в форме иллюзий о времени и местонахождении самолета.

В психологическом аспекте наиболее вероятными личностными характеристиками пилота здесь могут быть слабая подготовка; предрасположенность к растерянности в экстремальной ситуации; дефекты эмоционально-волевой сферы и др.

Приведенные выше примеры показывают проявление и органическое взаимодействие в экстремальных ситуациях психофизиологических, психологических и социально-психологических свойств пилота, которые могут обусловить типичные общераспространенные ошибки, приводящие к происшествиям, но не всегда связанные с виновным поведением.

Так, в описанных выше ситуациях пилот, вменяемый в психиатрическом смысле, тем не менее нередко не может принять правильные, адекватные

данной обстановке решения. Причины этого весьма разнообразны. Чаще всего ими являются небрежность, неосмотрительность, беспечность, недостаточная профессиональная подготовка и т.д. Но в ряде случаев правильное решение не могло быть принято в силу того, что оно было за пределами индивидуальных психофизиологических возможностей пилота. Это, безусловно, требует более глубокого изучения человеческого фактора при взаимодействии людей с авиационной техникой, обеспечения принципа ответственности только за вину и принципа справедливости наказания.

Изложенное свидетельствует о том, что в условиях интенсивного развития авиационной техники огромное значение приобретает включение в систему судебно-экспертных исследований вопросов, связанных с выявлением психологических и психофизиологических механизмов поведения субъектов, управляющих воздушным транспортом. Это не только повысит качество расследования авиационных происшествий, но и позволит правильно квалифицировать содеянное и тщательно индивидуализировать меры ответственности и наказания.

Нервно-психические перегрузки в системе «человек — машина», безусловно, могут вызвать невменяемость субъекта, его психически болезненное состояние, которое одновременно не дает ему возможности руководить своими поступками. Но это будет не какая-то «профессиональная» или «специальная», а обычная невменяемость либо ограниченная (уменьшенная) вменяемость, определение которой возможно в рамках судебно-психиатрической экспертизы (ч. 1 ст. 22 УК РФ).

В системе «человек — машина» возникают также специфические ситуации группового поведения. Летный экипаж — это особый производственный коллектив, профессиональными особенностями которого являются сложность, ответственность и опасность деятельности по пилотированию воздушного судна, а также постоянное взаимодействие. Члены летного экипажа связаны отношениями деловой зависимости, общностью мотивов и целей деятельности, чувством долга и профессиональной гордости, сходной професси-

ональной манерой поведения, определенными нормами и регламентом жизни и деятельности, наглядностью успехов и неудач.

Экипаж воздушного судна представляет собой наиболее ярко выраженную модель коллектива, от социально-психологической сплоченности которого зависит успешное и безопасное выполнение заданий.

В этом отношении большой интерес представляют исследования, в процессе которых определялись характерные психологические признаки сплоченности членов экипажа. С помощью современных методик было выведено математическое уравнение, позволяющее диагностировать уровень сплоченности экипажа. В результате проведенных исследований установлено, что уровень сплоченности групп в значительной мере определяется профессиональной подготовленностью членов экипажа, общей направленностью на наилучшее решение полетных заданий. Низкие производственные показатели — это, как правило, и показатели низкой сплоченности данной группы.

В несплоченных экипажах в большинстве случаев встречаются личности с такими чертами характера, как чрезмерная замкнутость или общительность, стремление к лидерству. Им чаще всего свойственны слабость тормозных процессов саморегуляции, нерешительность, высокий уровень возбудимости, тревожности и т.п. Все эти индивидуальные качества, резко обостряясь в экстремальных условиях, могут явиться причинами авиапроисшествий. Члены несплоченных экипажей, как правило, не удовлетворены социально-психологическими качествами своих командиров. В связи с этим возникает склонность к обсуждению и даже нарушению приказов командира. В ряде случаев это обстоятельство также приводит к авиапроисшествиям.

Под **групповой сплоченностью** в социальной психологии понимают степень связанности, единения членов социальной группы. Детерминантами групповой сплоченности являются: общая ценностно-мотивационная основа деятельности группы; общность социальных ожиданий группы; опыт участия в других группах (в качестве члена партии, главы семьи и т.д.).

Наиболее значительными факторами сплоченности летных экипажей являются: профессиональное мастерство; социально-психологическая совместимость; чуткость и доброжелательность в межличностных отношениях; товарищеская надежность участников группы; способность командира к лидерству, его эмоциональная устойчивость (неподверженность нервно-эмоциональным взрывам).

В указанных исследованиях также просматривается исключительно важный аспект — возможность экспертной оценки уровня сплоченности авиационных экипажей как одного из решающих факторов обеспечения безопасности полетов.

Объективные условия совершения преступных нарушений правил безопасности на воздушном транспорте выступают в качестве индикатора свойств личности правонарушителя.

Анализ психического отношения субъекта к преступлению не должен ограничиваться установлением формы вины по отношению к действию и последствию. Неизбежно также возникает вопрос о мотивах нарушений. Механизм противоправного поведения в общих чертах в неосторожных преступлениях такой же, как и в умышленных, хотя в неосторожных преступлениях он действует в «сокращенном», «свернутом» виде. Поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что в неосторожных преступлениях не могут проявляться потребности, интересы, установки их субъектов, особенно антисоциальные.

Результаты криминологических исследований показывают, что можно установить самые разные потребности и интересы, лежащие в основе мотивации неосторожных преступлений.

К сожалению, в материалах уголовных дел о нарушении правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта далеко не всегда отражаются мотивы совершения этих преступлений. По этой причине, а также в связи с тем, что мотив не устанавливается в случаях, когда правила были нарушены по небрежности (неосознанно), не представлялось возможным на ограниченном материале дать исчерпывающую классификацию всех мотивов исследу-

емого преступления. Однако можно выделить несколько видов наиболее **типичных групп мотивов** умышленного нарушения правил безопасности полетов и эксплуатации воздушного транспорта.

1. Могут наблюдаться откровенно эгоистические мотивы, связанные с достижением сугубо личных целей. Они характерны для таких нарушений, как самовольный вылет, отклонение от заданных маршрутов по личным нуждам. Тяжкие последствия наступают нередко из-за сопутствующих нарушений (полет без радиосвязи, приземление на неподготовленную площадку и т.д.).

2. В некоторых ситуациях встречается стремление скрыть другие нарушения, допущенные по небрежности. При этом нередко сознательно игнорируется возможность тяжелых последствий, субъект легкомысленно рассчитывает на их предотвращение.

Отсюда отношение к наступившим последствиям в форме преступной самонадеянности.

Командир корабля М. небрежно руководил предполетной подготовкой судна и экипажа, не пользовался контрольной картой обязательных проверок перед вырубиванием на старт. В результате самолет начал вылет с застопоренными рулями. Обнаружив это во время разбега самолета, М. и второй пилот К. взлета не прекратили, пытаясь расстопорить рули в процессе разбега. На выкрики членов экипажа, требовавших прекратить взлет, М. не реагировал. Рули были расстопорены лишь частично, самолет начал уклоняться вправо от центра ВПП, продолжая разбег с большим ускорением. Тем самым была создана огромная опасность для жизни пассажиров и экипажа. М. упустил контроль за управлением, самолет сошел на грунт, двигаясь под небольшим углом к ВПП. За 300—500 м до конца ВПП бортмеханик К. самостоятельно, без команды М., перевел рычаги управления двигателя на самый малый газ, и только после этого последовала команда М. о прекращении взлета. Одновременно было применено основное, а затем аварийное торможение, однако ввиду большой скорости самолета он выкатился на концевую полосу безопасности, столкнулся с бруствером и загорелся. Экипаж и пассажиры сроч-

но покинули самолет и не пострадали, но самолет получил значительные повреждения.

3. Во многих случаях неисполнение предписаний правил безопасности связано с такими эгоистическими мотивами, как забота о собственном комфорте, стремление избежать лишней, по мнению субъекта, работы, лишней нагрузки на собственный организм, желание упростить, облегчить свои профессиональные обязанности.

Например, некоторые пилоты стремятся избежать заходов на посадку «по схеме» (посадка по приборам при отсутствии возможности прямой визуальной посадки), ради чего нередко вводят в заблуждение диспетчеров относительно условий, в которых протекает полет.

Встречаются и другие случаи нарушений правил работниками авиации из эгоистических побуждений избежать дискомфорта.

Так, Б., из-за неправильных действий которого потерпело катастрофу воздушное судно, на вопрос, почему он не пользовался, как полагается, локатором, ответил: «Не хотел лишний раз облучаться, поскольку здоровье мое и так подорвано».

4. Особую группу составляют мотивы, которые можно назвать ложно понятыми производственными интересами. Например, нередки случаи, когда экипаж нарушает правила, стремясь выполнить рейс в любых сложных условиях, даже когда правила безопасности это запрещают. Главным образом это выполнение (или окончание) рейса, когда погодные условия не соответствуют минимуму, установленному для данного экипажа. Сюда же относятся и случаи, продиктованные стремлением перевыполнить объем работ, и соответственно связанные с этим перегруз воздушных судов, превышение установленного количества и дальности рейсов (эти нарушения особенно характерны для малой авиации, используемой в народном хозяйстве).

Здесь возникает вопрос о производственном риске. Однако ссылка на производственный риск не может признаваться извинительной, когда речь идет о

здоровье экипажа и пассажиров. Как пишет М. С. Гринберг, жизнь и здоровье человека не должны быть объектом риска.

Если в первых трех группах мотивов антисоциальная установка субъекта очевидна, то в четвертой группе она завуалирована производственной необходимостью, хотя и ложно понимаемой. На наш взгляд, антисоциальная установка определяет мотив поведения и в этом случае. Антисоциально само по себе игнорирование правовых предписаний и запретов. Антисоциально и представление о том, что производственная необходимость, требование жизни и т. п. могут заслонить, отодвинуть на второй план требования закона. Это есть не что иное, как юридический нигилизм, питаемый дефектами правового сознания.

5. Пятую группу составляют мотивы, продиктованные юридическим нигилизмом в чистом виде, без отягощения ложно понимаемыми производственными интересами или какой-либо личной заинтересованностью. Мы имеем в виду случаи, когда субъект игнорирует требования права только потому, что считает их ненужным формализмом вообще, либо потому, что в данной ситуации, по его мнению, соблюдение таких норм необязательно. При этом субъект нередко убежден, что никаких тяжких последствий нарушение данного правила не может повлечь, а это и делает их необязательными. В таких случаях отношение к последствиям наступает из-за преступной небрежности. Однако нежелание соблюдать правила безопасности может сочетаться с преступной самонадеянностью в отношении последствий, которые виновный предвидит, но легкомысленно рассчитывает предотвратить, надеясь на свое летное мастерство или опираясь на прежний опыт благополучного исхода при подобных нарушениях.

Так, при подлете к аэродрому командир самолета ТУ-154 в нарушение действующих правил разрешил выполнить заход на посадку второму пилоту, который не был в достаточной степени подготовлен к самостоятельному выполнению этого наиболее сложного элемента полета. На завершающем этапе посадки вторым пилотом были допущены ошибки в пилотировании, которые

привели к более крутому снижению самолета с увеличением вертикальной скорости выше допустимой. В свою очередь, командир упустил контроль за этими неправильными действиями, поздно вмешался в управление, в результате чего самолет приземлился с большой вертикальной скоростью и разрушился от нагрузок, значительно превысивших предельно допустимые. В катастрофе погибли 11 пассажиров, а 16 получили травмы и были госпитализированы.

При расследовании причин катастрофы российского аэробуса А-310-304, унесшей жизни 75 человек, были установлены грубейшие нарушения правил безопасности, связанные с нахождением в кресле командира посторонних лиц (его детей-подростков).

6. В отдельных случаях умышленное нарушение правил может быть обусловлено конформностью, коммуникативностью поведения, когда, например, член экипажа нарушает правила совместно с командиром экипажа, подчиняясь его авторитету, или диспетчер разрешает посадку в неблагоприятных погодных условиях, учитывая нежелание экипажа уходить на запасной аэродром. Поскольку здесь мотив также сочетается с неприятием для себя требования неукоснительного соблюдения правил безопасности, его тоже можно считать связанным с антисоциальной установкой личности.

Таким образом, мотивы умышленных нарушений правил безопасности полетов или эксплуатации воздушного транспорта при неосторожном отношении к последствиям свидетельствуют о том, что это антисоциальная (или, по крайней мере, асоциальная) установка субъектов этих преступлений.

Когда же сами нарушения правил безопасности совершаются по небрежности, отрицательная социальная позиция виновного не играет решающей роли в этих преступлениях. Проявление неосторожности здесь обусловливается ошибочной реакцией субъекта на особенности ситуации.

Следует также отметить, что наряду с исследованием личности неосторожных правонарушителей заслуживает самого пристального внимания проблема криминогенного воздействия социально-экономических и организацион-

но-технических факторов на обеспечение безопасности воздушного движения. Политическая и экономическая системы при их нестабильном развитии могут активно порождать обстоятельства, способствующие совершению неосторожных преступлений. Особенно ярко это проявляется в сфере взаимодействия человека с техникой (источником повышенной опасности).

В гражданской авиации, например, следует обратить внимание на абсолютно неоправданный и безудержный рост количества эксплуатантов-авиакомпаний, особенно заметный в 1992—1997 гг., когда их насчитывалось более 350. В настоящее время их более 150. Вышеупомянутая бурная деятельность авиационно-транспортной отрасли совпала с практически полной дезорганизацией системы государственного надзора и контроля за работой воздушного транспорта. Большинство частных авиакомпаний не имеют необходимого опыта и соответствующей материально-технической базы, эксплуатируют не вполне пригодные воздушные суда, привлекают к работе случайные, непроверенные экипажи, не контролируются регулярно надзорными органами.

Примером безобразного отношения к обеспечению безопасности полетов служит катастрофа Як-42 под Ярославлем 7 сентября 2011 г., в которой погибла команда хоккеистов «Локомотива». Как установило следствие, экипаж не был подготовлен к пилотированию лайнера. Командир экипажа имел фальшивое свидетельство, а второй пилот не был знаком с устройством Як-42. Владелец авиакомпании, тем не менее, допустил к полетам неподготовленный экипаж.

Глава 2. Отчуждение личности как источник преступного поведения

2.1. Отчуждение и преступление

Криминологическо-психологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что большая часть правонарушителей находится на определенной социально-психологической дистанции от общества и его ценностей. Они как бы отстранены, отчуждены и от общества, и от малых социальных групп (семьи, трудовых коллективов, друзей и т.д.) или существенно ослабили связи с ними. Это определяет своеобразную мотивацию преступного поведения, специфику реагирования на жизненные ситуации, особенности воспитательного воздействия общества на таких людей.

Термин **отчуждение** появился давно и имеет разные значения. Это объективный социальный процесс, уходящий корнями в историю разделения труда и выражающийся в деформирующем господстве общественного труда над трудом индивидуальным, общественных отношений — над человеком. В государственной жизни, идеологии, межличностных отношениях на производстве, в семье и быту — всюду возникают различные формы отчуждения человека от окружающей среды и соответствующее его отношение к ней. Отчуждение труда от производителя порождает отношение к работе как к несчастью, нежелание работать, что обуславливает субъективную готовность добывать средства к существованию противоправным путем.

Тема отчуждения широко освещается в современной западной философии, где оно обычно связывается с научно-техническим прогрессом, урбанизацией, миграцией населения, атеистическим миропониманием. Иногда отчуждение понимается как абсурдность и произвол, а к его жертвам в равной мере относят представителей самых разных слоев общества, переживающих отчужденное состояние как бессмысленность собственного бытия. Очень часто отчуждением объясняются утрата человеком себя, веры, ценностей, отчаяние, страх, дезорганизация.

В экзистенциалистской философии отчуждение понимается как нигилизм, всеобщая опустошенность сознания и утрата ценностных характеристик бы-

тия. Высшая стадия нигилизма означает полное и добровольное самоотчуждение человека, опустошенность духа, но уже с осознанием корней абсурдности бытия и глубинных причин страха.

Такую опустошенность некоторые экзистенциалисты, особенно А. Камю, расценивают также как победу человека над своими иллюзиями, решившего смело посмотреть в глаза трагической правде, отказаться от рутины повседневности с ее кажущимся преодолением кардинальных вопросов жизни и смерти.

В западной социологии в 1920-е гг. часто без употребления самого термина «отчуждение» был проанализирован такой его аспект, как социальная **аномия**. Это понятие выражает отношение человека к социальным ценностям и нормам, утрату их значимости, что ведет к отклоняющемуся поведению. Аномия также обозначает отсутствие эталонов, стандартов сравнения с другими людьми, позволяющих оценить свое место в социальной структуре, выбрать образцы поведения, без чего оно становится неопределенным, колеблется (в социальном плане) от нормы до патологии.

Э. Дюркгейм рассматривал аномию как постоянное и обычное состояние общества. По его мнению, индивиды, лишенные богатства, власти, престижа, неизбежно вступают в конфликт с обществом, стремясь приобрести необходимые для них ценности противоправным путем.

Р. К. Мертон, пытаясь найти социальные истоки преступного поведения, пришел к идее о том, что определенные фазы общественного развития порождают такие обстоятельства, при которых нарушения социального кодекса представляют собой «нормальный» ответ на возникающую ситуацию. В рамках теории аномии он показал, как некоторые социальные образования оказывают давление на отдельных людей, толкая их на неподчинение.

Американский ученый В. Фокс рассматривал отчуждение как крайнюю форму выражения аномии, как отход от нормального общества и, быть может, даже как вступление в контакт с другими людьми и целыми группами лиц, сходным образом отстранившимися от общества. Он связывал с отчуждени-

ем образование шаяк, в которых отчужденные люди находят возможность разрешать общие для них проблемы.

Интересны соображения В. Фокса о безразличии общества к человеку: безразличие усугубляет отчуждение и, следовательно, вероятность преступного поведения. Небезосновательно и его суждение о том, что в группы правонарушителей объединяются люди, в той или иной степени изолированные от общества. Наши эмпирические наблюдения показывают, что группы, хотя и нестабильные по составу и длительности существования, нередко формируются из правонарушителей, ищущих понимание и поддержку. Это является следствием их отчуждения от нормальных связей и отношений в семье, трудовых, учебных коллективах и т.д.

Бесспорно, следует согласиться с мнением В. Фокса о том, что отчуждение необязательно ведет к преступлениям. Оно способно порождать и преступные формы поведения, поскольку вообще нет таких факторов, которые детерминировали бы только преступные действия.

Тема отчуждения относится к числу центральных в современном западном искусстве и получает все большее признание в отечественном. Ее успешно разрабатывали такие крупнейшие мастера, как Т. Манн, У. Фолкнер, К. Гамсун, Ф. Кафка, А. Камю в литературе, М. Антониони, Ф. Феллини в кино.

Так, в творчестве Ф. Кафки отчуждение личности, ее одиночество, отсутствие контактов, незащитность, зависимость и унижение, бесчеловечная и бездушная власть государства, его институтов и бюрократических учреждений вскрыты с исключительной убедительностью.

Эта тема возникла из острого ощущения человеком потери своей индивидуальности, из осознания своего внутреннего одиночества в обществе и вместе с тем зависимости от него. Во многих работах, посвященных отчуждению, выражается протест против обезчеловечивания личности, показывается растущая тревога за распад общества на изолированные составные элементы.

Например, в фильмах М. Антониони контакты между людьми случайны, непрочны и недолговечны, распад связей возводится в ранг фатальной законо-

мерности, а стремление убежать от одиночества и от себе подобных неизбежно оказывается бесплодным.

В повести А. Камю «Посторонний» внешний мир чужд и непонятен главному герою, вызывает у него ощущение призрачности. Он равнодушен ко всему, в том числе к браку, любви, приятельским отношениям, служебному и даже сыновнему долгу. Следствием этого являются не только совершенное им убийство, но и видение того, что скрыто для других. Он не почитает условностей, не лжет и не играет в игру тех, с кем контактирует, пренебрегает лицемерием, из которого соткана мораль формального долга. Посторонний бродит в стороне от людей, по окраинам жизни. Именно поэтому он вызывает тревогу у других, страх разрушения привычного для них миропорядка.

Мысль о тотальном одиночестве и разобщенности людей, об отсутствии взаимопонимания между ними пронизывает и творчество К. Гамсуна. Его герои — это замкнутые в себе личности, живущие среди таких же затянутых пеленой загадочности и непостижимости, не понимающих друг друга людей. Они неуютно и неловко чувствуют себя в цивилизованном мире и находят счастье и свободу в общении с природой, в полном одиночестве.

Хотя тема отчуждения в искусстве сейчас весьма социально значима и актуальна, ее художественное открытие произошло, конечно, значительно раньше. Известно, что К. Маркс для подтверждения своего положения об отчуждении людей и вещей частной собственностью ссылался на У. Шекспира. И позже великие реалисты О. Бальзак, Ф. М. Достоевский и др., если можно так выразиться, анатомировали расчленение личности, факторы, в результате действия которых возникает отчуждение в общественной и психологической сферах.

М. Горький в 1909 г. писал: «Духовно обнищавшая, заплутавшаяся во тьме противоречий, всегда смешная и жалкая в своих попытках найти уютный уголок и спрятаться в нем, личность неуклонно продолжает дробиться и становится все более ничтожной психически. Чувствуя это, охваченная отчаянием, сознавая его или скрывая от себя самой, она мечется из угла в угол, ищет

спасения...» И далее: «Современный изолированный и стремящийся к изоляции человек — это существо более несчастное, чем Мармеладов, ибо поистине некуда ему идти и никому он не нужен!».

Таким образом, и научные исследования, и произведения искусства убеждают нас в том, что отчуждение личности оказывает заметное влияние на ее поведение и судьбу, относится к числу тех проблем, которые нуждаются в глубоком и всестороннем изучении.

Отчуждение личности, прежде всего, проявляется в общении — одной из важнейших сторон бытия человека как общественного существа. В общении формируется личность, реализуется ее активность, оно теснейшим образом связано с деятельностью. Общение не просто сменяющие друг друга влияния, а специфическая система межличностного взаимодействия. Отчуждение в психологическом плане представляет собой уход человека из межличностного взаимодействия. Этот уход имеет существенные психологические и социальные последствия, в том числе криминогенного характера.

В социальной психологии отчуждение рассматривается в контексте межличностных отношений, когда индивид противостоит окружающим, в первую очередь микросреде. Такие отношения связаны с утратой им чувства солидарности. Он воспринимает окружающих чужими, непонятными и даже враждебными себе, отвергая при этом их нормы, включая групповые и неформальные.

Такое восприятие мира есть психологическое последствие отчуждения. Человек ощущает разрыв между своими ожиданиями, желаниями и действующими социальными нормами, испытывает чувство изоляции, непричастности к делам других людей, даже близких, что препятствует усвоению им норм, регулирующих поведение. Разумеется, для объяснения преступного поведения недопустимы абсолютизация отчуждения, превращение его в единственную сущностную характеристику человека при игнорировании социальных условий жизни. Не следует думать, что другие люди и социальные группы всегда осознанно воспринимаются самим индивидом как противоположные

ему. Такое восприятие, как показывают психологические исследования, возможно и на бессознательном уровне.

Нельзя смешивать отчуждение с **отчужденностью**. Последняя представляет собой результат отчуждения, позицию личности, отношение к другим людям и миру в целом, ее мироощущение. Криминогенное значение имеют неприятие мира, безразличие к нему или восприятие его как враждебного.

Отчуждение личности может принимать форму **аутизации**. В самом общем виде это уход личности в свой внутренний мир. Как отмечают многие психологи, для лиц с высоким уровнем аутизации характерны ориентирование главным образом на внутренние критерии, утрата способности к интуитивному пониманию окружающих, проигрыванию их ролей и в связи с этим нарушение адекватного эмоционального реагирования. Поведение таких лиц нередко представляется эксцентричным, непонятным, лишенным естественной эмоциональной окраски.

Нарушение коммуникаций у аутичных личностей приводит к тому, что у них отсутствуют четкие представления о том, как именно они должны вести себя в конкретной обстановке, чего от них ждут окружающие. Такая неадекватная реакция неудивительна при значительном ослаблении социальных связей. По этой же причине у них все больше сужаются возможности быть понятыми другими, развивается недоверие к последним, растут отчуждение, ощущение изолированности, утрачивается фактическая, а не формальная принадлежность к группе. На личностном уровне увеличиваются внутренняя напряженность, тревожность, беспокойство, ощущаются (часто без каких-либо оснований) холодность и даже агрессивность среды. Все это ведет к ответным враждебным действиям в целях самозащиты, а стремление преодолеть холодность — к демонстрации чрезмерного дружелюбия, готовности выполнить любые пожелания тех, к общению с которыми стремятся такие люди. В том и другом случаях их поведение может противоречить социальным ожиданиям и нормам.

Целесообразно различать социальное и психологическое отчуждение личности. Их отличие условно и зависит от происхождения этого явления, т.е. от того, заключена его причина в самой личности или в ее среде. **Психологическое отчуждение** приводит к определенной позиции индивида, обусловленной его субъективными свойствами, в том числе аутичностью. **Социальное отчуждение** порождается только или в основном внешними обстоятельствами, отношениями других людей и групп к данному субъекту (даже при сохранении стремления последнего к установлению или упрочению связей с ними и к приобщению к их ценностям). Разумеется, психологическое отчуждение вначале может порождаться социальной изоляцией: если она длительна, это может способствовать выработке у человека позиции отдаленности от микросреды, уходу от нее, потере интереса к ней.

Даже при наличии у человека стремления к общению, приобщению к групповым ценностям его личностных способностей может оказаться недостаточно для включения в деятельность группы. Так бывает с некоторыми осужденными в местах лишения свободы, когда другие преступники «вытаскивают» их из своей среды. Таким образом, психологическое отчуждение представляет собой субъективное неприятие индивидом социального окружения, некоторых его важных объектов, а социальное — неприятие человека, во многих случаях отвергание его окружением. Отчуждение личности — проблема социально-психологическая, даже если оно порождается индивидуально-психологическими факторами, поскольку проявляется в общении. Индивидуально-психологические факторы могут вызываться к жизни негативными сторонами общественных отношений, в которые была включена личность.

Остановимся на соотношении отчуждения и **дезадаптации личности**. Первое значительно шире второго и охватывает многие стороны жизни общества и человека. Оно шире и в том случае, если взять только его психологические аспекты, и, более того, выступает причиной дезадаптации личности. Последнее можно определить как непригодность индивида к социальной сре-

де, поскольку социально-психологическим содержанием его является несовпадение ценностных ориентаций и целей группы и личности. Индивид в силу различных причин не может или не умеет полностью либо в необходимой степени усвоить групповые нормы и культуру, принять групповые роли. Дезадаптация и дезадаптивное поведение являются следствием психологического, точнее, социально-психологического отчуждения. Так, психическая депривация, т.е. ограничение или лишение необходимых эмоциональных контактов в детстве, не компенсированная во взрослом возрасте, как правило, приводит взрослого человека к дезадаптации.

Дезадаптация может быть охарактеризована и как состояние личности, вызванное в том числе психическими аномалиями или болезнями. В таком аспекте рассматриваемое состояние может активно способствовать отчужденности, являющейся, как мы уже отмечали выше, личностной позицией по отношению к окружающему миру. «Отчуждение» в целом можно считать родовым понятием по отношению к понятиям «дезадаптация» и «отчужденность». Поэтому мы будем рассматривать дезадаптацию как частную проблему отчуждения.

Можно выделить следующие **аспекты отчуждения личности, значимые для понимания причин преступного поведения:**

1) отчуждение затрудняет усвоение человеком социальных норм, регулирующих межличностные отношения, поведение. Эти нормы не становятся «моими», поэтому они не обязательны для «меня». Это нечто чуждое и далеко не всегда понятное. Не случайно многие преступники не понимают, за что, собственно, их наказали, хотя им ясно, какие запреты они нарушили, но последние не приняты ими и не стали в силу этого регулятором их поведения. Многие даже бывают удивлены уголовным наказанием, хотя совершение преступления признают. Здесь мы сталкиваемся с глубоким внутренним противоречием, которое можно сформулировать так: «Да, совершил преступление, но не виновен». Отсюда отношение к следователю, суду, органам, исполняющим наказание, и процессуальным процедурам как к чему-то, что очень

слабо связано с их «я» и поэтому отталкивается ими. Естественно, что воспитательное воздействие закона и наказания на таких лиц весьма незначительно, поэтому повышается возможность возвращения их на преступный путь;

2) отчуждение личности на раннем этапе ее развития из-за невыполнения семьей своей основной функции — включения ребенка «через себя» в структуру общества — может закрепиться в человеке и стать причиной его социально-психологической изоляции от семьи, учебных и трудовых коллективов, других малых групп. При отсутствии компенсирующего воспитания это может привести к дезадаптивному противоправному поведению, во многом объясняя длительный рецидив преступлений;

3) отчуждение личности может приводить к формированию ее негативного отношения к среде, ощущению враждебности окружающих. Это способно породить агрессию в качестве защиты от чаще всего воображаемого нападения или угрозы, что, как показывают наши исследования, лежит в основе мотивации многих тяжких преступлений против личности. Субъективное восприятие среды как враждебной или безразличной существенно затрудняет профилактику преступлений, исправление и перевоспитание преступников в плане их внутренней переориентации, изменения наиболее важных установок и отношений;

4) изоляция субъекта от нормальных контактов в микросреде в большинстве случаев приводит к тому, что он ищет признания среди подобных себе. Это выражается в уходе в группы антиобщественной направленности и длительном участии в них. В данном обстоятельстве можно видеть одну из главных причин существования групповой преступности, если рассматривать группу не только как объединение тех, кто помогает друг другу совершать преступления, но и как общность, в которой личность получает возможность самовыражения, поддержку и признание. Здесь отчуждены и отдельный человек, и группа, куда он входит, в психологии которой закрепляются черты отчужденности, присущие ее отдельным членам. В то же время групповое сопротивление позитивной среде может быть более упорным, чем сопротивление

отдельного человека, поскольку сплоченность участников группы в рамках этого объединения повышает устойчивость последнего. Таким образом, психологическая зависимость личности от группы (и наоборот) может быть прослежена и по линии их общего отчуждения.

Вместе с тем непринятие индивида в группу или изгнание из нее может стать началом отчуждения или его усугублением, что также способно порождать преступное поведение. Личности же, отличающиеся повышенной предрасположенностью к отгороженности от среды, могут вообще не входить в группы либо пребывать в них эпизодически. В этих случаях социальный контроль за ними еще более ослабевает;

5) существенные нарушения связей человека со средой приводят и к нарушениям установленных норм поведения. Если человек отрывается от группы, он не только выходит из-под её контроля, но и перестает разделять ее ценности и нормы. Чрезмерная привязанность только к данной группе, решительное предпочтение ее всем иным коммуникациям со средой серьезно заслоняют индивиду окружающий мир. Это может иметь криминогенные последствия, особенно если угроза утраты связи с группой, являющейся единственным адаптирующим фактором, способна привести (и приводит) к глубоким психическим травмам. Например, такие ситуации способны стимулировать корыстные преступления ради непомерных материальных запросов семьи. Столь же вредные последствия могут наступить, если группа совершает правонарушения и «платой» за членство в ней являются преступные действия;

б) личностные особенности индивида, выражающиеся в уходе в себя, обособлении от других, часто связаны с отсутствием эмпатии, с неумением чувствовать эмоциональные состояния другого человека, сопереживать ему, с нарушением идентификации с другими людьми, т.е. с отсутствием способности поставить себя на их место. Подобные черты содействуют совершению тяжких насильственных преступлений.

В целом, как показывают исследования, отчуждение личности существенно влияет на совершение многих видов преступлений, в особенности тяжких

преступлений против личности, хищений, взяточничества, краж, грабежей и разбоев, хулиганства и др. Весьма ощутима роль данного психологического явления в совершении преступлений несовершеннолетними и рецидивистами. Длительное преступное поведение, например, алкоголиков-воров или бродяг — это по существу полностью отчужденное, дезадаптированное поведение.

В широком смысле любое преступное поведение можно назвать отчужденным, поскольку оно свидетельствует о неприятии виновным ценностей и норм, установленных обществом. Оно является и отчуждающим, так как способствует изоляции преступника от среды, причем не только от ее формальных структур, например трудовых коллективов, но и от неформальных малых групп и их ценностей. Если проанализировать индивидуальные биографии преступников, то можно увидеть, что их уголовно наказуемым поступкам обычно предшествовало совершение мелких правонарушений и аморальных действий, свидетельствующих об их отчуждении. Повторное преступное поведение усугубляет изоляцию, расширяет дистанцию между субъектом и обществом. Способствует этому и пребывание в местах лишения свободы.

Однако нужно отметить, что переживание человеком своей изоляции, связанной с преступлением, и желание ее преодолеть могут выступать мощным стимулом человеческих поступков. Это блестяще показал Ф. М. Достоевский в романе «Преступление и наказание». В письме к М. Н. Каткову, излагая центральную идею романа, он писал: «Божья правда, земной закон берет свое, и он (Раскольников. — *Авт.*) кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтоб хотя погибнуть на каторге, но примкнуть опять к людям: чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тотчас же по совершении преступления, замучило его».

Переживания человека (связанные с одиночеством, ощущением ненужности и «выброшенности» из жизни), долгое время проведенного в заточении, а затем неожиданно обретшего свободу, ярко описал выдающийся английский писа-

тель Ч. Р. Метьюрин: «Я стал все меньше значить в собственных глазах — я ведь уже больше не был жертвой преследования, от которого столько выстрадал. Покамест люди еще думают, что им есть смысл нас мучить, у нас остается какое-то ощущение собственного достоинства, пусть даже тягостное для нас, пусть иллюзорное. Даже находясь в тюрьме Инквизиции, я кому-то принадлежал: за мной следили, меня охраняли. Ныне же я был изгоем в целом мире; я горько плакал; я был подавлен ощущением огромности расстилавшейся передо мной пустыни и невозможности ее перейти».

Многие исследователи-теоретики и практические работники пенитенциарных учреждений давно обратили внимание на такое, на первый взгляд парадоксальное, явление: отдельные неоднократно судимые рецидивисты, не имеющие устойчивых семейных и иных связей, освободившись, стремятся вернуться в места лишения свободы. Их повторные преступные действия выступают (часто неосознаваемо) способом преодоления отчуждения в условиях свободы, где они не могут адаптироваться.

Длительное антиобщественное, часто бездомное существование, жизнь в антисанитарных условиях, правонарушения, постоянное употребление спиртных напитков, отсутствие какого-нибудь разумного режима и т.д. создают реальную угрозу здоровью. Поэтому лица, ведущие такой образ жизни, не всегда отдавая себе в этом отчет, стремятся вновь попасть в места лишения свободы. Добавим, что некоторые преступники-рецидивисты старших возрастов, давно утратившие общественно полезные связи, в беседах с нами не скрывали своих желаний вообще не покидать исправительно-трудовую колонию (ИТК).

Конкретные исследования убедительно свидетельствуют о том, что наиболее отчужденными являются бродяги, а из них — алкоголики, наркоманы. Изолированность этих людей обычно выражает их личностную позицию по отношению к окружающему миру. Другая категория отчужденных — осужденные к лишению свободы, в первую очередь к длительным срокам наказания, причем многие из них раньше были достаточно хорошо адаптированы к об-

ществу. Но за время пребывания в местах лишения свободы могла появиться и значительно возрасти их социально-психологическая дистанция от общества, могли сформироваться соответствующие внутренние качества и позиции.

Значительная и весьма опасная часть осужденных, очень хорошо адаптировавшаяся к условиям пенитенциарных учреждений, не выключается из социального общения. Это относится к рецидивистам старших возрастов, которые большую часть жизни провели в местах лишения свободы. Они, как правило, являются активными и признанными членами различных неформальных групп антиобщественной направленности, нередко их лидерами. Напротив, другая часть преступников очень тяжело переживают условия изоляции, что может вызывать у них состояния безысходности, апатии, чувство безнадежности, утрату перспектив в жизни, неверие в людей и т.д. Это обычно осужденные за взяточничество, хищения государственного и общественного имущества, спекуляцию, убийства на бытовой почве.

В практической работе по исправлению осужденных важно учитывать не только временные состояния и переживания, но и общую социально-психологическую позицию личности как ее фундаментальную особенность в плане отчуждения или, напротив, адаптации к жизни вообще, и условиям мест лишения свободы в частности. От того, насколько индивид включен в жизнь и солидарен с ее позитивными нормами, зависит его успешная адаптация после отбытия наказания.

Нами был разработан специальный опросник с целью выявить социально-психологическую включенность осужденных в среду в целом и в их непосредственное окружение, их отношение к отдельным общественным ценностям, временные психологические состояния. С помощью этой методики в начале нынешнего века были опрошены большие группы осужденных (400 человек) и законопослушных граждан (200 человек) — контрольная группа.

Среди всех ответов в ходе обработки были выделены наиболее «благополучные», т.е. такие, которые свидетельствуют о хорошей адаптации личности, ее

удовлетворительном самоощущении, и «неблагополучные», которые говорят о неудовлетворительном приспособлении к среде. Количество «благополучных» ответов в изучаемой группе осужденных было в два раза меньше, чем в контрольной. При этом создавалось впечатление, что многие такие ответы осужденных носят декларативный характер и больше отражают желаемое, чем действительное. Это говорит о том, что значительная часть осужденных отнюдь не утратили стремлений к успешной адаптации, но не могут реализовать их в силу сложившихся условий. Поэтому считать, что все лишенные свободы лица находятся в строгой психологической изоляции, нет никаких оснований.

Так, среди осужденных оказалось больше, чем среди законопослушных, тех, кто может утверждать следующее: «Я смог бы назвать всех друзей детства и юности»; «В отношениях между людьми преобладают доброжелательность и дружелюбность»; «Друзья никогда меня не подводили». Однако в действительности большинство преступников друзей не имеют, что в значительной степени связано с утратой дружеских связей в местах лишения свободы. Об этом, например, свидетельствует распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, стали бы Ваши друзья переживать Ваши неудачи и неприятности?» Они распределились следующим образом: «Стали бы очень сильно» — осужденные — 26,5%, законопослушные — 30,8%; «Переживали бы, но не очень» — соответственно 33,1 и 49,2%; «Переживали бы очень мало» — 8,5 и 4,6%; «Вообще не переживали бы» — 5,8 и 0,8%; «Друзей у меня нет» — 6,9 и 3,1% (остальные на этот вопрос затруднились ответить). Сходным оказалось распределение ответов на более прямой вопрос: «Есть ли у Вас друзья?»

Высказанные выше соображения могут быть отнесены и к ряду других результатов опроса. Так, среди осужденных оказалось больше, чем среди законопослушных, тех, кто считает, что «люди очень любят маленьких детей» и что «люди очень счастливы в семейной жизни». Однако на вопрос: «О ком из членов семьи Вы не задумываясь могли бы сказать, что любите его?» — от-

носительно детей утвердительно ответили 34,6% осужденных и 52,3% законопослушных, а относительно жен — соответственно 19,6 и 43,1%. Поэтому есть основания утверждать, что идеальные стремления лишенных свободы очень часто не подтверждаются их жизненной практикой. Но, даже несмотря на такой разрыв, можно полагать, что их адаптивные возможности не исчерпаны до конца.

Несомненный интерес представляют и другие ответы осужденных: «В целом люди ко мне относятся очень хорошо»; «Люди понимают меня хорошо»; «Люди, с которыми я беседую, действительно интересуются тем, что я говорю»; «Я редко испытываю состояние, когда не хочется ни с кем встречаться»; «Мне безразлично, понимают ли меня другие люди» (т.е. потребность в понимании удовлетворительна); «Мне не кажется, что люди избегают меня»; «Я не очень легко меняю место работы, когда возникает такая необходимость»; «Я считаю, что близкие мне люди всегда правильно понимали мои действия, мысли, чувства, желания, намерения»; «Я очень часто испытывал доброе к себе отношение»; «В жизни мне люди не мешали»; «Думаю, что люди редко обманывают друг друга». Эти ответы можно рассматривать и как достаточно оптимистические жизненные взгляды.

Количество наиболее «неблагополучных» ответов из группы осужденных было в девять раз большим, чем из контрольной группы. Соотношение ответов осужденных и законопослушных распределилось следующим образом: «В отношениях между людьми преобладают враждебность и завистливость» — 8,8% осужденных и 3,8% законопослушных; «Очень часто или почти всегда я испытываю состояние, когда не хочется ни с кем встречаться» — соответственно 10,4 и 3,4%; «Я очень хочу жить тихо, незаметно» — 32,5 и 8,5%; «Люди не были бы счастливее, если бы больше времени проводили с друзьями» — 6,2 и 3,8%; «Я никогда не нуждаюсь в помощи других людей» — 11,2 и 6,2%; «Я очень часто испытываю нужду в том, чтобы побыть одному» — 20,0 и 6,9%; «Мне совсем не нравятся общительные, «компанейские» люди» — 12,7 и 6,2%; «Я никогда не чувствую потребность высказываться» — 11,5

и 3,8%; «Среди моих знакомых нет такого человека, к которому я не задумываясь мог бы обратиться за помощью» — 18,8 и 10,8%; «Я очень редко испытывал доброе к себе отношение» — 12,7 и 6,2%; «Совершенно справедливо мнение, что люди заводят знакомства потому, что друзья могут оказаться полезными» — 29,2 и 15,4%; «Мне очень трудно поддерживать разговор с человеком, с которым я только что познакомился» — 20,0 и 12,3%; «Я считаю, что безопаснее всего никогда не доверять людям» — 36,5 и 21,5%; «Люди всегда обманывают друг друга» — 7,7 и 2,3%.

Анализ этих высказываний позволяет предположить, что большинство осужденных (не в последнюю очередь по причине изоляции) психологически отчуждены от окружающего мира, не «вписаны» в него, испытывают трудности в общении, не доверяют людям. Независимо от того, происходит это отчуждение в результате действия внешних причин или выражает позицию личности, ее отношение к миру, криминогенная роль такого явления очевидна.

Наши наблюдения показывают, что в целом **психологическое отчуждение личности** можно определить как развившуюся чаще всего в результате эмоционального отвергания родителями (психической депривации), из безразличия, социально-психологической дистанции между индивидом и средой, изолированность от социальных ценностей, общества, невключенность в эмоциональные контакты. Психическая депривация и порождаемое ею отчуждение могут рассматриваться в качестве причины преступного поведения. Сами по себе эти факторы фатально не ведут к совершению преступлений. Однако они формируют общую нежелательную направленность личности, ее бессознательные установки, предопределяющие уголовно наказуемые формы реагирования на конкретные конфликты.

2.2. Начало возможной жизненной катастрофы

Рассмотрим проблемы семьи и семейного воспитания в аспекте причин преступного поведения, чтобы понять эти причины через отчуждение личности, которое начинается в семье. Разумеется, не только оно «виновато» в этом, хотя бы потому, что часть (хоть и незначительная) детей вообще воспитывается вне семьи. Однако несомненно, что многие родители ненадлежащим образом относятся к своим детям из-за того, что их в свою очередь так воспитали, что у них в силу занятости, материальной нужды, невежества и т.д. объективно нет возможности иначе осуществлять семейное воспитание. Но немалая часть людей попросту не хочет иметь детей, не любит и психологически не принимает их. Думается, что это одна из основных причин того, что наша страна занимает позорное первое место в мире по числу аборт.

Известно, что родители, семья, детство играют исключительную роль в воспитании человека, определении его дальнейшей жизни, формировании его нравственных и психологических качеств. Об этом прекрасно сказал Ф. М. Достоевский устами одного из Карамазовых:

«...ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить нам во спасение».

Криминологические аспекты отвергания родителями ребенка не всегда привлекают к себе должное внимание. Между тем лишь с помощью имеющейся информации о составе семьи правонарушителей, о характере отношений в ней, о совершении родителями аморальных или противоправных действий и т.д. нельзя объяснить преступное поведение.

В нашем исследовании мы исходим из того, что именно отсутствие эмоционально теплых отношений в семье главным образом порождает особенности личности, которые затем определяют ее преступное поведение. Мы полагаем, что условия жизни ребенка не сами по себе (непосредственно) определяют его психологическое развитие, что в одних и тех же условиях могут формироваться совершенно разные черты характера. Результаты влияния среды зависят от того, с какими врожденными особенностями они встречаются и через какие ранее возникшие психологические свойства ребенка преломляются.

Психологическое отчуждение ребенка родителями является не единственной причиной формирования личности преступника. Нередко это происходит и иным путем: у ребенка, подростка есть необходимые эмоциональные связи с родителями, но последние демонстрируют ему пренебрежительное отношение к нравственным и правовым нормам, образцы противоправного поведения. Подросток сравнительно легко усваивает эти образцы, соответствующие взгляды и представления. Усвоенные, они начинают стимулировать его поступки. Этот путь криминогенного заражения личности достаточно хорошо изучен, и поэтому мы его не рассматриваем.

Криминогенные последствия может иметь и то, что ребенка не приучают к выполнению обязанностей по отношению к другим, к соблюдению тех или иных нравственных норм. В этих случаях возникает наивный детский эгоизм, грозящий впоследствии превратиться в значительно более опасный эгоизм взрослого.

Перечень криминогенных недостатков семейного воспитания можно было бы продолжить. Нисколько не уменьшая их роли, мы сосредоточим внимание на **отчуждении ребенка от родителей** как наиболее значимом явлении. Вместе с тем подчеркнем, что оно не действует фатально. Иные воздействия, в том числе специальные воспитательные, благоприятные жизненные ситуации, внимание и забота, проявленные к человеку на более поздних этапах развития, способны изменить его внутренние установки и побуждения и тем са-

мым скорректировать его поведение. Однако психотравмирующие факторы на ранних этапах жизни при отсутствии затем других, благоприятных, компенсирующих обстоятельств главным образом и формируют мотивы преступного поведения отчужденных личностей. Поэтому данные факторы могут рассматриваться в качестве первопричин, исходных побудителей такого поведения.

Специфика семейного воспитания состоит, прежде всего, в том, что оно более эмоционально по своему характеру, чем любое другое, поскольку осуществляется через родительскую любовь к детям и их ответные чувства (привязанность, доверие). Ребенок, особенно в раннем возрасте, больше предрасположен к воздействию семьи, чем к любому другому. Именно в ней он бессознательно ищет защиты, именно семья помогает ребенку обрести уверенность в себе, понять свое место в жизни, постепенно приобщает его к социальной жизни, поэтапно расширяет его кругозор и опыт.

Поскольку качества, привитые с детства, так или иначе, сказываются в течение всей жизни человека, семья не только воспитывает, но и способствует или, наоборот, препятствует последующему общественному воспитанию. В раннем детстве, когда семья является монополистом в воспитании, у человека формируются те элементы «автоматизма», которые свойственны поведению каждого (манеры, привычки и т.д.). Не последнюю роль в семейном воспитании играет вся обстановка семейной жизни, в частности эмоциональный характер взаимоотношений между родителями и маленькими детьми.

Психологические особенности человека начинают формироваться с младенческого возраста. Об этом возрасте Л. С. Выготский писал, что решительно все поведение младенца, вся его деятельность реализуется либо непосредственно через взрослого, либо в сотрудничестве с ним. Без него у ребенка как бы отнимаются руки и ноги, возможность передвижения, изменения положения, захватывания нужных предметов. Поэтому он накрепко связан со взрослым человеком. Приспособление к действительности, начиная с удовлетворения примитивных органических потребностей младенца, опосредовано че-

рез другого человека. Вот почему взрослый для младенца всегда есть «психологический центр» любой ситуации, и смысл ситуации определяется для него в первую очередь именно этим социальным по своему содержанию центром. Это означает, что отношение ребенка к миру является зависимой и производной величиной от самых непосредственных его отношений к взрослому человеку. Отсюда понятно, почему любая потребность младенца становится для него потребностью в другом человеке, в общении с ним.

В силу своей физической, умственной и эмоциональной беспомощности дети весьма чувствительны к грубым и непоследовательным формам отношения к ним. У них мало опыта в избегании неблагоприятных условий. В физическом отношении ребенок быстро развивается, но он намного слабее взрослых, которые могут его переносить, поднимать и т.д. Пропасть между ребенком и взрослым еще значительнее в сфере умственной и эмоциональной. Дети не могут понимать окружающего их мира и не умеют контролировать свои реакции. По этой причине они более остро, чем взрослые, переживают эмоциональные состояния.

Нет ничего удивительного, что в детстве возникают острые эмоциональные конфликты. Младенец еще не научился ждать. Он не знает правил, господствующих в окружающем мире, он не умеет доверять кому-то, он не может объяснить себе, что хорошие минуты еще вернутся, а неприятности пройдут. Поэтому он не в состоянии избавиться от нынешних трудностей путем контролируемого построения желаемого будущего.

Ребенок более всего нуждается во внимании и в мягкости именно тогда, когда он наиболее беспомощен. Конечно, было бы лучше, если бы дети были ограждены от вступления в серьезные конфликты, пока у них не разовьются достаточно способностей к этому. Родители должны обеспечить наибольшую опору для ребенка в первые недели, месяцы и годы его жизни.

В тех случаях, когда «психологический центр» в лице матери, отца или любого заменяющего их лица не выполняет возложенные на него природой и обществом функции, у младенца появляется ощущение своей незащищенно-

сти и беспокойства. Если ситуация не изменится в лучшую сторону, подобные ощущения у ребенка способны прогрессировать, находя выражение в постоянной неуверенности и тревожности, бессознательном страхе смерти. Важно подчеркнуть и другое: если потребности ребенка в другом человеке не удовлетворяются в надлежащей мере или не удовлетворяются вообще, у него может не сформироваться потребность в других людях, в общении с ними.

Так могут быть заложены основы будущего психологического отчуждения человека, его личностной позиции неприятия окружающей среды, непонимания ее, даже ожидания угрозы с ее стороны. Незрелость социальной по своему происхождению потребности в общении берет начало в сензитивном, т.е. наиболее чувствительном к влияниям окружающей действительности, периоде жизни.

В этот период ребенок наиболее чувствителен к определенным социально-психологическим воздействиям со стороны окружающих. Это всегда ожидания ласки, любви, защиты и заступничества, «единственности» для родителей, полной уверенности в них. При благоприятных условиях социальное окружение адекватно отвечает на такие ожидания, что составляет абсолютно необходимое условие благоприятного формирования личности. Только при оптимальном соотношении характера воздействий с возникшей готовностью к их принятию можно ожидать нормальное развитие личности.

По-иному складывается личность, у которой в сензитивный период возникают отрицательные, опасные для ее дальнейшей судьбы социально-психологические новообразования, которые, постепенно обобщаясь и углубляясь, становятся все более устойчивыми и ригидными. Они деформируют личность, препятствуют формированию одних ее сторон, подчиняют себе другие. Начинается самостоятельное развитие подобных новообразований, обретающих собственную логику движения и становящихся стержневыми свойствами личности. Создаются аномальные структуры и искаженные контуры отдельных сторон, которые избирательно реагируют только на некоторые, как бы для них предуготовленные социальные воздействия, отфильтро-

вывая их из массы одновременно действующих для человека факторов. Нарушение первичных социальных связей, в особенности отсутствие необходимого положительного эмоционального контакта на ранних этапах развития ребенка, может не только породить отчужденность, но и способствовать возникновению нервно-психических аномалий, в свою очередь обладающих немалым криминогенным потенциалом.

Мы хотели бы обратить внимание на то, что отчуждение ребенка от родителей — объективно-субъективный процесс. Это следует понимать так, что данное явление существует объективно, но, главное, оно воспринимается таковым самим индивидом, т.е. субъективно. Довольно часто ситуация может быть такой, что ребенок в действительности любим родителями, но в силу занятости они не могут уделять ему необходимые внимание и заботу. В связи с этим он чувствует себя ненужным, заброшенным, покинутым ими. Среди преступников, особенно среди тех, кто воспитывался в малообеспеченных семьях, удельный вес лиц, лишенных родительского, в том числе материнского, попечения именно по причине занятости на работе, особенно велик.

Чехословацкие ученые И. Лангмейер и З. Матейчек, исследовавшие многие аспекты проблемы психической депривации (лишения) в детском возрасте, установили, что отсутствие стойких и эмоционально теплых связей ребенка с матерью приводит к целому ряду нарушений его психического здоровья, являющихся в соответствии со степенью данной депривации в различной мере тяжелыми и даже непоправимыми. Особенно опасны последствия длительной полной депривации, что ведет к глубокому вмешательству в структуру личности, которая начинает формироваться на значительно более сниженном (примитивном) уровне, что приводит к возникновению психопатического «бесчувственного» характера, склонностей к правонарушениям.

О роли матери в воспитании ребенка существует множество наблюдений. От нее зависит не только уход, но и удовлетворение большинства психических потребностей ребенка: она составляет основу его отношения к людям, его доверия к окружающему миру, прежде всего именно мать создает для ребен-

ка «дом». Ребенок выделяет мать по голосу очень рано, и она, как правило, является основным объектом привязанности, которая далее распространяется на отца, брата, сестер и т.д. Таким образом, у ребенка формируется привязанность сразу к нескольким объектам. Возникает вопрос: хорошо ли это? Можно предположить, что большое количество объектов привязанности должно отрицательно влиять на интенсивность привязанности к основному объекту. Однако это не так. Чем благополучнее отношения между ребенком и матерью, тем прочнее контакт между ребенком и другими объектами привязанности. Этому дается следующее объяснение: чем менее надежной является связь с матерью, тем больше ребенок склонен подавлять свое стремление к другим социальным контактам.

Отсюда можно сделать весьма важный вывод. Именно любовь матери к ребенку создает у него ощущение защищенности и безопасности и становится базой для расширения его позитивных контактов с другими лицами. И наоборот, у ребенка, лишённого материнской любви, видимо, возникает ощущение угрозы, исходящей от внешней среды.

Источником депривации ребенка является не только отсутствие материнской заботы, что аналогично его проживанию в детском учреждении, но и целый ряд иных ситуаций. Известно, что большое число детей, страдающих от недостатка материнской заботы, в действительности проживают со своими матерями. Поэтому так важно изучение эмоциональной депривации в условиях семьи. В детских учреждениях избежать негативных последствий психической депривации можно лишь при условии высокого профессионального мастерства воспитателей, совершенного материального оснащения этих учреждений и подчинения всей их работы идее, что личность каждого отдельного ребенка — в центре внимания.

И. Лангмейер и З. Матейчек отмечают, что отсутствие отца — более частое и не столь трагическое явление. Это касается многих детей, живущих в неполных семьях. Если нет влияния отца, то, естественно, значение личности матери возрастает. Ребенок, растущий без отца, лишен мужского примера, осо-

бенно значительного для мальчиков старшего возраста в регуляции их поведения и для девочек в качестве модели их будущего партнера. Ребенок страдает от недостатка авторитета, дисциплины и порядка, олицетворяемых отцом. Поэтому дети, лишённые отцовского попечения, часто бывают недисциплинированными, агрессивными, склонными к асоциальным действиям.

Мы хотели бы отметить еще один очень важный аспект последствий воспитания без отца: отсутствие уверенности и устойчивости в социальном включении ребенка, в его месте в жизни, что составляет основу его будущего соответствующего отношения к себе и другим. В этом плане профессия отца, его работа и социальный престиж, экономическое обеспечение семьи, его психологическая фигура являются порукой уверенности. К тому же он представляет собой естественный источник познаний о мире, труде, может активно помогать в постановке и достижении жизненных целей и идеалов. Роль отца осознается в более позднем возрасте, но существенна уже в ранние годы жизни ребенка.

Если родители не просто безразличны или недостаточно внимательны к ребенку, а явно отвергают его, отрекаются от него, в особенности с очевидной жестокостью и цинизмом, то он оказывается в эмоциональной и социальной изоляции, подвергается грубому травмированию. Его самые актуальные в этот период потребности не удовлетворяются.

Мы полагаем, что отсутствие или значительное сужение эмоциональных контактов ребенка с матерью и отцом, отвергание его одним из родителей и особенно обоими есть психологическое отчуждение индивида, закладывающее начало дальнейшей дезадаптации. Отвергание в детстве представляет собой и социальное отчуждение, порожденное конкретными отношениями, сложившимися в этой малой социальной группе. Следовательно, дезадаптация, наблюдаемая у многих преступников, имеет социальное происхождение. Здесь мы руководствуемся одним из основных принципов психологии: каждая психическая функция, прежде чем стать интрапсихической (внутренней, присущей личности), первоначально является функцией интерпсихической

(межличностной). Этот принцип положен в основу одной из центральных идей настоящей работы, а именно **криминологически значимые психологические особенности имеют корни в характере ранних внутрисемейных отношений.**

Психолог В. Я. Титаренко, суммируя результаты ряда исследований, приходит к выводу, что чем меньше тепла, ласки, заботы получает ребенок, тем медленнее он формируется как личность. Следствиями этого являются сенсорный голод, недоразвитость высших чувств, инфантильность, отставание в развитии интеллекта и нарушения психики. Грубость, недружелюбие, равнодушие родителей — самых близких людей — дают ребенку основание считать, что чужой человек способен причинить ему еще большие неприятности и огорчения. Отсюда — неуверенность и недоверие, неприязнь и подозрительность, страх перед другими людьми, враждебность к ним, острое ощущение своего одиночества. Пытаясь как-то приспособиться к трудной ситуации, избежать жестокости старших, дети вынуждены искать иные — порочные — средства самозащиты. Ложь, хитрость, лицемерие — наиболее распространенные из них. Со временем они становятся качествами личности, основой приспособленчества, низости, беспринципности и других пороков.

Такого рода наблюдения можно найти у разных авторов — психологов, медиков, педагогов, социологов, юристов. Однако, к сожалению, следует признать, что отечественная наука этим проблемам не уделяет достаточного внимания.

Отчуждение ребенка в семье может происходить, во-первых, потому, что по преимущественно внешним причинам родители не могут вести себя иначе (например, при неполной семье, чрезмерной занятости на работе, длительной болезни, продолжительных выездах, в случае низкого культурного и материального уровня); во-вторых, когда ребенок (или дети) попросту не нужен родителям, хотя в большинстве случаев последние в этом не признаются даже самим себе. Более того, если им сказать о таком их отношении к собственным детям, они с гневом будут все отрицать. Названные причины тесно свя-

заны между собой и даже могут определять друг друга. Так, нелюбовь к детям может быть причиной длительной командировки, оправдываемой, разумеется, интересами службы или необходимостью дополнительного заработка для семьи.

Мы не будем останавливаться на объективных социальных причинах, влияющих на нравственно-психологические и социально-психологические отношения в семье, которые в свою очередь участвуют в формировании психической депривации ребенка. Однако такие причины существуют, поскольку семья множеством нитей связана как с иными сферами микросреды, так и с более широкими социальными процессами, находится в фокусе экономических, идеологических, нравственных и других отношений. Кроме того, как писал видный психолог Б. Г. Ананьев, «формирование ребенка как личности происходит в зависимости не только от статуса семьи, который он застает сложившимся, но и от освоения его родителями с момента рождения ребенка новых для них семейных ролей. Духовная атмосфера семьи — относительное согласие или напряженность во взаимоотношениях, близость родителей к ребенку, общность стратегии и тактики воспитания зависят в большей степени от этих социальных функций и ролей родителей, чем от статуса семьи, ее положения в обществе».

К сожалению, у нас нет собственного эмпирического материала о личности родителей, отвергавших в детстве детей, которые впоследствии стали преступниками, а также о причинах отвергания. Тем больший интерес представляют результаты исследований известного немецкого психолога и психиатра Г. Аммона, который пришел к выводу, что причинами жестокого обращения с детьми являются неустроенность в семейной жизни, разрушение контактов индивида с семьей и обществом, отсутствие работы и т.д., а также психические расстройства пограничного характера. В основном же, считает он, люди, жестоко обращающиеся с детьми, сами подвергались такому обращению в детстве.

В зарубежной литературе можно найти ряд прямых указаний на криминогенность психологического отчуждения детей от родителей. Так, польский криминолог Б. Хлыст считает, что отвержение ребенка, не удовлетворяя важных для него потребностей в безопасности, любви, уважении, порождает так называемое психическое сиротство и вследствие этого частичное либо полное торможение высших чувств и неспособность на длительную привязанность. Названный ученый ссылается на исследования американских криминологов Ш. и Э. Глюк о том, что изученные ими 450 подростков, совершивших преступления, испытывали (по сравнению с законопослушными подростками) недостаток в эмоциональной связи в семье и неудовлетворенность потребности в чувстве принадлежности и контактах. Б. Хлыст приводит результаты исследования, осуществленного Институтом криминологии Польской академии наук и охватившего 716 несовершеннолетних преступников. Оно показывает, что в отношении 320 из них имели место грубое обращение, полное пренебрежение родительскими обязанностями либо глубокое безразличие.

Подчеркивая необратимый характер психологических нарушений, связанных с отвержением ребенка матерью, Б. Хлыст останавливается на исследованиях Д. Вуйчик, которая сравнивала ответы несовершеннолетних преступников и непереступников по поводу атмосферы в семье и отношений с родителями с ответами матерей. Почти все опрошенные ею законопослушные несовершеннолетние чувствовали любовь и одобрение одного либо обоих родителей, тогда как большинство преступников (77,2%) ответили, что родители не проявляли к ним эмоционального отношения.

В. Фокс справедливо связывает психическую депривацию с нарушениями эмоциональных связей или отсутствием этих связей. Например, один из родителей отсутствует или далек от ребенка либо, наоборот, живет в семье, но подавляет или запугивает ребенка. И в том и в другом случае это дефектная модель будущего поведения для подрастающего ребенка. Результаты действия данной модели могут быть самыми разными, но очень возможно, что

развитие личности в условиях конфликта затем приведет ее к появлению предрассудков, повышенной ранимости, догматизму, шизофреническим расстройствам, гомосексуализму и многим другим отклонениям.

Семья, как известно, характеризуется психологической взаимосвязью между членами, а именно наличием взаимных идентификаций, которые порождают теплоту отношений, взаимопонимание, общие интересы и ценности, способность каждого из них принимать на себя роль другого. Человек может понять состояние другого человека, сочувствовать и сопереживать ему, если он способен почувствовать или представить себя на его месте, если ему понятна (хотя бы в общих чертах) чужая позиция. Идентификация осуществляется с помощью межличностных коммуникаций, ибо, только вообразив себя на месте другого, человек может догадаться о его внутреннем состоянии. На идентификации основывается одна из главных функций семьи — формирование у ее членов способности учитывать в своем поведении интересы других людей общества.

Включая детей в свою психологическую структуру, семья обеспечивает тем самым их первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т.е. «через себя» вводит их в структуру общества. Если этого не происходит, ребенок отчуждается от нее, в результате чего закладывается основа для весьма вероятного отдаления в будущем от общества, его институтов и ценностей, микроокружения. Отдаление способно даже принять форму стойкого дезадаптивного существования, если не будут осуществлены специальные воспитательные мероприятия. Последнее обстоятельство нужно подчеркнуть особо, так как просто наступление благоприятных, по мнению окружающих, условий жизни может не привести к желаемым результатам, поскольку они субъективно будут восприниматься как чужие, не соответствующие потребностям данного индивида.

Как показывают конкретные исследования, существуют два основных способа отвергания ребенка родителями: явный и скрытый. Оба они, конечно, приводят к общественно вредным результатам, но второй менее опасен, в нем

меньше вызова принятой нравственности, он менее оскорбителен для нее, более простителен. Здесь родители часто сами заблуждаются, думая, что делали для своего ребенка если не все, то очень многое. Да и он, будучи совсем взрослым, пройдя тюрьмы и колонии, подчас уверен, что был если не нежно лелеемым, то вполне любимым чадом. И в этом заблуждении он обретал опору, надежду, уверенность, что все еще может сложиться хорошо, шанс, который обязательно следует использовать. Эту надежду стараются поддерживать отдельные родители, которые, спохватившись и чувствуя свою вину, стараются искупить ее.

Другое дело — явное отвергание ребенка, с жестокостью, побоями, оскорблениями, непроявление элементарнейшей заботы о нем, когда его постоянно унижают, бьют, не кормят и даже попрекают куском хлеба, выгоняют из дома. Здесь озлобление против родителей сохраняется на всю жизнь, человек чрезвычайно ожесточается, сам становится циничным, грубым, очень агрессивным, эмоционально глухим, не считается с интересами и чувствами других людей.

Приведем пример явного отвергания ребенка, довольно редкого даже в уголовной хронике.

Ш., 25 лет, образование восемь классов, дважды судимый за кражи, родился и жил в Алтайском крае в семье, в которой помимо родителей у него (он — старший) было трое братьев и сестра. Отец не любил его с раннего детства и относился к нему очень плохо. Однажды после ссоры с отцом (тогда Ш. было шесть лет) его мать взяла детей и ушла к своим родителям. Отец приехал за ними на тракторе и ночью повез домой. Посадил Ш. у самой двери, ребенок там заснул, но от толчка дверь трактора открылась, и он выпал наружу, получив тяжелую травму головы. У него остался глубокий шрам, часто болела голова, были припадки, потеря сознания. Он год не учился в школе. В настоящее время нет возможности квалифицировать эти действия отца, но они граничат с преступной неосторожностью; не исключено, что они были продиктованы умыслом избавиться от нелюбимого ребенка.

Отец избивал Ш. постоянно, причем других братьев и сестру никогда не трогал, что причиняло ребенку двойные страдания. После очередного избиения, когда Ш. было 19 лет, он убежал из дома и стал жить на острове в кустах. Еды у него не было, на работу он не мог устроиться, так как документы оставил дома, а пойти за ними боялся. Он стал ночами воровать еду в детском саду, больнице, столовой; с наступлением холодов украл у чабанов одежду. Его все-таки обнаружили, судили за кражи и приговорили к двум годам лишения свободы. После освобождения он вернулся домой, стал работать в совхозе. Но вскоре отец (в нетрезвом состоянии) стал попрекать его, что он живет за его счет. Обидевшись, Ш. ушел из дома в соседний район, по дороге проник в чужой дом и украл там одежду, которую сразу же надел на себя. На новом месте устроился работать на кирпичный завод; через полгода написал обо всем отцу с матерью, упомянув в письме и о краже вещей. Отец сразу же донес на него, и Ш. вновь арестовали.

Мы полагаем, что в основу объяснения преступного поведения может быть положена идея о том, что оно по большей части определяется неблагоприятными влияниями, которые оказывались на человека в детстве. Поведение как бы воспроизводит содержание раннесемейных отношений, является своего рода ответом на них, их продолжением или следствием. В то же время оно в силу пластичности и динамичности психики может корректироваться и даже существенно изменяться под влиянием новых жизненных обстоятельств.

В целях выявления особенностей семейного воспитания преступников были опрошены лица, виновные в совершении убийств. Для сравнения те же вопросы были поставлены перед правопослушными гражданами. Основная цель опроса состояла в установлении эмоциональных отношений в семье, в первую очередь со стороны родителей к детям. Большинство ответов было ранжировано.

Приведем некоторые результаты этого исследования. В ходе его респондентам был задан вопрос: «Можете ли Вы сказать, что мать любила Вас?» Ответы на данный вопрос должны были показать степень уверенности в без-

условном и полном принятии их со стороны матери. Именно в этом смысле мы использовали здесь слово «любила». Степень уверенности, определенности ответа на этот вопрос мы отождествляли со способностью матери к полному и безусловному принятию своего ребенка и, следовательно, с наличием наиболее благоприятных эмоциональных условий его социализации.

Как видно из табл. 1, уверенных в любви матери среди преступников значительно меньше, чем в контрольной группе. Кроме того, степень уверенности в способности матери к полному принятию сына у преступников меньше в десять с лишним раз. Этот результат можно рассматривать как психологическое подтверждение известного в криминологии положения: чем менее тесными являются внутрисемейные связи, тем более вероятными становятся связи лица вне семьи и соответственно снижается значение семьи.

В целях выявления отношений опрашиваемых к матери и другим членам родительской семьи был задан такой вопрос: «О ком из членов своей семьи Вы не задумываясь могли бы

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что мать любила Вас?»*

Группа	Да, уверен	Пожалуй, да	Не уверен	Нет, не могу этого сказать
Преступники	66,4	13,5	7,9	10,0
Правопослушные граждане	86,1	12,4	0,7	0,7

* В этой и других аналогичных таблицах данные приведены в процентах к общему числу опрошенных в каждой из групп. Суммы по горизонтали могут быть не равны 100%, поскольку часть опрошенных не дали никакого ответа.

сказать, что любите его?» Предполагается, что эти отношения во многом являются следствием отношения родителей к детям.

Из табл. 2 видно, что тех, кто уверен в своей любви к матери, среди правопослушных лиц значительно больше, чем среди преступников. Можно предположить, что в жизни последних мать реже выполняла положительные функции, чем в жизни первых. В то же время интересно отметить: в целом для представителей обеих групп респондентов характерна большая уверенность в любви матери к ним, чем в собственной любви к ней, при этом разница между тяготением матери к ребенку и ребенка к матери ниже у преступников, чем у правопослушных.

Одним из показателей межличностных отношений является **частота контактов между людьми**. Отраженный в сознании индивида, этот показатель характеризует потребность в общении. Собственно, частота контактов формирует как отношение интенсивности потребности в общении с мерой ее удовлетворения. Субъективная оценка степени удовлетворенности контактами с матерью была получена из ответов на следующие вопросы: «С кем из членов семьи Вам чаще всего хотелось быть вместе?»; «Кто из членов семьи уделял Вам в раннем детстве больше времени?»

Таблица 2

Ответы на вопрос:

«О ком из членов своей семьи Вы не задумываясь могли бы сказать, что любите его?»

Группа	О матери	Об отце	О бабушке	Одедушке	О сестре	О брате	О других родственниках	Ником
Преступники	59,9	9,0	9,3	1,7	5,2	3,5	1,0	5,5
Право- послуш-	75,9	6,6	5,8	0,73	2,2	5,8		1,4

слушные граждане								
---------------------	--	--	--	--	--	--	--	--

Таблица 3

Ответы на вопрос:

«С кем из членов семьи Вам чаще всего хотелось быть вместе?»

Группа	С ма- терью	С от- от- цом	С ба- бушкой	С де- душкой	С бра- том	С сест- рой	Сдру- ГИМН родственни- ками
Преступники	53,0	15,6	8,3	2,8	8,6	5,9	2,4
Правопослуш- ные граждане	65,0	17,5	5,8	0,7	8,0	0,7	1,5

Таблица 4

Ответы на вопрос:

«Кто из членов семьи уделял Вам в раннем детстве больше времени?»

Группа	Мать	Отец	Бабушка	Дедушка	Брат	Сестра	Другие родственники
Преступники	63,6	7,9	16,9	1,4	2,4	4,5	0,3
Правопослушные граждане	74,4	5,8	13,9	0,73	3,6	1,4	—

Сопоставляя табл. 3 и 4, первую из которых можно представить как выра-
женную интенсивность потребности в контактах, а вторую — как степень ре-
ального удовлетворения этой потребности, можно увидеть, что потребность в

общении с матерью выше у правопослушных лиц, чем у осужденных. Из табл. 4 видно, что матери уделяли больше внимания правопослушным гражданам. У преступников круг неудовлетворенных внутрисемейных связей шире. Так, для них потребность в общении с братом в 4 раза превышает реальное удовлетворение, с отцом — в 2 раза, с дедом — в 2, с сестрой — в 0,3 и с другими людьми — в 8 раз.

Эти факты показывают, что в семьях преступников связи значительно менее тесные, чем в семьях законопослушных респондентов. У первых также меньше возможностей для полноценного мужского воздействия и соответственно больше влияние женской части семьи. Это не может не влиять на формирование их личности и регуляцию поведения. Ниже мы

Таблица 5

Ответы на вопрос:

«Кто в большей степени повлиял на Вашу жизнь — женщины или мужчины?»

Группа	Женщины	Мужчины
Преступники	55,7	34,6
Правопослушные граждане	51,8	37,2

покажем, что данное обстоятельство влияет на совершение и насильственных, и корыстных преступлений.

Подтверждением нашего заключения могут быть ответы респондентов на довольно общий вопрос: «Кто в большей степени повлиял на Вашу жизнь — женщины или мужчины?»

Ответы (табл. 5) показывают, что в обеих группах существует субъективное ощущение большего влияния на их жизнь женщин, чем мужчин, причем со-

отношение ответов примерно соответствует указанной выше структуре внутрисемейных контактов и их интенсивности.

Как было отмечено выше, в самый ранний период развития ребенка в его психике жестко фиксируется окружение, образуя эмоциональный прототип личности. Этот сензитивный период совпадает с доречевой фазой развития: ребенок еще не владеет формами осознания отношений, каковыми являются фиксированные в слове социальные значения. На доречевой стадии развития личность ребенка формируется окружающими посредством включения его в контекст межличностных отношений. Ранняя социальная ситуация обеспечивает первичную самоидентичность ребенка.

Эти выводы подтверждаются и результатами изучения с помощью Тематического апперцептивного теста (ТАТ) лиц, совершивших хищения государственного и общественного имущества, кражи личного имущества граждан и убийства. Для выявления отношений с матерями и отцами нами были интерпретированы рассказы испытуемых по картинкам методики № 6 («Пожилая женщина и молодой мужчина») и № 7 («Пожилой и молодой мужчины»). Рассказы по первой из них дают возможность охарактеризовать отношения с матерями, а по второй — с отцами.

Изучение показало, что примерно в 95% случаев отношения с матерями носят конфликтный характер, матери и сыновья плохо понимают друг друга, их контакты развиваются на фоне конфликтов со средой, ожидания несчастья. Типичны высказывания: «Что-то случилось»; «Какое-то горе»; «Они переживают большие неприятности» и т.д. Несколько иначе складываются отношения с отцами. Сыновья находят общий язык с отцами, понимание и поддержку с их стороны в 5% случаев. Однако в остальных случаях между ними имеют место конфликты или непонимание друг друга. Характерно, что отдельные испытуемые вообще ничего не могли сказать об отношениях между «пожилой женщиной и молодым мужчиной» и «пожилым и молодым мужчинами». Это может свидетельствовать о том, что они вообще не представ-

ляют себе сущности и содержания контактов между родителями и детьми в силу своей невключенности в них.

Можно по-разному называть семьи, которые не могут обеспечить нормальное социально-приемлемое формирование личности ребенка: неблагоприятные, криминогенные, аморальные, конфликтные, трудные и др. Они обычно отражают те конкретные негативные функции, которые выполняет семья данного типа в отношении ребенка, подростка. Например, к трудным нередко относят неполные семьи, не имеющие возможности обеспечить нужное воспитание детей; к конфликтным — те, которые характеризуются ссорами, неприязненными и враждебными отношениями между членами семьи, что не может не оказывать отрицательное влияние на подростка; к криминогенным — семьи, родители в которых совершают правонарушения. Наиболее общим для таких семей является термин «неблагополучные», хотя он и не отражает того, в чем их социальная вредность.

Семьи, в которых родители отвергают ребенка, что может привести к социально-психологическому отчуждению личности, ее дезадаптации, можно именовать десоциализирующими, дезадаптирующими. Они не обеспечивают приспособление детей к условиям общественной жизни, выполнению социальных норм, готовности занять определенное место в общественной системе, т.е. не выполняют задач, поставленных перед ними природой и обществом.

Мы изложили некоторые исходные положения о влиянии психологического отчуждения личности в детстве на последующее преступное поведение. Считаем необходимым еще раз подчеркнуть: далеко не каждый преступник был отвергнут в детстве родителями, поэтому утверждение о наличии в каждом случае генетической связи между преступным поведением и психической депривацией лишено основания. Подобная депривация в семье, равно как и психологическое отчуждение индивида в целом, лишь одна из причин (но важнейшая!) преступного поведения в дальнейшем. И хотя, наверное, можно говорить, что преступность в целом — отчуждаемое явление в том смысле,

что отвергается обществом, видеть его корни только в отчуждении ребенка родителями неверно.

Таким образом, отчуждение родителями ребенка в качестве изначального криминогенного фактора, основного источника преступного поведения характерно для большинства преступников, но не для всех. Напомним, что отвергание ребенка может принимать скрытую форму, такое же криминогенное значение имеет безразличие родителей. Для ребенка, в конце концов, не имеет значения, любят ли они его в действительности, для него важнее всего чувствовать, воспринимать себя любимым, а значит, защищенным, нужным, уверенным в своем бытии. Криминогенное заражение личности может иметь место и при притии родителями ребенка, но когда они подают ему уроки безнравственности. Все это в целом, а именно эмоциональное отношение к ребенку, можно назвать **раннесемейным неблагополучием личности.**

2.3. Преступное поведение как реализация отчуждения

Проблема криминогенности психологического отчуждения ребенка в семье нуждается не только в общей оценке. Изучение влияния такого отчуждения на отдельные виды преступного поведения, определение его конкретных механизмов и общественно опасных последствий необходимы и для решения многих практических задач по профилактике преступлений, исправлению и перевоспитанию преступников.

Из предыдущих рассуждений можно сделать вывод, что, чем уже сфера состояний, в которых ребенок полностью и адекватно принимается матерью, тем больше его личность приобретает акцентуированные и ригидные черты, что позднее приводит к патологическим адаптациям типа психологических симптомов, психопатическим особенностям характера, различным формам антиобщественного поведения. Негативные последствия отсутствия отцов хорошо известны, однако дети без отцов, но с любящей и понимающей матерью обнаруживают меньше психологических проблем, чем дети, имеющие

доминирующую мать и пассивно-подчиненного отца. Как показывают проведенные нами исследования, именно доминирование, деспотия матери является существенной, а чаще непреодолимой преградой к установлению эмоционально теплых отношений между нею и ребенком. Это дает начало отчуждению, нередко скрытому, маскирующемуся опекой, а по существу — гиперопекой.

Отсутствие отца для ребенка четырех-пяти лет, как свидетельствуют некоторые авторы, имеет больший отрицательный эффект, чем для ребенка старшего возраста. Так, мальчики, лишившиеся отца в возрасте четырех-пяти лет, имеют слабую мужскую сексуально-ролевую ориентацию и больше сексуально-ролевых конфликтов, чем дети, имевшие отца или лишившиеся его в более позднем возрасте. Мы считаем возможным предположить, что мотивы некоторых убийств на бытовой почве находятся в сфере неадекватного представления о себе как о сексуальном партнере, бессознательного ощущения своей несостоятельности. Поэтому, на наш взгляд, многие так называемые убийства из ревности на самом деле вызываются реакцией мужчин на демонстрацию женщиной социальной и (или) сексуальной несостоятельности преступника. Поэтому он уничтожает в лице женщины источник психотравмирующих воздействий.

А., по мнению суда, совершил убийство своей сожительницы Г. из ревности при следующих обстоятельствах. Они жили вместе в рабочем общежитии, и во время очередного совместного распития спиртных напитков он ударом ножа убил ее после того, как она сказала, что у нее есть некто получше него. Эти слова потерпевшей чрезвычайно важны для объяснения происшедшего, но из них отнюдь не следует, что преступник действовал по мотивам ревности. Нужно учитывать другие обстоятельства. Как выяснилось в беседе с А., он и раньше прекрасно знал, что Г. изменяет ему, так как она ночами нередко уходила от него, стараясь делать это незаметно, к другим мужчинам, жившим в общежитии. Так что поводов для ревности у него и раньше было достаточно, он иногда в связи с этим скандалил, но не предпринимал решительных

действий. Когда же потерпевшая облекла свое отношение к нему в явную, в данном случае словесную, форму, сказав, что у нее есть некто получше, чем А., тем самым она нанесла ему глубокую психическую травму; по существу, негативная оценка его как биологического существа в мужской роли, конечно, несет угрозу его бытию, поскольку отрицает такую роль. Поэтому реакция его была мгновенной, он сразу же уничтожил источник психотравмы. Показательно, что А. рассказывал об этом довольно спокойно, не выказывая угрызений совести, что, впрочем, характерно для убийц. Дополним наш пример тем, что А., по его словам, воспитывала властная мать, к тому же не уделявшая своим двум детям особого внимания.

Эмоциональное отвергание родителями ребенка в детстве в решающей степени может предопределить его дальнейший жизненный путь, изоляцию, оторванность от среды. Особенно важно отметить, что оно порождает весьма тягостные воспоминания и ощущения, которые сублимируются, переносятся в сферу бессознательного, но могут быть настолько травматичными, что способны мотивировать насильственное преступное поведение. Его личностным смыслом выступает снятие психотравмирующих переживаний, связанных с детством, путем уничтожения объекта, который вызывает ассоциации с этим периодом жизни. Это символическая ликвидация своего детства, уход от него. Проиллюстрируем сказанное следующим примером.

Б., 30 лет, образование 8 классов. Осужден на 15 лет лишения свободы за покушение на изнасилование 12-летней девочки, за изнасилование девочки в возрасте одного года и за хулиганство. Как следует из приговора, явившись вместе со своим товарищем в дом знакомых последнего он попытался изнасиловать 12-летнюю девочку. Девочка оказала сопротивление и сбежала. В тот же день в том же доме он дважды изнасиловал девочку в возрасте одного года. Б. пояснил, что был пьян и очень хотел вступить в половую связь. После изнасилования вышел на улицу и напал на незнакомую женщину. Несколько раз ударил ее по голове, угрожал изнасилованием.

Ранее Б. судим за угон автомашины, вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность, грабеж, нанесение легких телесных повреждений и дважды за нарушение правил административного надзора.

Психиатрическая экспертиза констатировала у Б. возбудимую психопатию взрывчатого (взрывчатого) типа со склонностью к злоупотреблению алкоголем: у него были суицидальные попытки. Возбудимая психопатия указанного типа характеризуется аффективной несдержанностью, реакциями злобно-агрессивного плана, вслед за которыми наступают симптомы психической слабости (утомляемость, раздражительность, головные боли). Как показывает практика, среди возбудимых психопатов взрывчатого типа очень часто встречаются сексуальные перверсии (отклонения).

О детстве Б. известно следующее. Он постоянно убегал из дома, родителей не слушался, воровал вещи дома и в школе, учился плохо, дважды оставался на второй год. Б. рассказывает: «Родители часто ссорились. Мать била отца, а он ее не трогал. Мать меня никогда не ласкала, не играла со мной. Отец много пил. Однажды, когда мне было 14 лет, напившись, выгнал из дома. Меня часто били, не кормили, приходилось ходить к соседям и просить поесть. К младшему брату родители относились лучше. Ему покупали новые вещи, ласкали, рассказывали сказки, но мать тоже выгоняла его из дома. Отношения у нас с братом были хорошие...» Первой женщиной у него была В. Она любила выпить, курила, была старше его на 10 лет. Обследуемый женился на Р., которая была моложе его на два года, прожил с ней три года.

Зачем и почему совершил последние преступления, не знает, поскольку был пьян. По его словам, когда он пьян — возникают мысли «побить кого-нибудь». О совершенном преступлении Б. рассказывает довольно спокойно, тон эмоционально-бесстрастен, на деталях не останавливается, ссылаясь на опьянение. Раскаяние или самоупрек у него отсутствуют, он ни разу не высказал сожаления о содеянном. Показательны его слова: «Говорили, что девочка умерла, но она жива», — сказанные им лишь в контексте «снижения» своей вины.

Как мы видим, Б. был отчужден от семьи, дезадаптирован с детства. Особая неблагополучность семейной ситуации проявляется в том, что Б. был отвергнут и матерью, и отцом. Причем мать не только не выполняла материнских функций (не смотрела за сыном, не ласкала его и т.д.), но и демонстрировала выполнение больше мужских ролей (пила, била мужа). В связи с этим обоснованны предположения о нарушении сексуально-ролевой ориентации Б., что мешало ему впоследствии должным образом ориентироваться в отношениях с женщинами. Таким образом, следствием психической депривации в детстве стала для Б. его дезадаптация в сфере отношений с женщинами.

Нарушение сексуально-ролевой ориентации особенно четко проявилось при применении ТАТ. Относительно картинке № 6, которая обычно порождает рассказ о матери и сыне, так как на ней изображены пожилая женщина и молодой мужчина, Б. пояснил: «Здесь действуют муж с женой». В рассказе по картинке в качестве семейного и сексуального партнера у него выступает пожилая женщина, поэтому небезосновательна гипотеза, что в этой фигуре он бессознательно ощущает свою мать.

Очень важно отметить, что в рассказах по картинкам ТАТ у Б. немолодая женщина все время выступает в роли существенного препятствия в установлении весьма желаемых для него близких отношений мужчины с молодой женщиной, мешая и даже разрушая эти отношения. То, что Б. видит свою мать в качестве такого дезорганизирующего фактора, особенно отчетливо выступает в его рассказе по картинке № 18, в котором пожилую женщину он охарактеризовал так: «Старая, пьянствует, драчливая», т.е. почти полностью повторил характеристику своей матери. Это еще раз подтверждает враждебность в отношении к матери и бессознательное восприятие ее как источника собственной дезадаптации в межполовых отношениях.

Межполовые отношения имеют доминирующее значение в жизни Б. Он рассказал, что его «всегда тянуло ко взрослым женщинам 25—30 лет. Молодых я не любил, они мне не нравились, потому что наглые. За ними я не пытался

ухаживать. В детстве с девочками никогда не играл, даже с родственницами».

Б. отвергает своих сверстниц, но лишь вербально. На самом же деле он постоянно стремится к ним, и это в сексуальной сфере решающим образом направляет его поведение. Так, по 13 (из 20) картинкам ТАТ в его рассказах четко звучит тема молодой, красивой женщины. С ней он связывает свое личное счастье. Однако влечение к ней блокируется сексуальной дезориентацией, преградой выступает «пожилая женщина».

В аспекте сексуальной дезадаптации Б. следует отметить весьма важный факт: жена Р. была моложе его на два года. Однако совместная жизнь была неудачной из-за частых конфликтов, возникающих обычно, когда он находился в нетрезвом состоянии. Причем инициатором конфликта выступал он сам, во время ссор избивал супругу. Происходило это, на наш взгляд, по причине бессознательного ощущения мужской несостоятельности по отношению к жене как молодой и красивой (по его словам) женщине, восприятия ее как источника, демонстрирующего ему эту несостоятельность. В то же время он находится по отношению к ней, так сказать, в страдательной позиции как к недостижимому для него в психологическом плане идеалу. Данный вывод подтверждается, в частности, наличием на руке татуировки: «Ах, Р., крошечка моя».

Вместе с тем с В., которая была старше его на 10 лет, у него отношения внешне нормальные, бесконфликтные, но он не воспринимает ее как постоянного партнера и отказывается, несмотря на ее предложения, жениться на ней. Напомним, что В. довольно часто выпивала, в чем можно видеть ее сходство с матерью Б. и тем самым оценивать указанное обстоятельство в качестве препятствия к установлению с ней длительных отношений на прочной основе.

Таким образом, для Б. характерно амбивалентное отношение к молодым женщинам, занимающим ведущее место в его мироощущении. Это отноше-

ние словесного отвергания их, страха перед ними и в то же время тяготения к ним.

Б. — дезадаптированная личность, находящаяся в изоляции от среды и ее ценностей, которые не стали его ценностями, регуляторами личного поведения. Они постепенно воспринимаются им как «не его», чуждые ему, для него необязательные, а среда, общество — как враждебные. Отсюда постоянное антиобщественное поведение, совершение преступления в 16-летнем возрасте. В связи с этим обращает на себя внимание факт, что последние два раза он был судим за нарушение правил административного надзора, т. е. упорно игнорировал нормы, которые должны были регулировать его поведение после освобождения.

Отчуждение, а затем дезадаптация Б. — и социального, и психологического происхождения. Мы полагаем, что Б. вначале стремился к общению. Он рассказывал, что в детстве, когда его запирали дома с младшим братом, он выбивал стекло и с братом на руках уходил играть к ребятам. Как поясняют представители администрации ИТК, где он в первый раз отбывал наказание, Б. был человеком довольно общительным. Впоследствии дистанция между ним и средой увеличивалась. Можно сказать, что его отчуждение, начиная с раннего детства (отвергание родителями, побеги из дома, кражи, плохая учеба и т.д.), было нарастающим.

Другой отличительной чертой Б. является агрессивность. В этом убеждают не только преступления, за которые он был осужден в последний раз, но и все его поведение: он бил свою жену, угнал автомашину, совершил грабеж, нанес телесные повреждения.

С учетом сказанного попытаемся объяснить преступные действия Б., за которые он был осужден в последний раз. Их анализ может привести к выводу о том, что Б., предпринимая попытку изнасиловать 12-летнюю девочку, изнасиловав годовалого ребенка, лишь стремился к удовлетворению сексуальных потребностей. Тем более что об этом он сказал сам, и эти преступления были совершены им на пятый день после освобождения, а следовательно, после

длительного сексуального воздержания. Однако такой вывод является поверхностным, не основанным на глубоком анализе личности Б., его жизненного пути и ряда других существенных факторов.

Прежде всего, отметим, что сразу же после освобождения Б. выяснил, что жена Р. бросила его и куда-то уехала, оставив ребенка его матери. Следовательно, ему была нанесена психическая травма, поскольку «молодая и красивая» отвергла его.

На второй день после освобождения он встретился с В., которая ночевала у него подряд три ночи. Поэтому предположение, что Б. совершил преступные действия в силу острой сексуальной потребности, необоснованно; нужно искать другие, неситуативные, движущие начала его поведения, попытаться ответить на главный вопрос: каков личностный смысл его преступных действий, ради чего они совершены.

Обращает на себя внимание, что Б. вначале пытался изнасиловать 12-летнюю девочку, но эта попытка была довольно вялой в том смысле, что он не прилагал необходимых усилий, чтобы силой совершить с ней половой акт, и дал ей возможность скрыться. После этого он дважды изнасиловал годовалого ребенка, который, естественно, не мог оказать ему сопротивления.

На наш взгляд, с учетом личности Б., особенно факта отвергания его родителями, изнасилование ребенка есть действие, с помощью которого он, как можно предположить, хотел уничтожить объект своего преступного посягательства, поскольку не просто вступил с девочкой в половой контакт, причем дважды, но тем самым и нанес ей телесные повреждения. Важно отметить, что уже после первого контакта ей были нанесены тяжкие увечья и второй был осуществлен, несмотря на это, что можно расценивать как добивание жертвы.

Личностный смысл, мотив этого акта, как представляется, состоит в уничтожении бессознательных психотравмирующих переживаний собственного детства. Данный акт, по-видимому, носит характер символического самоубийства. В связи с этим следует вспомнить, что у Б. наблюдались попытки

суицида. Именно такой мотив мы устанавливали и во многих других случаях насильственных преступных посягательств в отношении детей, в том числе их убийств. Сексуальная форма уничтожения в разбираемом случае связана с тем, что именно сексуальные переживания, как мы пытались показать выше, составляют одну из важнейших особенностей внутреннего мира Б. и направляют его поведение.

Существенно, что он является возбудимым психопатом взрывного типа, а для этого типа характерны сексуальные перверсии. Наличие психопатии само по себе не указывает на мотив совершенного им преступления, хотя эта аномалия могла способствовать его преступным действиям, влиять на процесс мотивации. Любое расстройство психической деятельности относится к сфере медицины, мотив и мотивация — к сфере психологии, а психологическое явление не может быть объяснено с медицинских, в данном случае психиатрических, позиций. С помощью констатации названных расстройств невозможно раскрыть внутренние причины любого поведения. Иными словами, утверждение типа: «Он совершил это преступление, потому что психопат» — абсурдно, так как множество лиц с психическими отклонениями не допускают никаких предосудительных действий.

Поведение Б. в отношении 12-летней девочки и женщины, которая стала объектом хулиганских действий, есть проявление его спонтанной агрессивной установки к женщинам, о чем мы уже подробно сказали выше. То, что он фактически не предпринимал реальных усилий изнасиловать их, свидетельствует в пользу нашего предположения: им двигала не сексуальная потребность, личностным смыслом насилия над годовалым ребенком является уничтожение тяжелых переживаний собственного детства. Таким образом, истоки его преступного поведения следует искать в раннем детстве.

Мы уже отмечали выше, что не все преступники в детстве были отвергнуты родителями, но, тем не менее, их преступное поведение в той или иной степени связано с отвержением. Так, по всем изученным нами фактам изнасилований установлено, что преступники на ранних этапах своей жизни не имели

должных эмоциональных контактов в семье. Оказалось, что в 80—85% случаев у них были враждебные или неприязненные отношения с матерями либо последние были безразличны к ним. Как можно интерпретировать эти обстоятельства? По-видимому, подобные контакты с матерями формируют такое же, т.е. негативное, неуважительное, даже резко отрицательное отношение к женщине вообще, желание видеть в ней не личность, а только биологическую особь, годную лишь для удовлетворения физиологических нужд. Отсюда не только само изнасилование, но и издевательство, глумление над жертвой, унижение ее достоинства, нанесение телесных повреждений и даже убийство, что, казалось бы, не связано с конкретными обстоятельствами самого сексуального преступления.

Отсутствие должных эмоциональных контактов с матерью приводит к тому, что мальчик, а затем юноша не приобретает социальных и психологических навыков и умений общения с представительницами другого пола, начинает бояться и сторониться их, выражать враждебное к ним отношение. Постоянное фрустрирование, блокирование сексуальных влечений приводит к накоплению аффективных психотравмирующих переживаний. В обстановке, субъективно расцениваемой как подходящая, подобное напряжение может разрядиться насильственными сексуальными действиями, тем более вероятными, что иными путями такие люди не умеют устанавливать контакты с женщинами.

При изучении (совместно с В. П. Голубевым и Ю. Н. Кудряковым) случаев изнасилования мы обратили внимание на весьма опасную категорию насильников — лиц, внезапно нападающих на незнакомых женщин, старающихся силой преодолеть их сопротивление, для чего наносящих им сильные удары, душащих их и т.д. Поведение таких лиц можно сравнить с действиями охотника, поджидающего или выслеживающего добычу. Большинство таких преступников положительно характеризуются на работе и в быту, хорошо относятся к своей семье, но в отношении других женщин испытывают отрица-

тельные эмоции, говорят о них пренебрежительно, считают их безнравственными.

Исследование показало, что подобные насильники занимают по отношению к женщине подчиненную, пассивную позицию, женщина доминирует над мужчиной и направляет его. Как правило, у них нарушена аутоидентификация с мужской ролью при мощном напряжении сексуальной потребности, фиксации на половых отношениях, сводящихся лишь к половым актам вне нравственно-психологической близости. Установлено также, что подобные лица имели в детстве властную, доминирующую мать и безвольного, подчиненного отца. Создавая собственную семью, они психологически воссоздавали свою раннесемейную ситуацию, образно говоря, занимали место отца и выбирали в качестве жены женщину, похожую по психологическим чертам и поведению на мать. Иными словами, «охотники» эмоционально прочно слиты с матерью, испытывая потребность постоянно воссоздавать психологические контакты с ней, т.е. у них как бы не произошло психологического рождения в качестве самостоятельной личности.

«Охотники» зависимы не только от матери и жены, но и от женщин вообще, так как отношения с ними строятся на материнско-детской базе. Разумеется, все эти психологические установки и контакты в подавляющем большинстве случаев полностью бессознательны, в том числе та особенность, что такие мужчины фактически не воспринимают себя в автономной мужской роли. Поэтому в качестве мотива изнасилования у данной категории преступников выступает стремление к преодолению преимущественно психологического доминирования женщин вообще, а не конкретных лиц. Психологическая задача, которая решается в акте внезапного сексуального насилия, — это попытка резко идентифицироваться с мужской половой ролью, доминировать, обрести личностно-эмоциональную автономию, самостоятельную адаптацию, осуществить свое психологическое «рождение» за счет уничтожения зависимости от женщин, которые по отношению к нему (с его позиции) осуществляют материнскую функцию. Однако это не более чем попытка, по-

сколькx сохраняющаяся патологическая психологическая структура препятствует действительной автономии личности. Именно по этой причине неожиданные и яростные нападения на женщин носят серийный характер, иногда преступник совершает такие действия несколько десятков раз. Иначе говоря, даже в тех случаях, когда он действует внешне «успешно», психологического удовлетворения, тем не менее, не наступает, доминирующую позицию в отношениях с женщинами он занять не в состоянии. Поэтому «охотник» может вновь решиться на подобный поступок.

Думается, что попытка избавиться от психологического диктата женщины, «навязанного» в детстве матерью, лежит в основе большинства изнасилований женщин старческого возраста. Во всяком случае, изученные нами подобные факты говорят именно об этом.

Попытаемся объяснить совершение некоторых **имущественных преступлений**, прежде всего краж, в связи с **раннесемейными условиями формирования личности** будущих правонарушителей.

Установление причин имущественных преступлений (краж, хищений, взяточничества, спекуляции т.д.) на первый взгляд не представляет особой сложности: они совершаются ради удовлетворения материальных потребностей, для приобретения одежды, продуктов питания, спиртных напитков, ведения образа жизни, связанного со свободной тратой денег, и т.п. Однако при таком подходе остаются неясными субъективные причины выбора именно преступного поведения в качестве способа решения важных проблем. Непонятно также, почему человек совершает преступление, если он не испытывает материальной нужды. Поэтому, чтобы вскрыть подлинные личностные причины совершения названных преступлений, необходимо обратиться к анализу жизненного пути преступников, условий их социализации, особенно в детстве.

Такой анализ, не затрагивая вопроса о выборе уголовно наказуемого способа приобретения материальных благ, необходимо связать с тем, что в психологическом плане «выигрывает» личность, приобретая материальные блага.

Можно предположить, что обладание ими придает человеку уверенность, снижает беспокойство по поводу своей социальной определенности, устраняет (часто лишь временно) чувство зависти; он способен испытывать удовольствие и удовлетворение, особенно если с помощью похищенного может приобрести престижные вещи, изменить свой образ жизни, войти в состав эталонной группы, завоевать внимание интересующих его лиц.

Есть основание выдвинуть гипотезу о том, что и корыстные мотивы связаны с психической депривацией в детстве, а именно дефицит эмоционального общения, в первую очередь с матерью, а затем с отцом, отвергание ими ребенка, невключение его в стойкие эмоциональные контакты формируют общую неуверенность индивида в жизни, неопределенность его социальных статусов, тревожные ожидания негативного воздействия среды. Эти особенности закрепляются в нем и оказывают существенное влияние на его поведение.

Можно предположить, что совершение имущественных преступлений является своеобразной компенсацией эмоционального дефицита, психологического отчуждения в детстве, поскольку такие преступления предоставляют субъекту материальные средства для того, чтобы прочнее и увереннее ощутить свое место в жизни и тем самым преодолеть состояние неуверенности и неудовлетворенности, порожденное указанными неблагоприятными условиями.

Однако, как и в других подобных случаях, отчуждение в детстве не может напрямую приводить к совершению корыстных преступлений, равно как не может и выступать их непосредственным мотивом. Между неблагоприятным детством и преступным поведением лежит жизненный опыт индивида. К тому же высказанные предположения еще не полностью раскрывают причины того, почему общая неуверенность преодолевается именно с помощью совершения краж или других имущественных преступлений. Видимо, здесь необходимо иметь в виду другие обстоятельства.

Криминологические исследования показывают, что в очень редких случаях родители непосредственно втягивают детей в преступную деятельность, советуют им совершать преступления и т.д. Их негативное влияние обычно проявляется в том, что они подают пример отрицательного отношения к законам и моральным запретам, ведут антиобщественный образ жизни, совершая правонарушения. Все это не остается секретом для ребенка. Однако очень часто родители будущего правонарушителя вообще не совершают аморальных действий. Напротив, они предпринимают необходимые усилия для нравственного воспитания своих детей или как минимум пытаются добиться внешне нравственно послушного (законопослушного) поведения. Но усилия их обычно не достигают цели потому, что они исходят от лиц, с которыми у ребенка отсутствуют или существенно ослаблены эмоциональные контакты. Иначе говоря, он слушает их, но не слышит, так как не воспринимает именно от них нравственные нормы и стандарты.

Здесь уместна аналогия с воспитанием и обучением в школе: если учитель вызывает негативные чувства, ученик остается глух к его нравственным поучениям и даже будет плохо усваивать преподаваемый им материал.

Зачастую ребенок видит у других детей, в магазине или иных местах вещи, которыми ему хотелось бы обладать, но по той или иной причине этого сделать нельзя, поэтому у него может появиться чувство зависти. Закрепление такого чувства при отсутствии надлежащего нравственного воспитания способно спровоцировать в последующем желание совершать кражи и другие имущественные преступления. Иными словами, содержанием корыстной мотивации в данном случае является стремление иметь в своем распоряжении вещи, приносящие удовольствие или удовлетворение. На основании сказанного, казалось бы, можно сделать вывод, что все (или большинство) те, кто вырос в необеспеченных или малообеспеченных семьях, должны совершать корыстные преступления. Однако это совсем не так. Нам представляется, что если ребенок переживает по поводу отсутствия у него понравившейся, престижной для него вещи, то соответствующее поведение матери или отца по

данному поводу может компенсировать негативные переживания и снять их. Если родители не предпримут необходимых действий, возникшее чувство зависти может сохраниться и приобрести криминогенную окраску, переплетаясь с ощущениями неуверенности и беспокойства.

Зависть может быть нейтрализована в процессе школьного воспитания. Однако нейтрализация может запоздать, если чувство зависти и сопутствующие ему переживания стабилизируются в психике. Отсутствие необходимых психологических контактов в семье чаще всего компенсируется в малых неформальных группах. Если последние придерживаются антиобщественных ориентаций, то при стремлении к членству в них их ценности и нормы сравнительно быстро и «легко» аккумулируются личностью. Чем слабее связи несовершеннолетнего с семьей, тем прочнее они с неформальным окружением вне семьи, которое может оказывать негативное влияние на подростка, стимулировать его антиобщественное поведение. Явно недостаточны у них контакты со школой, другими учреждениями и группами, которые могли бы оказать благотворное воздействие. Так, исследования криминолога С. А. Тарарухина показывают, что правонарушения совершаются тогда, когда утрачивается психологический контакт со взрослыми наставниками и воспитателями. Среди несовершеннолетних правонарушителей высказали положительное отношение к отцам только 30%; к матерям — 42%. Они, как правило, не могут точно сказать, где и кем работают их родители, не могут вспомнить их привычки, любимые книги, интересы и т.д. Также 60% опрошенных ответили, что любимых учителей у них не было; 12% заявили, что любимые учителя у них были (но их ответы носили общий характер); остальные от ответа уклонились.

Отмечая попадание индивида в психологическую зависимость от группы, нужно остановиться на таком важном обстоятельстве. Психологическое изучение лиц, виновных в совершении краж, показывает, что причиной включения их в антиобщественные группы во многом послужило либо отсутствие отцов, либо отсутствие доверительных, близких отношений с ними. Иными

словами, взрослый мужчина, призванный сыграть роль отца, не выполнял этой роли, необходимой для всесторонней социализации личности мальчика или подростка. Между тем, как уже отмечалось выше, роль отца в воспитании ребенка трудно переоценить.

Образующийся эмоциональный вакуум из-за депривации в семье заполняется отношениями не просто в неформальной группе сверстников, а в группе, в которой участвуют лица старших возрастов. Поскольку потребность в идентификации с группой велика, ее нормы и стандарты активно усваиваются и начинают стимулировать противоправное поведение. Можно сказать, что в такой группе человек пытается получить то, что недополучил от отца. Поэтому, как показывают клинические исследования многих преступников, в юности они тяготели к группам, в которых доминировали лица старших возрастов, демонстрирующие физическую силу, ловкость, уверенность, сообразительность, умение преодолевать трудности и т.д. С ними подростки начинают совершать вначале мелкие, а затем все более опасные правонарушения. Не исключено, что в такой группе они видят «коллективного» отца.

Для иллюстрации приведем следующий пример.

М., 25 лет, образование 10 классов, холост. Родился в семье служащих. В первый раз совместно с другими лицами совершил ряд квартирных краж, за что был осужден на четыре года лишения свободы. После освобождения вновь совершил несколько краж из квартир.

М. весьма положительно характеризует своих родителей (он был единственным ребенком), отмечает их заботливое отношение к себе, достаточно доверительные контакты с ними, особенно с матерью. Обучаясь в радиомонтажном училище, М. познакомился с группой молодых людей, которые «весело» проводили время, посещали рестораны, дискотеки, хорошо одевались, при этом располагая свободными деньгами. Как он выяснил впоследствии, они занимались спекуляцией и совершали квартирные кражи. Общение с ними было для М. лестным. Он стремился к постоянному членству в группе, поэтому они постепенно втянули его в занятия спекуляцией, а затем и в совер-

шение краж из квартир. По первому впечатлению причиной преступного поведения М. является антиобщественное влияние названной группы. Однако такое объяснение совершенно недостаточно и неполно, не раскрывает субъективных причин уголовно наказуемых действий М., их личностного смысла. Как показало психологическое изучение, положительная оценка М. его отношений с родителями не соответствовала действительности. Он, как и многие люди, оказался неспособным вскрыть те реальные связи, которые существовали между ним и родителями, сосредоточивая внимание на внешних обстоятельствах, в первую очередь на том, что родители постоянно контролировали его жизнь и поведение, особенно учебу. Высказывания самого М., которым он не придавал значения, говорят о том, что необходимых психологических контактов у него с родителями не было, т.е. его отвергание родителями носило скрытый характер. Так, о матери он сказал, что хотя она его физически не наказывала, но была категорична, резка, постоянно пыталась в чем-либо разоблачить. В этом нельзя не видеть жесткий, психотравмирующий контроль со стороны матери. Неудивительно, что на самом деле он не доверял ей: «Я обманывал ее, чтобы скрыть плохое. Я подхалтуривал в оркестрах, занимался мелкой спекуляцией, чтобы выглядеть лучше, хорошо одеваться». С отцом отношения были ещё менее доверительны.

Особенно красноречиво рисуют отношения М. с родителями его рассказы по методике ТАТ. Например, по картинке № 6 он пояснил: «Сын и мать, мне бы так хотелось. У них был серьезный разговор. Он собирается уходить и сказал ей об этом. Она поражена, что останется одна. Я бы назвал эту картину «Сын уходит». Он уйдет медленно, не может не уйти, такие у него обстоятельства. Очень грустная картина, впечатляющая». Как мы видим, здесь отчетливо видна проекция на его отношения с матерью.

Однако дефицит эмоциональных отношений с матерью не восполняется контактами с отцом. В рассказе по картинке № 7 М. пояснил: «Отец с сыном. Сын похож на предыдущего. Они в очень хороших отношениях. Отец снисходительно смотрит на своего отпрыска. Сын ему что-то доверил. Отец ана-

лизирует рассказ сына, а сын ждет. Эту картину можно соединить с предыдущей. Отец посоветует сыну поступать так, как тому велит трезвый разум». Таким образом, М. не находит удовлетворения и в отношениях с отцом, поддержки у него. Отец не дает никаких советов сыну, не помогает ему, а лишь призывает поступать так, «как велит трезвый разум», следовательно, переносит тяжесть жизненных решений с себя на сына. Характерно, что рассказы по картинкам № 6 и 7 — это, в сущности, единый рассказ об одной и той же семье, т. е. проекция на собственную родительскую семью. В ней отношения строятся по схеме: уход от матери — обращение к помощи отца — его отказ. Психологическое отчуждение М. в детстве от родителей во многом обуславливает его слабую включенность в межличностные отношения, тревожность, сверхобостренную чувствительность к внешним воздействиям, постоянные ожидания угрозы. Связанные с этим переживания порождают множество конфликтов с окружающими. Так, о М. известно, что его несколько раз жестоко избивали другие преступники.

Тестирование М. с помощью ММИЛ показало следующее. Чрезвычайно чувствителен ко всему, что имеет к нему отношение, особенно в сфере межличностных контактов. Обидчив, подозрителен. Считает, что против него постоянно что-то замышляют. Обнаруживает упорство в отстаивании своего мнения, его трудно переубедить. Агрессия направлена на окружение, которое он считает недоброжелательным по отношению к себе. Черты импульсивности проявляются во внезапных, необдуманных поступках. Характеризуется низким интеллектуальным контролем поведения, плохо разбирается в социальных нормах и требованиях. Испытывает сильное внутреннее психологическое напряжение, дискомфорт, тревожность, нарушение адаптации. При оценке окружения обнаруживает «свою логику», интерпретирует все в рамках имеющихся у него аффективных установок, которые не соответствуют реальности, преувеличены. Считает, что окружающие оценивают его недостаточно объективно, всячески ущемляют его права, стремятся его унижить.

Жесткий контроль над М. в детстве при отсутствии эмоциональных контактов с родителями привел к потере контакта с ними. М. дезадаптирован и в сфере межполовых отношений. Хотя любовь к женщине считает наивысшей ценностью, устойчивых связей с женщинами никогда не имел. Касаясь этой темы, М. в беседе пояснил, что наконец-то встретил женщину, отвечающую его желаниям во всех отношениях. Она — его идеал, он будет с ней до конца жизни. Однако выяснилось, что он ее видел только на фотокарточке, переписывается с ней, поскольку она тоже отбывает уголовное наказание. На наш вопрос, не разочаруется ли он в ней при встрече, М. после некоторого замешательства ответил, что это вполне возможно.

Отношения М. в группе соучастников носят в целом подчиненный, пассивный характер, что в значительной степени определяется его общей дезадаптацией, при которой ограничены возможности выбора. Группа является для него эталонной, поэтому он довольно легко подпадает под ее влияние, быстро усваивает ее ценности и стандарты, совершает в ее составе преступления. Влияние группы является для него устойчивым, поскольку М. дорожит членством в ней.

Таким образом, совершение М. первых краж мотивируется потребностью преодоления своего социального и психологического отчуждения, желанием обрести членство в группе. Затем все более четко начинают проявляться мотивы корысти, и кражи становятся главным источником получения средств к существованию.

Криминологическо-психологические исследования показывают, что отчуждение в детстве от родителей относительно редко компенсируется другими факторами или благоприятными жизненными ситуациями. В подтверждение этого приведем следующий пример.

Д., 30 лет, образование среднее техническое. Родители расстались, когда ему было около трех лет. Отца не помнит. Со слов матери знает, что тот спился, лишен отцовства, отбывал уголовное наказание. Жив он сейчас или нет, не знает. Никогда не пытался его найти и чувствует, что повторил его судьбу.

Мать относилась к Д. хорошо, и, хотя она была властной, с характером, он ее не боялся. «Мать отбила у меня в детстве самостоятельность своей строгостью, и я думал, что к своему ребенку не буду так строг».

Семьей руководил отчим, но с ним Д. не мог общаться, так как тот был строгим и замкнутым, иногда физически наказывал пасынка. Отчим считал, раз у него нет своих детей, то Д. и его сестра должны стать такими, чтобы его никто не мог ни в чем упрекнуть, а поэтому «требовал от нас хорошую учебу. Я его в детстве очень не любил, потом мне его стало жалко, так как все его попытки были безуспешными. Можно было всего достичь добротой. Он и сестру замучил». В последние годы, считает Д., он чувствовал, что мать как бы упрекает себя.

Д. учился в техникуме, служил в армии. После армии поступил в институт на заочное отделение, работал, оклад составлял 11 тыс. руб. Так как в связи с женитьбой денег не хватало, подрабатывал в магазине, на фабрике. Жена не работала после рождения ребенка. Он не мог удовлетворить ее запросы в вещах, она была недовольна им, хотя вначале и не упрекала. Пошел на мыловаренный завод рабочим, стал получать больше, но стал чаще выпивать из-за углубления конфликтов с женой, которая постоянно была недовольна материальным положением.

В 2003 г. украл в такси деньги и был задержан на месте. Жена узнала, что он совершил кражу, однако тогда от него не ушла. Но все-таки потом из-за постоянной нехватки денег она уехала к матери в Рязань. В этот период он уже «здорово пил». Еще когда жили вместе, Д. подозревал, что она ему изменяет, поэтому пил, чтобы отомстить за ее «гулянки». Решил ей тоже изменять. Жена, со слов Д., с характером, как и его мать.

Трижды ездил в Рязань, но она не соглашалась вернуться. Стал пить систематически. «Пить — выход из положения, чтобы ни о чем не думать. Я мучился около года оттого, что она меня бросила. Даже попал в психиатрическую больницу с диагнозом «депрессия». Стал часто менять место работы, совершал мелкие кражи, в основном из магазинов. Однажды в столовой украл

портфель-дипломат, и меня задержали на месте». Был осужден на четыре года лишения свободы.

После освобождения вернулся в Москву. Не мог устроиться на работу в течение двух месяцев. Пил не очень много, не воровал, продавал свои книги. Потом совершил кражу портфеля и был задержан. Осужден на четыре года лишения свободы. У Д. диагноз: алкоголизм второй стадии.

Д. — отчужденная, дезадаптивная личность. Основы дезадаптации заложены в детстве путем эмоционального отчуждения от родителей. Они были ориентированы на внешний успех, которого пытались достичь с помощью запретов и строгости в ущерб внутренним контактам между членами семьи. Этим объясняется, что Д. в первую очередь с помощью строгих мер пытались заставить хорошо учиться. Семье нужно было в основном внешнее подчинение, а не подлинная близость.

Необходимо подчеркнуть, что у Д. не было близких эмоциональных контактов с матерью на ранних этапах жизни, что положило начало дезадаптации. По его рассказам видно, что он чувствует ее вину перед собой. Он говорит об этом прямо: «Мать отбила у меня самостоятельность в детстве своей строгостью, и я думал, что к своему ребенку не буду так строг» — и косвенно: «В последнее время я чувствовал, что мать как бы упрекает себя». Однако Д. ощущает сильную психологическую зависимость от матери и ее решающую роль в его жизни, что достаточно четко проявилось при его обследовании с помощью ТАТ. В целом у него сохранились тягостные воспоминания о детстве, неудовлетворенность им.

Отчим усугубил его отчуждение. Д. боялся его, в том числе физических расправ, и даже убегал из дома. Такие отношения с отчимом помешали формированию «мужских» черт в характере Д., во многом предопределив его слабости, инертность, подчиняемость обстоятельствам, желание «плыть по течению», столь характерные для преступников асоциального типа. Мать не стала для него основным адаптирующим фактором. Логично, что эту роль могла бы сыграть другая женщина, поскольку его социализация, хотя и не-

удовлетворительная, главным образом шла все-таки через мать. Однако жена, на которую он бессознательно возложил эту функцию, достаточно быстро отказалась от него. Следует заметить, что до этого он совершил кражу денег в такси, чтобы обеспечить материальные потребности жены, что еще раз подтверждает его психологическую зависимость от нее.

Жена ушла от Д., не поддаваясь уговорам. Он бессознательно ощущал свою зависимость от жены и предвидел «бедствия», которые его ждут в случае окончательного разрыва с ней. Поэтому он трижды ездил к ней в Рязань, но ничего добиться не мог.

Дезадаптация (и деградация) Д. обострилась тогда, когда он оказался несостоятельным в обеспечении запросов жены. Именно в данный период и по этой причине он начал выпивать и совершил новую кражу. Окончательный, после длительных конфликтов, уход жены углубил его отчужденность, он стал постоянно пить, часто менял место работы, подолгу не работал, продавал из дома вещи, совершал кражи. Употребление алкоголя снимало состояние тревоги, но в то же время активно способствовало его десоциализации. Уход жены был для Д. настолько травмирующим, что он заболел депрессией. Отметим и такую важную деталь, характеризующую его общую дезадаптацию и свидетельствующую о стремлении к пассивному уходу из психотравмирующей ситуации: у него были веские основания подозревать жену в неверности, однако он отреагировал лишь тем, что стал сам ей изменять и еще больше выпивать.

Нельзя не видеть сходство в характерах матери и жены Д., равно как сходство судеб Д. и его отца, что отмечает и сам Д. Можно предположить, что мать Д. сыграла в жизни отца примерно ту же роль, что сыграла жена в его жизни.

Мотивы краж, совершенных Д., не носят, так сказать, чисто корыстного характера. Мотивом, личностным смыслом преступлений лиц алкогольно-дезадаптивного типа является сохранение определенного асоциального образа жизни. По-видимому, их можно назвать дезадаптивными мотивами. Воз-

возможность рецидива преступлений у таких лиц в силу дезадаптации и алкоголизации чрезвычайно велика, тем более что они обычно слабо опираются на прошлый опыт и не извлекают из него урок.

Д. — подавленный, с постоянно сниженным настроением человек. Для него характерны общая пессимистическая оценка жизни при одновременно декларируемом желании построить ее заново. Ему не хватает решимости и воли, он не уверен в себе, что является в значительной мере следствием воспитания в семье. Не случайно у него вызывают антипатию сильные, довольные собой, уверенные в себе люди, умеющие за себя постоять, т.е. именно те, которые демонстрируют черты, которых у него нет. Это тоже может способствовать рецидиву преступлений.

В приведенных примерах имело место отчуждение от родителей в детстве. Отсутствие необходимых воспитательных мероприятий и воздействие при этом различных криминогенных факторов приводят к преступному поведению, развивающемуся на фоне утраты контактов с позитивной средой и значительного ослабления ее контроля. В этих жизненных ситуациях совершение краж является способом поддержания определенного образа жизни, что наиболее ярко выступает в тех случаях, когда алкоголизация играет роль мощного мотивирующего фактора при общей дезадаптации. Преступная деятельность М. начинается под влиянием мотивов приспособления к группе, обеспечения необходимого ему образа жизни, преодоления своей изолированности. В дальнейшем совершение квартирных краж в одиночку приобретает, так сказать, более корыстный характер, и корыстные мотивы начинают играть доминирующую роль.

Таким образом, мы выдвигаем гипотезу, что эмоциональное отвержение в детстве ребенка родителями формирует у него состояние неуверенности, тревожности, беспокойства по поводу своей социальной определенности. Подобные особенности становятся фундаментальными структурами личности. Однако эти структуры неоднородны: по-видимому, если попытаться ранжировать их, высшей точкой будут **страх и ожидание агрессии среды**,

низшей — **неуверенность** и **беспокойство**. Страх и ожидание агрессии способны породить насильственное преступное поведение, неуверенность и беспокойство — совершение корыстных преступлений в попытке обрести определенность и положительные эмоции, даваемые материальными благами.

Между названными крайними точками могут существовать иные образования. Можно предположить, что снижение страха до уровня только неуверенности и беспокойства способно, при общей антиобщественной направленности личности, трансформировать насильственное преступное поведение в корыстное, а повышение неуверенности и беспокойства — наоборот. Возможно, в этом заключена одна из главных причин изменения конкретных форм противоправного поведения индивида. Не исключено и совпадение этих явлений, в чем можно усмотреть причину, например, совершения краж и нанесения тяжких телесных повреждений или убийства одним и тем же лицом.

В настоящее время трудно дать более или менее полный ответ на вопрос о том, почему отвергание, отчуждение ребенка родителями в детстве у одних приводит в дальнейшем к формированию страха, а у других — только состояния неуверенности и беспокойства. Можно предположить наличие нескольких причин: 1) врожденные особенности нервно-психической конституции, определяющие различные типы реакций на отчуждение; 2) характер и степень отчуждения от родителей; 3) усвоение в детстве, а также в юношеском возрасте конкретных форм антиобщественного поведения — насильственного или корыстного как в семье, так и в иных малых группах; 4) состояние психики данного человека, ее нарушения. Разумеется, отчуждение в детстве, как и вся неблагоприятная раннесемейная ситуация личности, может и не иметь негативных последствий, если будут предприняты специальные воспитательные меры.

2.4. Образ жизни преступников

Неблагоприятные раннесемейные ситуации, отчуждение от родителей, вхождение в антиобщественные группы таких же отчужденных сверстников, неуспехи в учебе и работе постепенно формируют дезадаптивный, неприспособленный образ жизни правонарушителей. Он характеризуется эмоциональной отгороженностью, значительным ослаблением нормальных связей и отношений, во многих случаях выключенностью из них, совершением аморальных и противоправных поступков в целях обеспечения такого существования, постоянным пьянством, общением преимущественно с другими правонарушителями, неприятием общественных ценностей, в целом неприспособленностью к социальным институтам и нормам. Происходит деградация личности, она становится все менее способной к выполнению различных трудовых, гражданских и иных обязанностей. Такой образ жизни на долгие годы становится привычной формой жизнедеятельности, некоторые не расстаются с ним никогда.

Разумеется, подобное существование нехарактерно, например, для многих расхитителей, взяточников, некоторых убийц, но и среди них можно найти отдельные существенные элементы дезадаптации: слабость позитивных контактов, систематическое пьянство, отвергание общесоциальных ценностей. Наиболее дезадаптивный образ жизни, как уже отмечалось выше, ведут бродяги и лица, многократно судимые за кражи, грабежи и разбои. Из числа последних немало особо опасных рецидивистов, а также тех, кто признается «ворами в законе». Между этими крайними группами находится значительная часть правонарушителей, чья дезадаптация носит временный или частичный характер, немалая часть из них впредь вообще может воздержаться от нарушений закона.

Не только дезадаптивный образ жизни правонарушителей влияет на преступное поведение, но и преступное поведение содействует такому образу жизни. Уклонение от работы, невыполнение других важных гражданских обязанностей могут быть следствием преступного поведения, особенно если оно про-

должается длительное время. Не случайно длительное антисоциальное существование более типично для рецидивистов, чем для впервые совершивших преступление.

Известно немало случаев, когда совершение преступления данным человеком может быть неожиданным для окружающих, поскольку ему не предшествует противоправное или аморальное поведение, во всяком случае, в очевидной форме. Поэтому такие преступления часто (и, на наш взгляд, ошибочно) расцениваются как случайные. В то же время антиобщественный образ жизни всегда проявляется в систематическом совершении правонарушений или аморальных поступков, которые обычно становятся известны значительному кругу людей и выявление которых, как правило, не представляет особой сложности. Отдельные действия перерастают в антиобщественный образ жизни постепенно. Преступные же действия являются его наиболее опасной формой.

Но всегда ли дезадаптивный образ жизни предшествует преступлению, все ли преступники ранее вели себя предосудительно? Отнюдь нет, но их преступные действия внутренне закономерны и в силу прожитой жизни из-за отчуждения в детстве, закрепленной в психике отгороженности от окружающей среды субъективно целесообразны. Практически никакая ситуация однозначно не диктует субъекту совершить убийство или кражу, она всегда содержит возможность и иного варианта поведения. Однако если субъект выбирает, пусть часто и бессознательно, преступный путь решения жизненной задачи, происходит это в силу того, что он именно такой, а не какой-нибудь другой. Поэтому рассуждение типа: «Он мог и не красть» — недостаточно корректно, если иметь в виду не ситуацию, а самого человека. Но повторяем, в большинстве случаев совершению преступлений предшествует то, что мы обозначили понятием **дезадаптивный образ жизни**.

Нередко бывает и так, что лицо, «внезапно» совершившее преступление, а до этого асоциально никак себя не проявлявшее, с этого момента как бы срыва-

ется. Начинается длительное антиобщественное существование, содержащее условия для последующих преступлений.

Вопросы адаптации и дезадаптации всегда необходимо рассматривать с точки зрения того, в отношении чего человек адаптирован или дезадаптирован. Так, некоторые взяточники и расхитители адаптированы в семье или группе друзей, но занимают негативную позицию к тем закрепленным в соответствующих правовых нормах общественным ценностям, на которые они посягают преступными действиями. Многие преступники-рецидивисты давно привыкли к условиям лишения свободы. Поэтому угроза лишения свободы их отнюдь не пугает.

Наши эмпирические исследования показали, что у отчужденных личностей мало субъективных возможностей для успешной адаптации к обществу. У них по сравнению с другими категориями правонарушителей, особенно с законопослушными гражданами, ниже уровень образования и трудовой квалификации, среди них меньше лиц, имеющих семью. Они хуже других работают, часто меняют место работы, а нередко и место жительства, не имеют прочных контактов в семье, дружеских группах, трудовых коллективах.

Характер совершаемых преступлений говорит об их значительной социальной изоляции. Прежде всего, это систематическое занятие бродяжничеством, что само по себе представляет дезадаптивное существование. Они часто совершают сексуальные преступления, особенно по отношению к детям и подросткам, что свидетельствует об их дезадаптации в сфере половых отношений. В местах лишения свободы они отчуждены от других преступников. Подобная социальная изоляция, во многих случаях оставаясь неизменной в течение всей жизни субъекта, приводит по существу к полному разрушению личности.

Совершение краж и хищений также говорит о неприспособленности, социальной изоляции человека. Приведем простейший пример. Нуждаясь в деньгах, субъект совершает кражу (или хищение), хотя, казалось бы, мог взять их займы. Но это невозможно, поскольку друзей нет, а с родственниками связи

утрачены; в иных случаях товарищи или родственники отказывают в помощи, нередко по причине опять-таки слабости социальных связей.

О том же может свидетельствовать убийство, например убийство жены или сожительницы в том случае, если она намеревается покинуть мужчину, для которого является главным связующим звеном с окружающим миром, той основой, на которой строится его адаптация. В данном случае утрата женщины воспринимается чрезвычайно травмирующе, и с помощью убийства уничтожается «виновница» мощного эмоционального удара.

Мы акцентируем внимание на **слабости социальных связей преступников как типичном проявлении отчужденного образа жизни** по той причине, что такое явление получает, к сожалению, все большее распространение в наши дни. Оно может быть отнесено к числу факторов, порождающих тревожность людей, их неуверенность в своем социальном положении и жизненных перспективах. Естественно, что слабые социальные связи (особенно в условиях урбанизации) ослабляют социальный контроль, прежде всего за поведением правонарушителей.

Образ жизни многих правонарушителей характеризуется постоянным желанием куда-либо уехать, переменить место жительства и место работы. Во-первых, в этом можно усмотреть стремление выйти из трудной или конфликтной ситуации, причем конфликтность может ощущаться субъективно и не иметь места в реальной жизни. Такое стремление мы наблюдали у всех категорий дезадаптивных преступников (убийц, бродяг, воров, расхитителей государственного имущества и т.д.). Как правило, оно носит бессознательный характер, и не случайно большинство не в состоянии объяснить, почему они часто меняют место работы и переезжают из одного населенного пункта в другой. Во-вторых, «уход» может представлять собой попытку избежать идентификации, членства в группе, например в семье или трудовом коллективе, что характерно для лиц, систематически ведущих бездомное существование.

Мы полагаем, что тенденция «ухода» берет начало в психической депривации ребенка в семье. Его отвергание родителями, особенно явное и в жестокой форме, унижение человеческого достоинства либо опека, ведущая к эмоциональным барьерам между ним и родителями, и т.д. становятся психологически невыносимыми и постоянно травмирующими. По мере взросления и приобретения самостоятельности подросток получает возможность уйти от подобных условий жизни, избежать придирок, упреков, безразличия, а во многих случаях — побоев и издевательств. Эта возможность реализуется путем все более активного участия в неформальных группах сверстников или (и) побегов из дома. В группах он надеется получить признание и эмоциональное тепло, но не всегда встречает понимание. Со временем стремление уйти закрепляется в личности как устойчивая поведенческая тенденция, которая начинает мотивировать его образ жизни.

А., 30 лет, был судим за сбыт похищенного и кражу. Его воспитывали суровая, деспотичная мать и слабовольный, с истероидными чертами отец. Мать была несправедлива к нему, не прощала его проступков. Он не помнит, чтобы она его ласкала. «Близких, теплых отношений с ней у меня не было. Больше смотрела за мной старшая сестра. Что касается старшего брата, то он очень сильно бил меня». В детстве А. убегал из дома, тяготел к группам, в которых были старшие ребята, а после службы в армии стал постоянно разъезжать по стране. «Я много ездил, иногда сам не понимал, зачем приехал в тот или иной город. Больше всего люблю быть один». Как мы видим, неблагополучное детство, негативные отношения в родительской семье предопределили его стойкое стремление к «уходу» от нее и к скитанию по стране. Нигде он долго не задерживался.

Рассказы других дезадаптивных личностей по поводу постоянной тенденции «ухода» и перемены места проживания практически не отличаются от того, что пояснил А. Такую тенденцию мы обнаружили как среди насильственных, так и среди корыстных преступников, не говоря уже о бродягах.

Причинами постоянных странствий являются и неприязненная, враждебная позиция по отношению к другим людям, стремление уйти от постоянного общения с ними. Это во многом объясняет и совершение насильственных преступлений.

Любопытны в этом плане «откровения» некоего К., осужденного за изнасилование и нанесение тяжких телесных повреждений с особой жестокостью: «Я не люблю людей, мне они не нравятся. Человек — подлое существо, приносящее другим горе, женщины же лишь вначале кажутся людьми.

В колонии мне нравится больше, чем на воле. Если честно, то я бы весь срок провел в одиночной камере».

По нашим выборочным данным, среди наиболее дезадаптивных преступников в четыре-пять раз больше хронических алкоголиков, чем среди других категорий правонарушителей. Дезадаптирующая, криминогенная роль алкоголизма хорошо известна. Тем не менее, отметим компонент физической зависимости от алкоголя. Потребность в нем приобретает характер «вынужденного» влечения. Это основа, на которой развиваются деградация личности, ее отдаление от общества. Такой человек ради удовлетворения потребности в алкоголе поступает рядом социальных ценностей, которые перестают оказывать регулирующее влияние на его поведение, в чем также проявляется его психологическое отчуждение.

У многих алкоголиков отмечается неспособность к длительной деятельности, даже если она может обеспечить средства для приобретения спиртного. Именно поэтому они обычно не доводят дело до конца. В преступном поведении это часто выражается в том, что алкоголик не способен готовиться к преступлению и, образно говоря, хватается первое, что попадает под руку. Так, поступая на работу, многие алкоголики при первой возможности сразу же совершают хищения, не проявляя особой осторожности и не дожидаясь благоприятных ситуаций. Загораясь желанием совершить какое-то полезное дело и даже с энергией принимаясь за него, большой алкоголизмом обычно не доводит его до конца. По этой причине общественно полезная деятель-

ность сама по себе редко выступает в качестве «способа» лечения и исправления его поведения.

Влечение к алкоголю в качестве ведущей потребности сопровождается асоциальным поведением, снижением социальных статусов и ролей, деградацией личности. Этому способствуют нарастающая возбудимость, мало зависящая от доболезненного склада личности, недостаточный самоконтроль и низкий уровень саморегуляции.

Поведение правонарушителей-алкоголиков нередко отличается пассивностью и не является результатом продуманных решений, осмысленных, зрелых взглядов. Это особенно свойственно лицам, длительное время ведущим паразитическое, бездомное существование. Они не могут активно противостоять жизненным трудностям и склонны «плыть по течению». Их поведение отличается пониженной избирательностью, неумением найти правильный выход, бедным эмоциональным содержанием. Отчуждению таких людей способствует то, что среди них часто встречаются хронические больные, в том числе психически, а сами эти люди отличаются низким культурным, образовательным и профессиональным уровнем.

Многие правонарушители данного типа, особенно из числа многократно судимых лиц старших возрастов, инертны, безразличны и к себе, и к другим. Безразличны они и к оценкам окружающих, даже если сами признают их справедливость, в чем также выражается значительная психологическая дистанция от среды. Порицая свой образ жизни, они тем не менее не находят в себе силы изменить его, в чем резко проявляется разница между их высказываниями и действительным поведением. У них нет стойкости в стремлениях и постоянства в делах, они небрежно относятся к любым обязанностям и бросают их, как только происходит смена настроения.

У алкоголиков из числа тунеядцев, бродяг и попрошаек отсутствуют стойкие и глубокие связи с другими людьми, позитивной микросредой, их социальные контакты случайны и непродолжительны. Эти люди развиваются в направлении растущей социальной изоляции, постепенно отказываясь от

многих функций и ролей в обществе, что приводит к деградации, оскудению их духовного мира. Выпадение из системы нормальных социальных, прежде всего трудовых и семейных, связей является одним из главных препятствий в приобщении тунеядцев, бродяг и попрошаек, страдающих алкоголизмом, к честной трудовой жизни.

Случайные, неглубокие и кратковременные контакты с ранее неизвестными или малознакомыми людьми, а также с хорошо знакомыми, которые ведут аналогичный образ жизни, происходят обычно на почве совместного распития спиртных напитков и внешне бесцельного времяпрепровождения. Подобные контакты приводят к образованию неформальных малых групп, являющихся основной сферой повседневного общения рассматриваемой категории правонарушителей. Специальные наблюдения за такими группами показывают, что они не постоянны по составу участников, в них отсутствуют более или менее четкая иерархия ролей, ясно осознаваемые всеми либо большинством членов групповые цели, кроме употребления алкоголя.

Алкоголики, утратившие нормальные трудовые, семейные и дружеские связи, как правило, только в таких группах находят признание и поддержку, что является одной из причин относительно длительного функционирования данных неформальных образований. Группа, несмотря на ее нестабильность, в их жизни играет значительную, порой определяющую, роль, поскольку является важнейшей сферой социального бытия. Традиции же и стандарты группы, как одно из выражений ее субкультуры, выполняют в числе прочих функцию защиты ее участников, поскольку несут некоторое оправдание их антиобщественного существования. Вне таких групп алкоголики ощущают дискомфорт, раздражаются по пустякам, не знают, куда себя деть, чем заняться.

Прием алкоголя помогает устанавливать и поддерживать социальные контакты в таких группах, снимает неуверенность и страх, подавляет скованность и позволяет проявить агрессию, получающую поддержку в групповом общении. Однако в конечном счете алкоголь порождает еще более сложные соци-

ально-психологические проблемы, приводя ко всё большей социальной изоляции. Замкнутые и аутичные люди, страдающие алкоголизмом, не стремятся к групповому общению, употребляют спиртное в одиночку.

Хотя среди преступников-алкоголиков немало рецидивистов, преступления, совершаемые ими, в основном не представляют значительной общественной опасности. Это главным образом кражи небольших сумм денег или вещей на некрупную сумму, хулиганство, значительно реже — грабежи и разбои, но, как правило, примитивными, наиболее простыми способами.

Названная особенность тоже является следствием оскудения, особенно интеллектуального и волевого, личности алкоголика, ее примитивизации, неспособности совершить сложные (в данном случае преступные) действия, требующие умственных усилий, сообразительности, ловкости, опоры на прошлый опыт и умения предвидеть последствия своих поступков, а в ряде случаев и организаторских способностей.

Какую роль в жизни человека играет **опьянение** (любое — алкогольное, наркотическое, иное), для чего оно нужно, в чем его личностный смысл? Конечно, не мы первые ставим этот вопрос и пытаемся ответить на него. Есть основания полагать, что опьянение необходимо личности для ухода от социальной среды или (и) социального в самом себе, травмирующего, чуждого, непонятого окружения или (и) собственных культурных запретов и заграждений, сформированных воспитанием и препятствующих реализации актуальной потребности, а тем самым достижению видимости своего освобождения. Если это так, то становится понятным, почему во всех без исключения случаях изнасилования, например, малолетних девочек преступники были в состоянии сильного алкогольного опьянения. Постоянное пьянство становится привычным, формой приспособления человека к миру

Но почему же появляется сама нужда в уходе? По-видимому, ответ надо искать не только в истории жизни человека, но и в происхождении и истории человечества, прирожденных человеческих особенностях, о которых мы еще не имеем достаточной информации. Однако уже сейчас можно сказать, что

начатое в детстве и закрепленное впоследствии отчуждение личности определяет потребность ухода от нежелательного мира (в том числе от себя) путем опьянения. Отсюда ясно, что лишь изменение условий жизни людей, начиная с детства, способно быть эффективным путем борьбы с алкоголизмом, наркоманией и другими социальными патологиями.

Длительная дезадаптация формирует искаженное восприятие среды, чему способствуют также расстройства психической деятельности. Если на человека довольно долго действуют негативные социальные факторы и он не может их устранить, то срабатывает защитный психологический механизм отстранения, который легко может перерасти в отчуждение. Тогда нежелательные социальные факторы воспринимаются как имманентно чуждые, посторонние или эмоционально незначительные. Утрачивается эмоциональная связь с лицами, ситуациями и переживаниями, которые как бы отодвигаются, становятся чужими и бессмысленными для индивида, хотя он и осознает их физическую реальность. Отчуждение как средство сделать эмоционально незначимыми травмирующие отношения может быть направлено как на среду, так и на собственное «я».

Нашими исследованиями установлено, что среди дезадаптивных преступников в отличие от других правонарушителей более значительно распространены другие психические аномалии. Например, среди них больше олигофренов, лиц с остаточными явлениями черепно-мозговых травм и хроническими заболеваниями центральной нервной системы, в несколько раз больше тех, у кого обнаружены сосудистые заболевания с психическими изменениями. Названные аномалии психики играют достаточно мощную дезадаптирующую роль, поскольку препятствуют или существенно осложняют участие во многих видах трудовой деятельности, получение более высокого образования и повышение производственной квалификации, установление нормальных связей и отношений с окружающими, в частности создание семьи, а в целом успешную социализацию личности.

Длительное преступное поведение, связанное с постоянным ведением антиобщественного образа жизни, и пребывание в среде преступников способствуют возникновению и развитию психической патологии, которая в свою очередь ведет к дезадаптации. Выборочное изучение образа жизни преступников позволило установить, что с увеличением количества судимостей растет доля лиц с расстройствами психики, т.е. увеличивается количество факторов, усугубляющих их социальную изоляцию. Лица с такими расстройствами чаще, чем здоровые, вновь через короткий промежуток времени после отбытия наказания совершают преступления, что также надо рассматривать в аспекте отчуждения личности, во многом не приспособленной жить в обычных условиях.

Но вернемся к наиболее дезадаптивной части правонарушителей — **бродягам**. Их число сейчас велико, и мы полагаем, что оно будет увеличиваться. Такое предположение основано на растущей тревожности и напряженности между людьми, серьезной дезорганизации семьи, сужении ее компенсирующих возможностей. Существенную роль играет и переход народного хозяйства к рынку. В этих условиях к квалификации и дисциплине работников предъявляются значительно более жесткие и строгие требования, которым большая часть дезадаптивных личностей вряд ли может соответствовать. Поэтому доля незанятых рабочих рук возрастает, причем они преимущественно ведут антиобщественный образ жизни. Это неизбежно влечет рост корыстных преступлений и нарушений общественного порядка.

Сейчас бродяжничество принято объяснять в основном тремя причинами: нежеланием работать, пьянством и распадом семьи. Однако при таком объяснении остаются непонятными причины всех этих трех факторов, поскольку, например, нежелание работать не возникает само по себе. Пьянство может, конечно, способствовать разрушению семьи и уклонению от трудовой деятельности, но и оно имеет причины.

Бродяжничество вряд ли вызывается распадом семьи. Последнее может приводить (и в подавляющем большинстве случаев приводит) к иным, непроти-

воправным формам поведения. Следовательно, бездомное существование как реакция на жизненные трудности предопределяется главным образом субъективными особенностями тех, чья семья распалась. Поэтому еще раз следует отметить, что ни одна жизненная ситуация не приводит с неизбежностью к совершению преступлений.

Не могут рассматриваться в качестве причины бродяжничества и плохие жилищные условия. Специальное изучение показало, что у бродяг они были в целом не хуже, чем у других граждан. Интересно, что те бродяги, которые раньше имели хорошее жилье, семью и работу, оказались неспособными объяснить причину перемены образа жизни.

Также не следует считать причиной бродячего образа жизни то, что этим лицам не оказывалась необходимая помощь со стороны государственных и общественных организаций. Как показало изучение, почти каждому из них содействовали в решении трудовых и бытовых вопросов. Они обычно с благодарностью принимают помощь и нередко искренне заверяют, что изменят свой образ жизни. Однако субъективные, слабо или вовсе не контролируемые сознанием стимулы к бездомному существованию оказываются сильнее данных обещаний, и субъект вновь становится на путь бродяжничества. А некоторые из них, убедившись в невозможности изменения собственного поведения, даже не предпринимают сколько-нибудь серьезных усилий к его перестройке.

Кроме лиц, систематически занимающихся бродяжничеством, наибольшее число дезадаптивных личностей встречается среди тех, кто совершает **кражи**, особенно неоднократно. Наблюдения показывают, что такие лица, даже имея определенное место жительства и работу, ведут по существу дезадаптивный образ жизни. Их связи с семьей и трудовыми коллективами весьма поверхностны и неустойчивы, в ряде случаев связей попросту нет. Они систематически пьянствуют, кражи являются для них основным источником поддержания такого существования и получения средств на приобретение спиртного. Данные лица, как правило, совершают мелкие кражи, реже зани-

маются спекуляцией. При этом они нередко крадут и друг у друга, а также у родственников, соседей, знакомых, что еще раз убедительно свидетельствует об их дезадаптации в микросреде. Все похищенное почти сразу же пропивается.

Дезадаптация и отчуждение подобных лиц стремительно прогрессируют при распаде семьи, при уходе от родителей, при переезде на жительство в другой регион, при перемене длительного рода занятий (например, в случае увольнения из армии), а также при освобождении из мест лишения свободы. Иными словами, их «скатывание» имеет место тогда, когда значительно ослабевает или вообще перестает действовать привычный, но достаточно жесткий социальный контроль. Здесь наблюдается внешне противоречивая картина: многие из них стремятся избавиться от такого контроля, но, обретя «свободу», в силу своей общей неприспособленности к жизни, весьма слабых субъективных адаптационных возможностей быстро деградируют. Некоторые из них осознают это, но не находят в себе сил изменить ставший обычным образ жизни.

Приведем рассказ Б., 42 лет, имеющего среднее специальное образование, судимого четыре раза за кражи личного имущества граждан.

«Родился на Украине. Отец погиб на фронте, мать умерла, когда мне было шесть лет. Жил вначале у бабушки, но она со мной не справлялась, и меня отдали в детский дом. Оттуда я часто убегал и просто так, и к бабушке. Там закончил 10 классов, там же стал употреблять водку. Закончил военное училище, стал офицером. Женился, родился сын. Служил в Иркутске, но в армии мне не нравилось, так как не было свободного времени, и я уволился в запас. Жили мы у тещи, работал инженером по снабжению, а затем заместителем директора птицефабрики. Имея свободный доступ к материальным средствам, стал злоупотреблять этим, скопил капиталец, но часто пил.

Уволился отсюда сам, так как почувствовал, что рано или поздно все вскроется, и меня могут посадить за хищения. Уехал с семьей в Харьков. Там полу-

чил квартиру и вначале жил хорошо. Устроился работать в фотографию, ездил по селам и брал заказы. Затем стал странствовать и очень много пить. Как-то приехал в Улан-Удэ, познакомился с женщиной, поселился у нее. Запил сильно, дошел «до ручки», познакомился с подобными себе и в основном общался с ними, нигде не работал. Во время одного запоя пошел в фотоателье погреться. Там лежала куртка клиента. Я надел ее и вышел, но был задержан и осужден. После освобождения вернулся к сожительнице (с семьей отношений давно не поддерживал), но на работу не устраивался и вообще уже никогда больше не работал. Она иногда меня корила. Пил каждый день, в том числе одеколон, настойки, политуру и другие заменители. Изо дня в день воровал на рынке мясо и другие продукты. Как-то, пьяный, зашел к знакомому и, пока тот ходил в магазин за водкой, украл у него куртку и транзистор, понес продавать их на рынок. Однажды с сожительницей встречали Новый год у ее матери. Там я похитил мельхиоровую посуду на 12 персон, все спиртное и унес домой. Были и другие случаи краж в состоянии сильного опьянения, подробностей обычно не мог вспомнить. Спал в подъездах и других местах, у малознакомых женщин, заразился сифилисом.

Стал я спиваться ещё в армии, но она все-таки удерживала. Если бы остался с женой, ничего бы не случилось, но я не стал с ней жить, не стремился вернуться к ней. Почему — не знаю».

Б. — дезадаптивный алкоголик. Его отчуждение началось с детства (смерть родителей, отказ бабушки от воспитания) и закрепилось в период жизни в детском доме. Социальный контроль для него неприемлем, он вступает в противоречие с его основными мотивационными тенденциями «выхода» из среды. Отсюда увольнение из армии и уход от семьи в целях ведения дезадаптивного существования, одним из основных элементов которого является избегание контроля (при всем том, что его отсутствие часто ощущается как условие, способствующее деградации). Это ощущение снимает состояние опьянения, снижающее уровень тревожности по поводу своего положения. Совершение краж надо рассматривать только в аспекте такого образа жизни,

который характеризуется постоянным пьянством, отсутствием семьи, места работы, устойчивого круга общения. Кражи — способ обеспечения такого существования.

У нашего персонажа можно отметить некоторые проявления самоконтроля: во время отбывания наказания за последнее преступление он бросил курить, занимался спортом, не нарушал режим, т.е. в условиях жесткого контроля может демонстрировать правопослушное поведение и стремление к ведению социально одобряемого образа жизни. Однако такие тенденции вступают в противоречие с ведущими мотивами поведения Б., содержанием которых является стремление избавляться от социального контроля. Поэтому вероятность рецидива преступного поведения здесь достаточно высока. Стало быть, его поведение амбивалентно, поскольку он стремится и к контролю, и к уходу от него.

Б. — представитель наиболее деградировавшей категории корыстных преступников, которые наряду с бродягами составляют по существу деклассированную группу людей. Однако среди дезадаптивных преступников, постоянно совершающих кражи, нередко встречаются и такие, которые отличаются совершенно иными типологическими особенностями и другим образом жизни.

Во-первых, эти лица отнюдь не склонны к алкоголизму и употребляют спиртные напитки относительно редко. Поэтому их отношения с ближайшим окружением на первый взгляд более широки и устойчивы, они активнее участвуют в общественно полезном труде или, в худшем случае, создают видимость такого участия, что может говорить об их более высоких адаптивных способностях. Вместе с тем углубленное изучение их личности и образа жизни свидетельствует о том, что их социальные связи и отношения все-таки недостаточно стабильны и широки: большая часть из них не имеют семьи, не трудятся длительное время в одном и том же коллективе, не имеют стойких привязанностей, не дорожат мнениями и оценками тех, кто не совершает преступлений. Для них характерны частые изменения места жительства.

Во-вторых, преступное поведение таких лиц отличается большей общественной опасностью, так как они обычно совершают крупные кражи, часто в группах, в которых нередко выступают организаторами. Отметим среди них квартирных и карманных воров, а также тех, кто совершает кражи из магазинов, со складов и из других охраняемых помещений. Их выявление и разоблачение представляет, как правило, большую сложность. Мировоззрение подобных индивидов отличается сформированностью и достаточной четкостью, у них есть то, что можно назвать убеждениями. Они стремятся к доминированию в группах, способны убеждать других и направлять их поведение, их высказывания спокойны и отличаются силой. Интеллектуальное развитие таких преступников выше, чем, например, бродяг или алкоголиков.

В целом криминологически значимым представляется то, что их дезадаптация в жизненно важных и социально одобряемых сферах сопровождается адаптацией на криминальном уровне.

Разумеется, рассмотренные категории дезадаптивных преступников вовсе не исчерпывают всего типологического многообразия лиц, совершающих кражи и иные корыстные преступления. Изучение показывает, что среди корыстных преступников можно встретить довольно много лиц, не отличающихся дезадаптацией.

Следует, по-видимому, остановиться на одной психологической особенности **лиц, совершающих квартирные кражи**, а именно на той, которая связана, как представляется, с совершением именно таких преступлений.

Известно, что жилище человека представляет собой значительную социальную ценность. Его неприкосновенность провозглашена законом. Целая отрасль права регламентирует отношения граждан по поводу жилища, охраняет их права в этой области. Охраняет жилище и уголовный закон.

Дом, квартира не являются лишь местом, где находится личное имущество. Здесь люди проводят большую часть досуга, находят покой, защиту, поддержку близких, восстанавливают физические и психологические силы, развивают эмоциональные и духовные контакты, интимные отношения и чув-

ства, получают первые знания и социальный опыт. Некоторые предметы домашнего обихода не столько имеют материальную стоимость, сколько могут быть связаны с дорогими воспоминаниями; многие личные вещи попросту необходимы для жизни, выполняя функциональное, эстетическое и иное назначение. Поэтому семья и ее члены дорожат неприкосновенностью своего жилища, часто выраженного понятием домашнего очага как чего-то священного для них. Следовательно, оно имеет огромную духовную ценность. Однако такое отношение к нему не возникает само по себе, а формируется теми благоприятными психологическими контактами, в которые включается индивид с первых дней своей жизни, субъективно полезным интимным общением в семье с близкими ему людьми.

Есть основания предположить, что психологическое отвержение ребенка, подростка родителями приводит к образованию таких личностных особенностей дезадаптивных преступников, которые не создают внутренних барьеров, препятствующих проникновению в чужие квартиры и совершению краж из них. Конечно, это еще не мотивы квартирных краж, но та психологическая почва, посредством которой они могут реализоваться.

Дезадаптивные личности составляют большинство корыстных и насильственных преступников, много их и среди расхитителей государственного и общественного имущества. Дезадаптивный тип расхитителей представляют лица, находящиеся за рамками нормальных связей и отношений. Это, как правило, мелкие и средние расхитители, многие из которых ранее привлекались к уголовной ответственности. Среди них немало пьяниц и алкоголиков. Основная их черта — исключенность из социально полезного общения, слабые контакты со средой, они как бы плывут по течению и относятся к числу асоциальных преступников. К угрозе наказания такие люди чаще всего безразличны. Их образ жизни подчас не отличается от образа жизни воров.

Одним из мотивов совершения ими хищений являются сохранение или приобретение необходимых для них отношений с другими людьми, преодоление своих отчуждения, одиночества, дезадаптации. Корысть не всегда основной

мотив, часто она бывает дополнительной, параллельной. Она может возникнуть не сразу, и на первых порах похищенное имущество просто раздается бескорыстно в целях завязывания и закрепления контактов с нужными людьми, на приобретение спиртных напитков для их угощения. Корыстные стимулы начинают развиваться и крепнуть. Для таких преступников характерны поиск дружеских связей, приспособление, пассивное повиновение и потребность поддержки.

Некоторым расхитителям дезадаптивного типа свойственны отгороженность, замкнутость, неустойчивость перед ситуациями, непосредственно влияющими на них. Они легко поддаются под влияние, подчиняемы, их активность снижена.

Значительный интерес представляют мотивы соучастия в хищениях у подобного типа людей. Очень часто мотивы определяются не материальной нуждой, а потребностью закрепиться в данной группе, совершающей хищения, нежеланием выпасть из группового общения, боязнью социально-психологической изоляции и изменения желаемого образа жизни. Конечно, со временем, когда человек понимает, что участие в хищениях дает весьма ощутимые материальные преимущества, его корыстные мотивы способны вытеснить, подавить остальные. Но чаще те и другие стимулы соседствуют, дополняя друг друга.

Как мы видим, образ жизни всех категорий преступников в той или иной степени всегда связан с их отчуждением. Преступное поведение органически вписывается в соответствующий образ жизни, и его причины могут быть поняты именно в такой взаимосвязи.

Глава 3. Тревожность — основа преступного поведения

3.1. Понятие и значимость тревожности

Тревожность, тревога, страх — психические явления. Однако эти явления, оказывающие существенное влияние на поведение человека и отношения между людьми, еще не привлекли должного внимания наших исследователей. Криминологи, насколько нам известно, вообще не изучали их. Между тем криминологический анализ и адекватная оценка тревожности, ее источников, конкретных проявлений в преступном поведении позволят существенно расширить наши представления о причинах и природе такого поведения, увидеть новые возможности и средства его профилактики.

Особую роль тревожности и тревоги отмечали выдающиеся психиатры и патопсихологи прошлого. Так, Э. Крепелин писал, что самая распространенная форма неприятных, болезненных ощущений — это тревога, которую можно рассматривать как соединение чувства недовольства с внутренним напряжением. Ни одно чувство не отражается так на духовном и физическом состоянии, как это. Внутреннее напряжение обнаруживается в положении тела, выразительных движениях, судорожных напряжениях мышц, оно разряжается в воплях и криках, буйных попытках защиты и бегства, покушениях на окружающих или на собственную жизнь. К этому присоединяются все нервные явления, сопутствующие тревоге: головокружение, тошнота, недомогания и т.д. Вначале чувство тревоги может быть беспредметным: даже ощущая его, человек может совершенно ясно осознавать, что ему нечего бояться. Для высших степеней тревоги характерно затемненное сознание, при очень сильном возбуждении появляются неясные и спутанные представления.

Применительно к больным Крепелин выделил особую группу лиц, отличающихся боязнью произвольного совершения преступных действий. Для многих из них типично навязчивое состояние переживания, что они могут схватить подвернувшийся нож и убить кого-нибудь, изнасиловать встретившуюся на улице женщину, совершить непристойность с ребенком, напасть на человека и т.д. Очень существенной представляется его мысль о том, что

важную почву для возникновения навязчивых состояний образует внутреннее чувство неуверенности и беспокойства.

В психологии тревожность понимается, как повышенная индивидуальная склонность испытывать беспокойство в самых разных жизненных ситуациях, в том числе таких, которые объективно не содержат никаких для этого причин. Она обычно повышена при нервно-психических и тяжелых соматических заболеваниях, а также у здоровых людей, переживающих последствия какой-нибудь психотравмы. Очень важно отметить, что **тревожность** — это выражение субъективного неблагополучия личности, и необходимо различать тревожность ситуативную, связанную с конкретной внешней ситуацией, и личностную, являющуюся стабильным свойством личности. **Тревога** — эмоциональное состояние, возникающее в ситуациях неопределенной опасности и проявляющееся в ожидании неблагоприятного развития событий.

В отличие от страха как реакции на конкретную угрозу тревожность представляет собой беспредметный страх, так сказать, страх вообще. Она часто бывает обусловлена неосознаваемостью источника опасности. Тревожность не только предупреждает субъекта о возможной опасности, но и побуждает его к поиску и конкретизации этой опасности, активному исследованию окружающей действительности в поисках угрожающего предмета. Она может проявляться как ощущение беспомощности, неуверенности в себе, бессилия перед внешними факторами, как преувеличение их могущества и угрожающего характера. Такое ощущение может приводить к дезорганизации поведения, изменению его направленности. Тревожность может возникать из-за завышенных притязаний, которые не могут быть удовлетворены. Очень часто это приводит к совершению преступлений корыстного характера, но если тревожность является личностной чертой, ее удовлетворение с помощью, например, хищений не может привести к ее снятию вообще.

Отсюда вывод, что тревожность способна активно стимулировать преступное поведение, но это происходит тогда, когда человек начинает ощущать необходимость защиты от людей или явлений, субъективно воспринимаемых как

угрожающие либо деструктивные. Искаженное восприятие реальности особенно характерно для лиц с психическими аномалиями именно в силу этих аномалий.

Е. В. Черносвитов и А. С. Курашов считают, что феномен тревоги является уникальным и, пожалуй, психически самостоятельным состоянием человека, формой его духовности. Тревога связана с основами сознания, проявлениями внутренней жизни. Уяснение субъектом предмета своего переживания, утрата этого предмета или его смена — все знаменуется феноменом тревоги. Ни в рамках нормальных, т.е. повседневно-обыденных, субъективных состояний, ни в патологических состояниях тревога как таковая не имеет психологически понятной связи ни с одним из предметов переживания. Тревога — это состояние самосознания, которое охватывает любое переживание человека. Но источники ее всегда в предметном мире. Она словно указывает на какое-то внутреннее противоречие между сознанием и самосознанием в предметном переживании человека как атрибут субъективной реальности. Предметная неопределенность тревоги субъективно выражается в ее мучительности, непереносимости.

Однако если предмет тревоги найден, то возникает другой феномен тревожного ряда — страх, генезис которого весьма примечательное явление. Как бы ни была мучительна тревога, как бы ни опустошала она субъекта, справедливо отмечают Е. В. Черносвитов и А. С. Курашов, страх стремится не к противоположному психологическому состоянию — покою, а к поиску источника тревоги. Неудержимое влечение к этому источнику — логика аффекта, еще не имеющего предмета. Этот предмет всегда является сознанию в качестве «не-я», т.е. непременно чужд личности и находится по отношению к ней в некоей оппозиции.

Упомянутые авторы выделяют следующие основные **формы страха**: 1) отвага-отчаяние; 2) панический страх; 3) неистовое возбуждение, внезапно возникающее подобно взрыву, прерывающееся заторможенностью, или ступором; 4) нарастающее чувство напряженности, тревоги, таящейся угрозы пе-

ред ситуацией; в некоторых случаях при этом возможно повышение настроения; 5) деперсонализация (утрата или нарушение восприятия самого себя), когда в состоянии страха возникает психологически защитное переживание — «это происходит не со мной!» или «это мне снится!». В данных формах разрушается реальность, воспринимаемая субъектом. Он теряет очертания своего «я», которое как предмет и как собственный смысл исчезает. Самосознание в этом случае определяется категориями «небытие» и «ничто», человек как бы заглядывает в бездну. В этих видах нарушения самосознания происходят расстройство его основных функций — самопознания и саморегуляции, нарушение ориентировки в предметно-смысловом мире.

Данные положения имеют непосредственное отношение к криминологическим усилиям понять природу преступного поведения, его субъективные движущие силы. Например, в состоянии отчаяния люди совершают многие насильственные и ненасильственные преступления; в состоянии панического страха бегут с поля боя, отказываются выполнять боевой приказ, совершают некоторые неосторожные преступления. Неистовое возбуждение при суженном сознании и ограниченном волевом самоконтроле поведения часто сопровождает убийства, особенно когда жертвами становятся посторонние (для данного конфликта) люди. Страх перед небытием, перед «ничто» выступает мощным стимулом преступных действий. Последние нередко выступают в качестве следствия постоянных конфликтов, в ходе развития которых нарастают возбуждение, тревога, опасение за себя, ухудшается ориентировка в окружающем мире, а привычные, казалось бы, ценности отступают на второй план.

Страх и тревога неисчислимо много раз анализировались и оценивались в мировой художественной литературе.

Французский писатель и философ, близкий к экзистенциализму, А. Камю называл тревогу легким отвращением перед будущим.

Значительное внимание тревожности уделил другой выдающийся французский писатель и философ-экзистенциалист — Ж.-П. Сартр. Герой одного из

его романов, Рокантен, все время испытывает неясную и неопределенную угрозу своему существованию и поэтому постоянно ищет возможность «спастись». Он готов стать звуком музыки, простой обыденной вещью, ему нужны какие-то действия, совсем несложные, обычные физические движения, которые он называет приключениями, лишь бы сохраниться. Рокантен, подобно герою романа А. Камю «Посторонний», глубоко одинок и отчужден от окружающих, связи его с миром эфемерны, но он знает, что таких, как он, много. Ж.-П. Сартр отмечает существенную черту личности своего отчужденного героя: он весьма агрессивен, и в первую очередь в отношении тех, кто как-то покушается или, по его мнению, может покушаться на его свободу. Эта агрессия связана со страхом перед чем-то беспредметным и неопределенным. Рокантен пишет в дневнике: «Не надо поддаваться страху». И далее: «Случиться может все, что угодно, все, что угодно, может произойти». Не случайно он склонен к тотальной панике и приписывает страх другим людям, бытие которых представляется ему столь же зыбким, как и его собственное.

Исключительно тонкое наблюдение тревожности принадлежит Ф. Мориаку. Он пишет: «...безумное желание заснуть навеки, стремление — не жить... Эта болезнь, подобно всем прочим болезням, у нас в крови, она порождена тоской, отпущенной нам в смертельных дозах, она составляет самую сердцевину нашего существа, она появляется на свет вместе с нами и звучит уже в первом нашем младенческом крике». Здесь читаемые между строк страх перед небытием и в то же время страстное стремление заглянуть в него предстают как то, что составляет единое целое и властно притягивает человека, всегда внутренне присуще ему и составляет неотъемлемую, необходимую часть его существования. Страх смерти сливается, во всяком случае, во многом, с желанием смерти, тяготением к ней. К сожалению, в отечественной науке еще нет внятного научного объяснения этого феномена.

Глубокий бытийный психологический анализ тревожности и связанных с ней травматичных переживаний можно найти в романе В. В. Набокова «Защита

Лужина». Его главный герой, проживший несчастливое детство и отрочество, отчужденный, одинокий человек и замечательный шахматист, ищет наилучший вариант не шахматной защиты, а защиты своего бытия, поскольку постоянно ощущает ему угрозу. Шахматная игра незаметно, но неуклонно переходит в сложнейшую и грозную жизненную борьбу. Набоков так передает переживания и внутреннее состояние героя: «Ночью, особенно если лежать неподвижно, с закрытыми глазами, ничего произойти не могло. Тщательно и по возможности хладнокровно Лужин проверял уже сделанные против него ходы, но, как только он начинал гадать, какие формы примет дальнейшее повторение схемы его прошлого, ему становилось смутно и страшно, будто надвигалась на него с беспощадной точностью неизбежная и невыносимая беда. В эту ночь он особенно остро почувствовал свое бессилие перед этой медленной изощренной атакой и ему захотелось не спать вовсе, продлить как можно больше эту ночь, эту тихую темноту, остановить время на полночи... Во сне покоя не было, а простирались все те же шестьдесят четыре квадрата, великая доска, посреди которой, дрожащий и совершенно голый, стоял Лужин, ростом с пешку, и вглядывался в неясное расположение огромных фигур, горбастых, головастых, венценосных».

Самоубийство Лужина означает победу страха, его полное поражение перед жизнью, к которой он так и не смог адаптироваться, и поэтому неизбежен уход из нее.

Пусть читателя не смущает, что, говоря о вполне жизненных, реалистических вещах, мы приводим примеры из художественной литературы. У настоящего художника вымышленные истории и образы обретают силу подлинной действительности. Чем глубже его знание жизни и людей, их психологии, чем полнокровнее художественность, чем выше, следовательно, мастерство, тем достовернее созданная им вторичная реальность. Именно поэтому такая литература является мощным средством познания.

Впрочем, в психологии и психиатрии давно и активно используются достижения художественного творчества. В криминологии в объяснениях пре-

ступного поведения это, как ни странно, делается значительно реже. Между тем не вызывает сомнений, что для понимания преступления и его движущих сил совершенно необходимо обращение к художественным произведениям, например Ф. М. Достоевского, особенно к роману «Преступление и наказание». Отметим, кстати, что преступные действия его героя Раскольникова в основном мотивированы именно тревожностью, постоянным стремлением доказать себе и другим, что он есть, что он может. Он внутренне принимает и каторгу потому, что не в состоянии прожить без людей, поскольку именно они ежечасно подтверждают ему его существование.

В качестве объяснительной схемы **причин преступного поведения** может быть предложена идея о том, что отвергание родителями ребенка и его последующее отчуждение приводят к формированию необратимых психологических особенностей общей неуверенности индивида в себе и в своем месте в жизни, в своем бытии; боязни утраты себя, своего «я»; страха небытия, несуществования, ощущения неопределенности своих социальных статусов; тревожных ожиданий негативного, даже разрушительного воздействия среды. Эти психологические особенности, заложенные отношением родителей на ранних этапах жизни их ребенка, затем закрепляются школой, трудовым коллективом, группами товарищей, всеми условиями жизни индивида.

Все названные особенности составляют то, что можно обозначить понятием «тревожность». Но среди них особенно значим **страх смерти**. По мнению Е. Г. Самовичева, именно отвергание родителями ребенка создает у него специфическое психологическое образование — полностью неосознаваемый страх смерти. Это не клинический симптом, его очень редко можно наблюдать в форме прямого, открытого высказывания преступника. Страх смерти связан с наиболее глубокими онтологическими основаниями бытия личности — чувства, права и уверенности в существовании, в своей самоидентичности, автономии «я» от «не-я». Эти фундаментальные основы индивидуального бытия в норме никогда не рефлексированы сознанием, и должны сложиться определенные условия, чтобы человек начал осознавать такие основы.

Психическое отражение индивидом факта собственного существования образуется на стадии отделения «я» от «не-я». В основе этого отделения лежит чувство безопасности, формирующееся как способ индивидуального бытия в условиях полного приятия ребенка другими людьми, прежде всего его родителями. Совершенно иная жизненная ситуация складывается в случае неприятия ребенка другими. Можно полагать, что отвергание как крайняя форма неприятия ведет к отсутствию чувства безопасности, к несформированности или к дефектности психического отражения существования и как результат к личностной диспозиции, выраженной в понятии страха смерти.

Страх может приводить к распаду целостного ощущения «я». Поэтому внешние факторы, порождающие такой распад, отвергаются ребенком, который оказывается неспособным их принять, включить в свое «я», поскольку он сам недостаточно включен в структуру той социальной среды, которая это «я» создает, прежде всего, семьи.

Отвергание ребенка его родителями в детстве порождает реакцию тревоги, что связано со стремлением психики приспособиться к условиям, которые никак не соответствуют потребностям данного периода развития. В этот период человек, как и другие виды живых существ, максимально нуждается в поддержке и защите, без чего не может быть обеспечено его нормальное развитие. Со временем, если отношение родителей к нему не изменяется, ребенок приспособляется к данным обстоятельствам, но это не снимает тревоги и страха, которые в связи с отверганием не принимают социализированной, т.е. общественно приемлемой, формы. Совершение насильственных действий свидетельствует о крайнем истощении субъективных адаптационных возможностей, когда иные средства в индивидуальном арсенале отсутствуют.

Поэтому мы считаем, что в развитии психологически отчужденных индивидов можно различать три фазы: 1) возникновение реакции тревоги; 2) накопление негативных бессознательных переживаний, которые могут носить скрытый характер; 3) состояние истощения, проявляющееся в насильствен-

ных действиях в ответ на воздействие среды, субъективно воспринимаемое индивидом в качестве враждебного.

Отвергание родителями ребенка не всегда приводит к появлению бессознательного страха смерти. Зависит это, по-видимому, от конкретных форм негативного отношения родителей и в не меньшей степени от прирожденных качеств индивида, состояния его здоровья, прежде всего психического. Но во всех случаях тревожная личность совершенно иначе видит мир, иначе воспринимает внешние воздействия и реагирует на них. Мы полагаем, что тревожность может быть разных **уровней**. Если она достигает уровня страха смерти, то человек начинает защищать свой биологический статус, свое биологическое существование. Отсюда совершение насильственных преступлений можно объяснить как способ защиты от мира, субъективно воспринимаемого индивидом как опасный. Тревожность может сформироваться и на уровне беспокойства и неуверенности как свойств, внутренне присущих данной личности. В этих случаях она может защищать свои социальные статусы, социальное существование, социальную определенность путем совершения корыстных и корыстно-насильственных преступлений.

Вот почему есть основания считать, что наличие тревожности, бессознательное ощущение призрачности и хрупкости своего бытия, опасение небытия качественно отличают преступника от не преступника и выступают основными причинами преступного поведения. Иными словами, человек совершает преступление, чтобы не разрушались его представления о самом себе, своем месте в мире, его самоощущение, самооценку, не исчезло его биологическое и сериальное бытие. Следовательно, причины преступного поведения нужно изучать на бытийном уровне, что представляет собой качественно иной подход к их объяснению.

У тревожных личностей угроза бытию, биологическому или социальному, способна преодолевать любые нравственные преграды. Именно поэтому такая личность попросту не принимает их во внимание, не реализует их в своем поведении. Социальные нормы, регулирующие отношения между людьми, в

силу указанных особенностей и отсутствия целенаправленного воспитания не воспринимаются ими. Конечно, с помощью целенаправленного, индивидуализированного воздействия с одновременным, если это нужно, изменением условий жизни возможна компенсация указанных черт. Если такое воздействие имеет место, оно снимает страх смерти и общую неуверенность в себе и своем месте в жизни. Однако чаще всего этого не происходит, поэтому преступное поведение отчужденных личностей становится реальностью.

Страх смерти, неуверенность в своем месте в жизни и другие черты, связанные с тревожностью, закрепляясь в личности, обрастают другими положительными или отрицательными наслоениями, вследствие чего изначальные контуры этого психического и психологического явления как бы исчезают, затушевываются более поздними образованиями, в первую очередь культурными. Упомянутые черты бывает трудно, а иногда и невозможно обнаружить даже с помощью тестов. Нужен скрупулезный анализ жизненного пути индивида в сопоставлении с результатами применения тестовых методик, оценок реакций на конкретные жизненные обстоятельства. Но главное — интерпретация всех сведений с определенных исследовательских (теоретических) позиций.

Сказанное позволяет считать, что **защита своего бытия** является глубинным личностным смыслом преступного поведения. При этом не имеет значения, действительно ли имело место посягательство (в любой форме и любой силы) на это бытие, важно, чтобы какие-то факторы субъективно воспринимались как угрожающие. Необходимо отметить и то, что субъект может совершать насильственные преступления не только в целях защиты своего биологического существования, но и в целях завладения материальными ценностями, а это дает возможность упрочить свое социальное положение, снять неуверенность в себе и т.д.

Повышенная тревожность личности, выступая в качестве субъективной причины преступления (и соответственно отражаясь в мотивации), не может, на наш взгляд, рассматриваться как причина всей преступности. Мы хотим ска-

зять, что преступность в целом не порождается простой арифметической суммой индивидуальных тревожностей, а имеет социальное происхождение. Следовательно, криминогенное значение имеют те **условия жизни** людей, которые порождают у них повышенную тревожность.

Вот почему криминологическая оценка указанного личностного качества позволяет выйти на широкие социальные явления и процессы. Последние имеют прямое отношение к человеческому поведению вообще. Наша задача — показать, что тревожность у преступников выражена сильнее, чем у законопослушных граждан, в первую очередь потому, что они, как мы попытались доказать выше, более дезадаптивны. При этом их отчуждение обычно начинается с детских лет. Вот почему и вероятность совершения ими преступных действий как средства компенсации, преодоления тревожности, защиты своего биологического и социального статуса выше.

Проведенное (совместно с В. П. Голубевым и Ю. Н. Кудряковым) психологическое обследование преступников с помощью ММИЛ показало следующее. Психологический профиль преступников по сравнению с законопослушными гражданами существенно отличается следующими сочетающимися друг с другом особенностями: импульсивностью, склонностью поступать по первому побуждению, под влиянием эмоций ит. д.; ригидностью, застремляемостью аффекта, приверженностью определенному способу действия; подозрительностью, злопамятностью; повышенной чувствительностью в межличностных отношениях; изолированностью, тенденцией к соблюдению психической дистанции между собой и окружающим миром, уходом в себя, отчужденностью в целом. Эти данные можно интерпретировать как наличие у большинства обследованных преступников заостренных личностных черт, в значительной мере определяющих их поведение. Они свидетельствуют также о сниженной социальной адаптации и серьезных нарушениях межличностных контактов.

Что означает снижение социальной адаптации и к чему приводят существенные нарушения в сфере межличностного общения, отсутствие привязанно-

стей, уклонение от членства в малых группах? На наш взгляд, снижение социальной адаптации — это более или менее глубокое и длительное разрушение отношений с окружающим миром, который начинает выступать в качестве враждебной, разрушительной и в то же время часто непонятной силы, несущей угрозу для данного человека, что, несомненно, приводит к подозрительности, злопамятности, повышенной чувствительности к внешним воздействиям, непониманию среды, поддерживающим тревожность, порождающим страхи.

Нарушение социальной адаптации может вызывать немотивированность в соблюдении социальных требований. В этом случае индивид понимает, что от него требует социальная среда, но не желает данные требования выполнять. Впрочем, от него и не следует ждать солидарности с этими требованиями, поскольку они исходят от враждебной и постоянно тревожащей его среды.

Согласно результатам тестирования с помощью названной методики, среди преступников гораздо сильнее, чем среди законопослушных людей, выражены внутренняя напряженность, неуверенность, тревога, снижение настроения, пониженная самооценка, пессимистическая оценка перспективы, т.е. явления тревоги и депрессии.

Необходимо отметить, что многие тревожные личности, как среди преступников, так и среди законопослушных граждан производят впечатление исключительно замкнутых людей, уходящих от любых контактов. Однако это далеко не всегда так, поскольку утрата (подлинная или мнимая) нужных связей для них глубоко травматична и болезненна, она воспринимается ими как настоящая катастрофа. Поэтому жизненные ситуации такого рода способны вызывать у них серьезную тревогу, высокий уровень которой может поддерживаться в течение длительного времени, даже тогда, когда источник тревоги (если он был) исчез. Иногда угроза исчезновения жизненно важных контактов может вызвать у таких лиц агрессию.

Есть основания думать, что некоторые люди уходят в себя, замыкаются в своем субъективном мире еще и по той причине, что они боятся внешнего мира и поэтому живут со значительным внутренним напряжением. Такое напряжение затрудняет дифференциацию значительных и незначительных раздражителей, адекватную оценку ситуации, что существенно усиливает тревожность в целом. Действительно, если по той или иной причине человек отгорожен от мира, то постепенно он перестает понимать их, а непонятное как раз и способно вызывать тревогу, беспокойство, неуверенность.

Остановимся на такой характерной черте насильственных преступников, и особенно убийц, как **эмотивность**, т.е. высокая чувствительность, уязвимость, ранимость в сфере межличностных отношений и глубокие реакции в области тонких эмоций. Наличие эмотивности установлено рядом наших исследований, в том числе с помощью ММИЛ, о чем мы писали выше, а также методики Шмишека (последнее — совместно с Е. Г. Самовичевым). Эмотивность свойственна поэтам и художникам — так могут ли они иметь отношение к убийцам? В чем ее специфика применительно к последним и их преступным действиям?

Наш опыт изучения названных лиц убеждает в том, что им действительно свойственны высокая чувствительность и ранимость, но эти качества не выражены в сопереживании, а обращены на себя, «охрану» своей личности. Поэтому у преступников они могут быть адекватно поняты только с таких позиций и при сопоставлении с другими личностными чертами в свете совершенных поступков. Оказалось, что эмотивность преступников развивается по своей сугубо субъективной логике, а не в соответствии с внешними обстоятельствами или с объективным содержанием возникающих ситуаций. Наибольшую связь эмотивность у убийц обнаруживает с упорством, которое обусловлено ригидностью, малоподвижностью, застреванием эмоций, аффективных переживаний. Их эмоциональная сфера длительное время сохраняет воспринятые ранее впечатления, хотя породившие их события уже прошли. Поэтому эмоциональные переживания начинают окрашивать и другие,

не соответствующие им события, в результате чего происходит искажение восприятия действительности, которой приписываются несвойственные ей особенности и тенденции.

Мы полагаем, что связь сверхчувствительности с упорством и застреванием эмоций может служить основанием для предположения о том, что ранее, до нынешней актуальной ситуации, уже возникала серьезная угроза для данного человека. Следовательно, уже тогда сформировалась неясная, неопределенная и полностью бессознательная тревога (или страх) по поводу ситуаций, носящих бытийно угрожающий характер. Именно такой их характер может вызвать ответную разрушительную реакцию. Но повторяем, поскольку речь идет главным образом о ригидных и об аффективных переживаниях, связанных с прошлым, есть основания полагать, что в этом прошлом появилась глубоко лежащая ныне тревожность. Скорее всего, это могло иметь место в детстве. Тогда становятся понятными типичная для убийц подозрительность, мнительность, злопамятность, защитная агрессивность.

Подозрительность убийц и других насильственных преступников — в постоянном ожидании нападения извне и готовности сопротивляться ему, хотя во многих случаях опасения не имеют реальной основы. Наличие агрессивности заставляет предположить, что подозрительность этих людей возникает по механизму проекции, т.е. приписывания внешнему окружению черт, присущих самой личности преступника, а именно собственной тенденции к агрессии, доминированию, подавлению других, активному воздействию на среду.

Поэтому мы полагаем, что убийцы и другие насильственные преступники — это лица с повышенной тревожностью, если понимать тревожность как ощущение угрозы своему бытию и постоянную готовность оборонять его, т.е. защитная агрессивность может быть расшифрована как защита по содержанию и агрессивность по форме, но главное, что это защита от того, что ставит под сомнение существование индивида, угрожает ему.

Исследование тревожности у преступников, осуществленное В. В. Кулиничем с помощью методики Спилбергера, показало различное ее содержание в

разных группах. Оказалось, что у воров тревожность носит ровный, одинаковый характер. Это позволяет многим из них постоянно чувствовать опасность, быть готовым к ней, вовремя скрываться. Повышенная тревожность убийц носит характер вспышек, скачкообразна. Актуализируясь в определенных (как правило, психотравмирующих) ситуациях, она часто приводит к дезорганизации поведения, игнорированию внешних обстоятельств. Не случайно столь значительная часть убийств совершается в условиях очевидности.

Приведем следующий пример.

О. еще подростком часто учинял хулиганские действия и избивал своих сверстников, если ему казалось, что они хоть как-то ему угрожают. Был постоянно готов к отпору и для этого всегда носил с собой нож. Уже после службы в армии О. ударил на работе кулаком мастера, который якобы оскорбил его. В другой раз он, подойдя к группе мужчин, ударил одного из них сзади ножом (но лишь порезал пиджак) — ему показалось, что они говорили о нем что-то плохое. Через год, увидев у входа в клуб группу подростков, О. подошел к ним и ударил юношу ножом в сердце, от чего тот на месте скончался. Объяснение этого поступка примерно то же: «Он меня обругал, а я ни от кого не потерплю такого». Важно отметить, что О., по его же словам, убил не того, кто его оскорбил, а другого, рядом с ним стоявшего. Это говорит о недифференцированности его агрессии, о том, что ему в большей степени важно реализовать свою готовность к нападению, чем подавить действительные внешние угрожающие факторы. Оскорбления, следовательно, выступают лишь как повод для выявления внутренней психологической и весьма опасной черты личности.

Действия О. убедительно говорят о том, что это крайне тревожная личность, постоянно живущая в ощущении беды. Исправить такого преступника, не сняв страх смерти (что само по себе очень трудно), практически невозможно. К тому же О. одинок: никогда не был женат, друзей не имеет и, как утверждает, не нуждается в них. Можно считать, что его отчужденность и тревож-

ность тесно связаны между собой, питают друг друга. Рецидив насильственных преступных действий со стороны О. (и подобных ему людей) довольно велик.

Тревога и тревожность могут быть рассмотрены в аспекте стресса, потому что в стрессовых ситуациях совершаются многие насильственные и неосторожные преступления. В этих случаях субъект часто вынужден действовать под сильным влиянием внешних психотравмирующих факторов и острого дефицита времени на их обдумывание и принятие решения. Поведение становится сугубо эмоциональным, а тревожность, вспыхивая мгновенно, выполняет защитные функции. Особенно неблагоприятные последствия вызывают стрессогенные воздействия у лиц с психическими аномалиями, поскольку их адаптационные возможности ниже.

Криминогенность тревожности заключается не только в том, что она включает беспокойство, субъективное ощущение своей уязвимости, незащищенности, личностной неопределенности, она детерминирует специфическое восприятие окружающей среды тоже как неопределенной, расплывчатой, неясной, чуждой и даже враждебной. Поэтому непонятны и чужды ее нормы и запреты, перестающие играть регулирующую роль. Именно совокупность всех этих аспектов образует тревожность не только как состояние, но и как устойчивую психологическую черту, личностную позицию, формирующую в конечном счете дезадаптивное поведение индивида, его отношение к миру. Очень важно подчеркнуть, что тревожная личность бессознательно проецирует свои состояния и переживания на среду и воспринимает ее уже в этом новом качестве.

Проиллюстрируем приведенные соображения на следующем примере.

П., 43 лет, образование восемь классов, ранее не судим, в 2001 г. осужден за изнасилование своей девятилетней дочери, хронический алкоголик. Никаких достоверных сведений об отце у него нет, и он его не помнит. Мать вторично вышла замуж; от этого брака она родила еще четверых детей. Жили все вместе. П. до службы в армии закончил шесть классов, в армии — еще два. Со

сверстниками П. был в основном дружен, но вспоминает, что они его дразнили «немцем». Мать его разошлась с мужем, оба брата погибли — один в автомобильной катастрофе, а второй отравился этиловым спиртом. Сестры остались жить с матерью, но с ней очень часто конфликтовали. Старшая вышла замуж, но жила с мужем плохо, время от времени они расходились; младшая «нажила ребенка от кого-то, нигде не работала, гуляла». По словам П., с матерью у него всегда были хорошие отношения.

П. вступил в брак с Л., у них родилась дочь, и он вскоре ушел в армию. За время его службы Л. с дочерью куда-то (куда — не знает) уехала, и с тех пор он жену не видел; сам же стал проживать с матерью. Лет шесть-семь тому назад (точно не помнит) дочь ненадолго приехала к нему со своим «парнем», она была беременна, через два года она еще раз приехала, с ребенком, пояснила, что с тем парнем разошлась. Через некоторое время дочь с ребенком уехали, после П. ее не видел и где она, не знает. Десять лет назад он вступил в фактические брачные отношения с Н., у них родилась дочь М. (ее он и изнасиловал), затем — дочь С., через год — дочь Ж. Однако П. считает себя отцом только М., поскольку Н. «гуляла», остальные двое детей родились от каких-то неизвестных ему мужчин. Тем не менее, он с женой окончательно не расходился. В последний раз он вновь сошелся с ней потому, что ему негде было жить, так как его из дома выгнала старшая сестра. Н. написала ему письмо в колонию, что «теперь живет с одним мужиком, но он ее бьет. Пишет, что будет ждать меня». За изнасилование М. не упрекает. Отметим, что после изнасилования П. неоднократно вступал с женой в половую связь.

Автобиографические данные убедительно свидетельствуют о сильнейшей дезадаптации П. Психологическое изучение также подтвердило, что тревожность является ведущей чертой его личности. В этом отношении рассказы П. по картинкам ТАТ настолько красноречивы, что следует привести некоторые из них полностью.

По картинке № 2 (деревенская сцена): «Пахота, будут сеять. Мужик пашет. Жена или дочь. Старшая — мать или жена, младшая — жена или дочь. Посеют и будут обрабатывать».

По картинке № 3 (женщина заглядывает в комнату): «Женщина заходит в квартиру. Этажерка с книгами, стол с настольной лампой, цветы в кувшине. Женщина, наверное, хозяйка, тревожно, ненормально. Дальше бог его знает. Если тревожно, значит, что-то там есть. Будет ли с ней нормально, то это по обстоятельствам».

По картинке № 4 (человек на полу): «Женщина сидит на полу, то ли плачет, не знаю почему. Что произошло, не знаю, всякие несчастья бывают. И любовные, и трагические, и семейные. Может, муж бросил, может, родной кто умер».

По картинке № 6 (пожилая женщина и молодой мужчина): «Мать и отец, мать и сын. Что-то случилось, какое-то горе, потрясение. Мать тревожно смотрит в окно и что-то говорит, а сын, наверное, виноват в чем-то или что. Или слушает ее, что она говорит. Она говорит неприятности. Если он попросит, она, может, ему поможет».

По картинке № 10 (мужчина и женщина): «Встреча, что ли, муж с женой, что ли, встретились, наверное, после долгой разлуки. Тревожная или радостная встреча или расставание, лица печальные, не хотят расставаться, видно, он уходит и ему неохота, он не по собственному желанию. Больше что можно сказать».

По картинке № 14 (фигура у окна): «Из темной комнаты, потушенный свет, человек смотрит на улицу. Ну и все. Наверное, у него нормально, не видно, чтобы хотел броситься. Может, и хочет выпрыгнуть в окно. Или сидит зачехляясь, или хочет выпрыгнуть из окна, бог его знает».

По картинке № 18 (мужчина, на фигуре которого видны три руки): «Мужик или пьяный, или что, и его кто-то сзади поддерживает. Что-то такое: или больной он, или толкают, или поддерживают, он или стоит, или сидит, не могу разобрать. Стоит, но неуверенно как-то».

По картинке № 20 (фигура у фонаря): «Какой-то человек стоит или идет возле столба или фонаря где-то. Руки в карманах, а что? Бог его знает. Дальше огни, провода какие-то. Я не знаю, что он там».

Из анализа жизненного пути П., его психологических особенностей, выявленных с помощью ТАТ, следует, что он представляет собой тревожно-депрессивную, пассивно-подчиненную личность. Истоки его тревожности можно связать с обстоятельствами его рождения, поскольку у него нет определенности в отношении того, кто был его отец. Это негативно повлияло на его контакты с людьми еще в детстве: дети дразнили его «немцем». В родительской семье жизнь складывалась крайне неблагоприятно, даже трагически: мать П. разошлась с мужем, оставшись с пятью детьми, двое братьев погибли, сестры конфликтовали с матерью и с ним. Очень неблагоприятными оказались семейные отношения у П. и его сестер, ни у кого из них брак не сложился. Он проявляет полнейшее равнодушие к первой, затем ко второй жене и к детям: куда уехали первая жена и дочь от нее, какова их судьба, не знает, совершенно спокойно относится к постоянным изменам Н., которая от других мужчин родила двух дочерей, а его якобы хорошее отношение к последним тоже может быть оценено как безразличное.

Н. написала ему в колонию письмо, что живет сейчас с другим мужчиной, который ее бьет. Это свидетельствует о том, что она не боится сообщать ему о таком факте, вполне обоснованно предчувствуя: подобное сообщение не вызовет с его стороны негативной реакции в силу его полного равнодушия к ней.

Рассказы П. по ТАТ со всей очевидностью говорят не только о тревожности как его личностной черте, но и о том, что в силу этой тревожности мир воспринимается им как нечто туманное, неопределенное, непонятное, аналогично он и ощущает себя в нем. Отсюда множество слов и выражений, отражающих именно такие отношения и ощущения: постоянно встречающиеся «или», «бог его знает», «не знаю», «что-то» и т.д. Он не знает, например, муж это или сын, тревожная или радостная встреча, стоит мужчина или идет. Тре-

возможность и связанная с ней крайняя, чрезмерная осторожность прослеживаются почти по всем его рассказам, обращает на себя внимание и суицидальная тенденция. Напрашивается вывод, что, если мир его непонятен, непонятны и его нормы, которые поэтому отчуждены от него. Алкоголизация П. развивалась на почве тревожности и дезадаптивности, она же оказала обратное стимулирующее влияние на его тревожность и дезадаптивность.

Учитывая все названные обстоятельства, попытаемся объяснить причины совершенного П. преступления. Оно представляет собой инцест, т. е. вступление в половую связь с ближайшим родственником. Как известно, такого рода связи, особенно в отношении собственных детей, находятся под строжайшим моральным запретом. Но П. при его тревожности, отчужденности, равнодушии к окружающим не воспринимает эти запреты, не ощущает себя обязанным следовать им. Он поступает так, как диктует ему его влечение. Его действия, следовательно, не опосредуются культурными нормами. Они носят скорее животный, чем человеческий, характер.

Мы полагаем, что при совершении изнасилований имеет место попытка **компенсации индивидуально-психологических дефектов личности**. Человек, как правило, бессознательно прибегает к насилию, а не к иным способам разрешения жизненной ситуации, чтобы компенсировать эти дефекты. Причины этих преступлений связаны с особенностями представления преступника о самом себе. Совершая насилие, он тем самым пытается изменить психотравмирующее, постоянно тревожащее представление о себе и тем повысить собственное самоприятие.

Иными словами, человек не принимает себя таким, каков он есть в собственных глазах. Причем в данном случае это связано с такой жизненно важной и сугубо интимной системой, как сексуальная сфера, отношения с противоположным полом. Неблагоприятные внешние воздействия и неудачи в этой сфере чрезвычайно болезненны, они порождают глубокое беспокойство, неуверенность в себе, опасения относительно своего будущего. Неприятие себя

в таком качестве проявляется в негативном эмоциональном отношении к самому себе, своим ролевым функциям, сексуальному статусу.

Разумеется, особенности межполовых взаимоотношений только в том случае могут угрожать самопрятию, если именно они являются субъективно ведущими в мироощущении личности, в первую очередь определяющими в «я»-концепции, т.е. выступают как необходимое условие приемлемой самооценки. Можно сказать, что когда межполовые отношения становятся субъективно наиболее значимыми, переживаемыми, это определяет фиксацию в сексуальной сфере и повышенную восприимчивость к любым элементам отношений между мужчиной и женщиной. Утверждение себя в требуемой сексуальной роли для таких насильников равносильно тому, чтобы «быть» (а неудача в этом — «не быть»), т.е. это утверждение происходит на бытийном уровне. Совершая половое насилие, они как бы подтверждают свое право на существование в собственных глазах, ибо их бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере.

Как мы уже отмечали выше, роль тревожности весьма значительна в совершении корыстных преступлений. Можно предположить, что обладание материальными благами и пользование социальными услугами придают человеку уверенность, снижают беспокойство по поводу своей социальной определенности, в какой-то мере устраняют чувство зависти. Надо отметить, что тревожность постоянно питает корыстную мотивацию, тенденцию сохранить или изменить свое социальное положение, добиться большего, чем уже есть.

Конечно, стремление достичь большего материального достатка могут испытывать и не преступники. Однако последние добиваются желаемого иным путем, поскольку они не отличаются отчужденностью и повышенной тревожностью. Человек же, испытывающий постоянную тревогу по поводу своего бытия, под страхом его утраты отмечает все требования общества. Он идет против общества, людей, их интересов и ценностей; не доверяя им, редко прибегает к их помощи и столь же редко предлагает им свою.

Не следует думать, что тревожность как личностная черта присуща лишь тем преступникам, которые совершают умышленные преступления. Исследование (осуществленное совместно с В. П. Голубевым, В. Е. Квашисом и Ю. Н. Кудряковым с помощью ММИЛ) личности преступников, совершивших неосторожные преступления при управлении автотранспортом, показало, что по психологическим особенностям эти люди являются относительно однородной категорией. Анализ психологического профиля данной группы преступников показал, что наиболее характерными для них качествами являются тревожность и ограничительное поведение.

Из сказанного становится ясно, что лица, характеризующиеся повышенной тревожностью, не могут отвечать требованиям, предъявляемым к успешному разрешению экстремальных ситуаций, например в условиях дорожного движения.

Подводя некоторые итоги, мы можем констатировать, что **тревожность, порождаясь в основном отчуждением личности, представляет такое ее свойство, которое выражается в субъективно серьезных опасениях за свое биологическое или (и) социальное существование, в беспокойстве и опасениях, страхах перед небытием, несуществованием.** Это свойство порождает подозрительность, мнительность, сверхосторожность, стремление защитить себя. Чем острее ощущение угрозы, тем меньше принимаются во внимание нравственные запреты и тем вероятнее совершение преступных действий. Тревожность может существовать не только как стабильное, фундаментальное свойство личности, но и как временное состояние. В своей массе преступников от не преступников отличает именно наличие этого свойства личности, а не временное состояние тревожности, которое может появиться у любого человека. Можно говорить о повышенной тревожности как свойстве и в том случае, когда она появляется слишком часто, не имея логической связи с реальностью.

3.2. Причины (факторы) тревожности

Сегодня уже мало кто будет отрицать, что в нашем обществе значительное, даже угрожающее распространение получили такие явления и процессы, которые дестабилизируют отношения между людьми, порождают их враждебность друг к другу, неуверенность в себе, своем социальном положении, своем будущем, неудовлетворенность настоящим, отчуждение от среды, в целом крайне неблагоприятно сказывающиеся на общественной нравственности. Нельзя сказать, что все эти опасные процессы появились только сегодня: они формировались десятилетиями продолжавшимся закабалением и закрепощением людей, развращением человеческих душ в самых жестоких, разрушительных и циничных формах. Под воздействием экономических неурядиц и провалов, растущего дефицита товаров, услуг и элементарных жизненных удобств, а также разбойничьего отношения к природе эти болезненные факторы резко обострились.

В такой ситуации человек оказывается как бы голым под напором социальных бедствий, от которых ему трудно, а подчас и невозможно защититься. Поэтому он все острее ощущает свою беспомощность, ненадежность собственного существования и все больше растет его тревожность. Она порождена не только материальной необеспеченностью, но и недостатком обычной порядочности, высоким напряжением в отношениях между людьми, их измотанностью, что опять-таки связано с этой борьбой.

Другие тревожащие обстоятельства — растущее и отнюдь не безосновательное неверие в возможность изменения жизни к лучшему, апатия и пессимизм, утрата привычных моральных и идеологических ориентиров, особенно среди молодежи, проверенных критериев оценки своих и чужих действий.

Показателем высокого уровня тревожности в обществе является пессимистичность многих радио- и телепередач, статей в газетах и журналах, критика и обвинения в которых превалируют над конструктивными мыслями и обоснованными, разумными предложениями. Почти исчезли кино- и театральные комедии, очень мало юмористической литературы, а юмор вытесняется горь-

кой сатирой. Духовная культура продолжает отступать перед заботой о хлебе насущном. Это естественно для общества, озабоченного главным образом тем, как накормить, одеть и обуть своих граждан, дать им крышу над головой, и, пока не будет решена эта главная задача, трудно ожидать выделения достаточного количества средств на развитие духовной культуры. Но именно в ней человек должен и может черпать силу и уверенность, находить точку опоры, возможности духовного роста и нравственных решений. Нельзя забывать: бедное общество бедно и духовно, что является одной из главных причин нынешнего высокого уровня безнравственности и преступности.

Огромные духовные потери мы понесли в результате борьбы с религией. Основной причиной ее подавления было то, что тоталитарное государство как политическая и идеологическая система не могло мириться с существованием другой, церковной, системы, играющей значительную роль в обществе. Однако воинствующие атеисты, будто бы занимающиеся важным делом формирования нового мировоззрения и, казалось бы, одерживающие одну победу за другой, начисто забыли, что религия — это не только вера в Бога, загробную жизнь и т.д., это еще и набор нравственных постулатов, принципов и норм, имеющих общечеловеческое значение. В религии отражена и общечеловеческая вековая мудрость, много тысяч раз проверенная и испытанная, чему убедительным свидетельством является, например, Библия. С помощью выработанных взглядов и правил религия наряду с другими социальными институтами испокон веков помогала человеку разрешать сложнейшие жизненные ситуации и, главное, воспитывала людей, формировала их нравственность, давала утешение, снимала напряжение и тревогу. Эти важные функции, несмотря на все гонения и потрясения, она не утратила и сейчас.

Конечно, не стоит преувеличивать значение религии в обеспечении высокой нравственности. Не забудем, что с именем Бога и во имя Бога совершались тягчайшие преступления, в том числе против целых народов. В недавнем прошлом да и сейчас за рубежом основная масса преступлений совершается

верующими людьми. Наивно полагать, что только с помощью религии можно обеспечить высокую нравственность и рост духовности, тем более что духовная жизнь отнюдь не сводится к религиозности людей.

Однако несомненно, что вера и связанные с ней нравственные нормы способны многих удержать от аморальных поступков и в целом религия может существенно способствовать снижению напряженности в обществе. Нельзя забывать, что религиозная психология и этика глубоко проникли в быт, в отношения людей, во многом слились с народной жизнью. Это одна из веских причин того, что антирелигиозная пропаганда иногда воспринимается как оскорбление национального достоинства.

Были и есть религиозные запреты, преступить которые считалось и считается величайшим грехом, и древнейший, главнейший среди них — «не убий». В этом строгом запрете заложены отношение к жизни как к сверхценности, непреходящей и невозполнимой, уважение и преклонение перед ней. Мы же фактически забыли, что такое отношение к жизни, к личности нужно воспитывать.

Неоднократно предпринимавшиеся попытки вместо общечеловеческой системы моральных норм «изобрести» свою были неуклюжи и бестолковы, как, например, создание мертворожденного морального кодекса строителя коммунизма. Прямое противопоставление так называемой классовой морали общечеловеческой сразу же обрекло первую на полный крах, иначе и не могло быть.

Христианская проповедь о ненасилии, любви и прощении решительно отвергалась и зло высмеивалась. Вместо нее категорически предлагалось уничтожать всех врагов, которые не сдаются, причем особенно настойчиво это внушалось молодым людям. И конечно, «враги», внутренние и внешние, отыскивались в превеликом множестве и ликвидировались решительно и в небывалых масштабах, что сделало нашу тоталитарную державу одной из жесточайших в истории. Развязанная государством война против собственного народа требовала беспощадности. О милосердии никто не заикался, прощ-

ние врага или какое-либо послабление ему расценивались как измена, бескорыстная помощь насмешливо и цинично объявлялась никому не нужной филантропией. Появились люди, готовые по приказу, даже без страсти и ненависти, убивать кого угодно, за что угодно и сколько угодно. На этом кровавом фоне христианская мораль объявлялась гнилой. Она стала неконкурентоспособной.

Одним из следствий тотального террора, развязанного в годы сталинизма государством против своих граждан, стал всеобщий парализующий страх. В этом смысле террор достиг своей цели устрашения людей. Многие из них под страхом смерти были готовы на любое преступление, лишь бы выжить или спасти своих близких.

Все это не прошло бесследно для общественной психологии и нравственности, не могло не повлиять на души тех, кто оставался на свободе. Можно ли при таком наследии, сегодняшней социальной напряженности в обществе рассчитывать на скорое смягчение нравов и улучшение общественной морали? Не в этом ли, с учетом потери многими людьми, особенно молодыми, привычных жизненных ориентиров и идеологических ценностей, уступивших место бездуховности и чистогану, причина высокого уровня насилия, вспышки сопровождающихся особой жестокостью разбойных нападений и вымогательств? Ведь материальные притязания в сочетании с бездуховностью и низкой нравственностью требуют своего удовлетворения немедленно и любыми средствами.

Социальная напряженность в обществе усиливается в связи с резким и неожиданным для большинства расслоением общества, что оказалось весьма болезненным при господствовавших на протяжении десятилетий уравниловке и усиленно внедрявшейся побасенке о грядущем всеобщем равенстве людей. Неравенство порождается не только значительным разрывом в доходах различных групп населения, что совершенно естественно, но и тем, что дефицитными товарами и престижными услугами может пользоваться лишь

определенная категория людей, как правило, и так отличающаяся высоким материальным достатком.

Обостряется неравенство в положении пожилых людей. Средний размер государственной пенсии сейчас не обеспечивает прожиточного минимума. Основная масса пожилых людей подчас лишена самого необходимого. Стоит ли после этого удивляться тому, что в нашей стране бурно растет число бродяг и нищих, среди которых самую заметную группу составляют инвалиды и престарелые.

Особенно неблагоприятно социально-экономическое положение молодежи из необеспеченных и малообеспеченных семей, которой почти наглухо закрыт доступ к модным и престижным вещам, обладающим в их глазах огромной притягательной силой. Вместе с тем их информированность об этих земных благах благодаря телевидению, печати и социальной мобильности исключительно высока, а поэтому столь же значительны у них чувства зависти, ущемленности, выброшенности. Это может их толкать и толкает на совершение погромов, краж, грабежей и разбоев, проявляемые же при этом ожесточенность, агрессивность и вандализм служат средством психологической компенсации пережитых унижений.

По мнению некоторых экономистов, степень имущественного неравенства у нас значительно выше, чем в развитых странах. В США, например, около 80% населения составляют богатые и обеспеченные люди, а в России примерно такой же удельный вес малообеспеченных и просто бедных.

Не забудем при этом, что и обеспеченность, и бедность в других странах и у нас, если можно так выразиться, совершенно разного содержания.

Экономическое неблагополучие и социальное расслоение общества порождают конфликты, которые вызывают новые конфликты и т.д. Почти всегда в той или иной мере они связаны с правонарушениями. Бесспорен факт нарастания социальной напряженности. Акции гражданского неповиновения, прямого насилия над людьми, причем и со стороны неформальных объединений,

число которых растет, демонстрации и митинги протеста, забастовки стали чуть ли не ежедневным явлением.

Появившиеся у нас богатые люди, достаток многих из которых отнюдь не законного происхождения, стали объектом вымогательства. Чаще всего богатые люди — это предприниматели, банкиры, торговцы и некоторые другие. В крупных городах они часто становятся жертвами убийств, вымогательств, применения пыток. Угроза стать жертвой насилия, опасения за жизнь и здоровье своих близких не могут не стать причиной тревоги и страха у этих людей, не толкать некоторых из них на противоправные поступки в целях самозащиты. Отметим в связи с этим, что государство очень плохо защищает от преступных посягательств людей вообще, обеспеченных в частности.

Заметное расслоение общества ведет к тому, что люди, не обладающие нужным материальным достатком и не получающие психологической компенсации, начинают испытывать серьезное беспокойство по поводу своих социальной определенности, социального положения, места в социальной среде, что, как мы попытались показать выше, может стимулировать совершение корыстных преступлений. Вымогательства и кражи у богатых или просто у людей с достатком могут выступать в качестве попытки преодоления разницы в материальной обеспеченности и социальной устроенности.

Постоянный источник тревоги и страха — межнациональные конфликты, ставшие, к величайшему сожалению, страшными реалиями сегодняшнего дня, необъявленной войной без правил, где господствует грубая сила и слепая ярость. Льется кровь невинных людей, причём, прежде всего, страдают наименее защищенные — женщины, старики, дети. В межнациональных столкновениях наблюдаются отвратительные сцены насилия.

У конфликтующих сторон формируется пагубное и ни на чем, в сущности, не основанное убеждение в том, что люди «враждебного» народа — это вовсе не люди или совсем не такие, как все, и прежде всего «мы». Они непривлекательны, мерзки, лживы, грязны, глупы, вероломны, агрессивны и т. д., поэтому с ними можно обращаться как угодно, делать с ними то, чего они «за-

служили». На них, стало быть, не распространяются «наши» моральные запреты и предписания, их можно грабить, убивать, насиловать, унижать их человеческое достоинство, уничтожать жилище и имущество, изгонять неизвестно куда — ведь они же не обладают тем «превосходным» и «настоящим» набором прав и достоинств, которые, конечно же, есть у своего народа, у «нас».

В настоящий период межнациональные конфликты возникли не только потому, что ранее соответствующие отношения не были урегулированы на демократической основе, а государственный статус и национальные границы определены произвольно. С распадом СССР резко ослабла высшая власть («верховный правитель»), которая могла насильно заставить выполнять свои решения и не терпела никакого противодействия. Между тем угольки национальной вражды давно тлели под сладкоголосое хоровое пение о новой исторической «общности» — советском народе.

Причиной высокой тревожности в обществе являются не только межнациональные распри, достигающие кровавой развязки, но также конфликты, выражающиеся и в других, но тоже опасных формах, таких как неприязнь, недоверие, пренебрежение, презрение к представителям других наций, насмешки и издевательства над ними. Все это (например, антисемитизм) вызывает глубокие страдания, оборонительную, в том числе в виде агрессии, реакцию. Подобные отношения наиболее пагубны для детей и подростков, поскольку формируют у них (обычно на всю жизнь) ощущение враждебности среды, собственной незащитности, неполноценности, неуверенности. К чему это может привести, мы уже говорили выше.

Социальная напряженность, выступающая питательной почвой повседневных конфликтов, нередко ведущая к убийствам, телесным повреждениям, хулиганству и другим преступным действиям, вплетена в повседневные отношения людей. Эти отношения часто связаны со взаимными неуважением, жестокостью, грубостью, невниманием, недоверием, неуступчивостью, ци-

ничностью и т.д., одним словом, со всем тем, что каждый день отравляет жизнь человеку.

Многие дети приходят в этот мир нежеланными. Их ненужность часто запрограммирована еще до рождения житейской неустроенностью и неприкаянностью, болезнями и неудачами родителей, неуверенных в себе и своем будущем, а поэтому испытывающих острое беспокойство и тревожность. «Случайные» дети на всю жизнь могут оставаться «нежеланными», отторгнутыми, выброшенными.

Иногда дети чувствуют себя ненужными и потому, что родители, и в первую очередь матери, слишком заняты по работе, а это составляет одну из наиболее важных и распространенных причин детской безнадзорности и беспризорности. В таких семьях они лишены необходимых заботы, внимания и попечения, формирование и развитие их личности происходит как бы без участия родителей. Конечно, бывает и так, что трудовой занятостью и даже общественными обязанностями отец или мать оправдывают (в том числе в своих глазах) подлинное нежелание заниматься своим ребенком. Но в большинстве случаев при низком материальном обеспечении без заработка матери семья попросту не сможет существовать. В связи с этим очень многие женщины вынуждены много работать, что особенно пагубно для многодетных семей.

Поэтому необходимо осознать, что воспитание детей — самый главный женский труд и именно он должен быть важнейшей жизненной обязанностью женщины. Десятилетиями мы бездумно вовлекали женщин в общественное производство (ещё и, похваляясь, что платим им наравне с мужчинами), не считаясь с их природой и подлинными интересами, а в итоге получили растущую детскую беспризорность и высокий уровень преступности несовершеннолетних, как следствие — бурный рост преступности в целом. Думается, что с этим же можно связать детскую смертность, многие соматические и психические болезни людей.

Высокий уровень тревожности человека может быть связан с некоторым ослаблением компенсирующих возможностей его семьи. Это связано не только с низким заработком во многих семьях и с их материальной нуждой. Невозможность или крайняя затрудненность обеспечить свою семью и себя, выбраться из нужды обесценивают человека, особенно мужчину, унижают его, снижают его самоуважение и уважение к нему окружающих, его социальный статус в целом, формируют тревогу за судьбу семьи.

Заметный ущерб существующее положение нанесло мужчине, которого теперь отцом семейства чаще называют с оттенком насмешки. Он во многом перестал быть той фигурой, которая передает ребенку уверенность в жизни, в определении путей и базовых ценностей, тем лицом, которое способно обеспечить эффективную защиту, в том числе психологическую, своей семьи, и особенно детей. Снижение авторитета отца не позволяет ему, как в прежние времена, столь же успешно и твердо руководить поступками детей, контролировать и направлять их. Отец семейства нередко не может один обеспечить свою семью. Заработок матери, поддержка родственников мужа и жены становятся совершенно необходимыми. Но вместе с тем все они в соответствии со степенью своего участия, включая материальное, в делах семьи получают право решать ее проблемы, в том числе активно вмешиваться в воспитание детей. Очень часто из-за этого образуется ситуация «семи нянек», а воспитывающая, обеспечивающая роль отца сводится к минимуму.

В целом современная семья проявляет серьезные симптомы неустойчивости и дезорганизованности, выражающиеся во внутреннем разладе, отсутствии прочных материальных и эмоциональных связей. Это выступает одной из основных причин роста числа разводов и уходов из семьи, падения рождаемости, увеличения числа неполных и неблагополучных семей, изоляции семьи от общества, возрастания числа неврозов семейно-бытового происхождения, уменьшения престижа семейных ценностей и увеличения числа одиноких в брачном возрасте.

Высокая тревожность может порождаться социальной мобильностью людей. Мы имеем в виду, прежде всего, переезды их на новое место жительства. Новые условия жизни всегда требуют более или менее длительной адаптации, привыкания, установления контактов с новыми людьми, определения своего места в новом микроокружении. Адаптация далеко не всегда проходит гладко, она может осуществляться с большими трудностями или вообще не состояться в силу низких адаптивных возможностей самого человека. В том и другом случае он может испытывать неуверенность, беспокойство, опасение, чувствовать себя в новых условиях не защищенным, непонятым, ненужным.

Поэтому возрастают его подозрительность, мнительность, ожидание неприятностей и даже агрессии: ему начинает казаться, что его не любят и не ценят, смеются над ним или в лучшем случае равнодушны к нему, не принимают его, что он был и остается чужаком. Так нарастает напряженность, множатся страхи и как следствие желание защитить себя, отомстить обидчику, мнимому или действительному, острая зависть к другим, живущим лучше, комфортнее, богаче, решимость добыть средства или занять положение любым путем, лишь бы не выглядеть хуже, чем окружающие. Под влиянием таких переживаний многие молодые люди всеми путями стремятся проникнуть в группы, жизнедеятельность которых им кажется эталоном. Чтобы удержаться в качестве их членов, они готовы пойти даже на преступления.

Перечисленные факторы в значительной мере объясняют **причины совершения преступлений приезжими и недавними жителями крупных и сверхкрупных городов.** Преступность среди некоренных жителей, как показывают некоторые выборочные исследования, в частности наши, выше, чем среди постоянных жителей.

Повседневную тревожность людей порождает страх перед преступниками. Это тем более важно отметить, что растет число насильственных преступлений, включая совершаемые подростками и женщинами. Особую тревогу вызывает то, что повсеместно возрастает количество преступлений, совершен-

ных с особой жестокостью, когда жертве причиняются исключительные страдания и мучения.

Особая жестокость нередко проявляется в убийствах на бытовой и семейной почве. По выборочным данным, перед совершением почти половины бытовых убийств жертвам наносилось множество телесных повреждений, почти в 70% случаев истязания длились в течение полутора — пяти лет.

В 40% убийств жертве причинялось от 30 до 300 телесных повреждений.

Чаще всего жертвами особо жестоких преступлений становятся женщины (до половины потерпевших) и несовершеннолетние (каждый 10-й), в том числе малолетние. Крайние формы жестокости имеют место и при нанесении тяжелых телесных повреждений.

Жестокость сопровождает и некоторые хулиганские проявления. Так, она часто наблюдается при массовых хулиганских действиях молодежных групп (Москва, Казань и др.). Подобное массовое хулиганство — относительно новое явление. Жестокие увечья, истязания и другие аналогичные насильственные действия можно наблюдать при разбойных нападениях на жилища граждан, на улице, в транспорте и в других общественных местах.

Не могут не привлекать внимания многоэпизодные жестокие убийства на сексуальной почве, как правило, женщин и детей, причем многие из них совершаются в течение длительного времени. Такие преступления, несмотря на вызываемые ими огромный общественный резонанс и всеобщее возмущение, раскрываются очень плохо, а их продуманная профилактика вообще отсутствует.

Крайние формы жестокости, имеющие место при убийствах, изнасилованиях, нанесении телесных повреждений, учинении хулиганских действий на почве повседневных бытовых и семейных конфликтов, отличаются особой ожесточенностью, неистовостью и почти всегда сопряжены с пьяным разгулом. Раньше нередко убивали, чтобы завладеть дешевыми наручными часами или дрянным пальто; ворвавшись в дом и учинив насилие над хозяевами, тут же выпивали всю водку. Сейчас «ставки» при разбойных нападениях повыси-

лись, но стала изощрённой проявляемая при этом жестокость. Однако ошибочно полагать, что рост жестокости произошел только за счет этих «обыденных» преступлений. К сожалению, появились новые грозные реалии. Мы имеем в виду вымогательства (рэкет) и насильственные преступления, совершаемые представителями организованной преступности.

В стране не развилась психотерапевтическая, психокоррекционная служба, которая могла бы оказывать помощь населению, как во всех развитых странах. Лица, для которых характерны сложные внутренние конфликты и переживания, как правило, интимного характера, лишены квалифицированной, профессиональной помощи. Между тем, как показывает наше изучение насильственной и сексуальной преступности, именно такие личностные противоречия и глубокие психические травмы являются причиной многих жестоких преступлений.

Высокий уровень социальной напряженности сохраняется и в **местах лишения свободы**. Помимо «естественных» причин, связанных с неволей, такое положение порождается совершенно неудовлетворительными условиями жизни осужденных, а также слабой психолого-педагогической подготовкой сотрудников исправительно-трудовых учреждений. Они почти не используют специальные методики индивидуального воспитательного воздействия на тех, кто отбывает наказание, недостаточно изучают конкретную личность и прожитую ею жизнь, не умеют помочь в решении очень сложных жизненных проблем. По этой причине внутренняя психологическая напряженность, тревожность таких лиц, уже приведшая их к преступным действиям, не только не снижается, но под влиянием неблагоприятных условий мест лишения свободы даже может возрастать. Это повышает риск рецидива таких действий.

Вообще в исправительно-трудовых учреждениях тревожность людей значительно возрастает. Именно этим можно объяснить постоянное эмоциональное напряжение многих осужденных, напряженность в отношениях между ними, между ними и представителями администрации, аффективные взрывы, острые конфликты, порой переходящие в преступные действия, которые не-

редко возникают по внешне ничтожным поводам. Для преступников характерны бурные реакции, они возмущаются, кричат, угрожают, чего-то требуют. Однако внимательный взгляд на их поведение позволяет установить, что значительная часть из них отнюдь не преследуют конкретные, так сказать, внешние цели, они просто хотят снять внутреннее напряжение, выплеснуть его. Постепенно такой стиль поведения, равно как и уровень тревожности, становится привычным, сохраняясь даже после освобождения от наказания и оказывая сильное влияние на повторное преступное поведение.

Какие же **объективные факторы** порождают такие субъективные состояния? Прежде всего, изоляция от общества, резкое изменение привычного образа жизни, насильственное помещение в новые, необычные и значительно более худшие условия, поскольку человек теряет свободу. Но это самый общий взгляд на проблему. Надо выделить отдельные и существенные моменты, поставив вопрос: какое же, собственно, наказание отбывает осужденный в местах лишения свободы, да и что такое вообще лишение свободы?

Лишение свободы — это существенные ограничения в передвижении, в общении и выборе вида труда, что порождает определенные права и обязанности осужденных, регламентацию их жизни. Однако беда нашей исправительной системы и ее основной недостаток в том, что некоторые провозглашенные цели, принципы и формы не совпадают с фактическим исполнением уголовных наказаний. Дело в том, что, лишая свободы, государство подвергает человека таким страданиям, которые юридически не вытекают из данного вида наказания. В силу традиционно низкого уровня материальной обеспеченности людей, отсутствия правовой культуры и демократических традиций, привычного взгляда на преступника как на существо, не нуждающееся даже в простейших жизненных удобствах, над тем, что же такое — лишение свободы, мало кто задумывается.

Прежде всего, остановимся на жилищных условиях осужденных. Как правило, они живут в огромных, не разделенных на комнаты или иные помещения

бараках, в которых обитает до 100, а иногда и более человек, причем часто койки расположены в два яруса.

Наши многолетние наблюдения свидетельствуют о том, что проживание в подобных общежитиях наносит огромный, подчас непоправимый вред личности, а значит, и делу исправления и перевоспитания осужденных, является одной из причин нарушений режима, совершения правонарушений. Постоянно, круглые сутки находясь среди других лиц, осужденный становится как бы голым, он в значительной мере лишается возможности уединиться, уйти в себя, сосредоточиться, задуматься о себе, содеянном, своей вине, своей жизни, ее перспективах, об ответственности перед близкими и т.д. Между тем это особенно важно именно для тех, кто грубо нарушил основные моральные и правовые запреты. Создается известный феномен одиночества в толпе, когда вокруг всегда много людей. А тех, с кем можно поговорить, поделиться, кому можно довериться, нет или почти нет. Это одна из основных причин того, что осужденные испытывают острое одиночество, психологическую отчужденность, недоверие к окружающим.

Проведенное нами специальное исследование показало, что по сравнению со свободными людьми среди преступников значительно больше доля тех, кто ощущает себя изолированным, вытолкнутым за пределы человеческого общения и бессознательно воспринимает среду как непонятную, чуждую и даже враждебную. Именно у таких преступников особенно часты весьма красноречивые ответы: «Других людей я вообще не понимаю»; «Я всегда стараюсь скрыть от других свои чувства, желания, побуждения»; «Очень хочу жить тихо, незаметно»; «Очень стремлюсь бывать в местах, где наверняка никого не встречу»; «Почти всегда испытываю состояние, когда мне ни с кем не хочется встречаться»; «Друзей у меня вообще нет»; «Я никогда не нуждаюсь в помощи других людей» и т.д.

Все эти состояния и переживания во многом вызываются именно одиночеством в толпе, стадным образом жизни, скученностью в общежитиях, совершенно ненужной открытостью каждого, отсутствием даже простейших при-

крытий для интимных сторон жизни. В этих условиях понятие простого житейского стыда, о котором мы иногда забываем, но который, тем не менее, несет немалую воспитательную и этическую нагрузку, почти исчезает.

Значительно усугубляются уже сформировавшиеся негативные особенности личности, снижается ее самооценка, самоценность, происходит ее огрубление, усиливается психологическая незащищенность и в то же время создается почва для конфликтов между осужденными и их группами.

Что касается других бытовых условий, то в колониях они крайне скудны, примитивны, убоги, неизмеримо хуже, чем у населения вообще. Это относится к питанию, лечению, санитарно-гигиеническому обслуживанию, развлечениям и т.д.

Конечно, можно возразить, что мы имеем дело с преступниками и их надо держать в суровых условиях, чтобы им впредь неповадно было преступать уголовные законы. Но вопреки распространенному обывательскому представлению об исключительной целительности суровости и ненависти к преступникам наука давно известно, что самые жестокие наказания, как и угроза их применения, отнюдь не удерживают от преступного шага и тем более не способны кого-то перевоспитать. Оставаясь в рамках закона, позволительно поставить вопрос: если суд приговаривает «только» к лишению свободы, то почему осужденный вынужден жить в многолюдном бараке, в условиях скученности, недоверия и враждебности, пользоваться лишь примитивнейшими услугами, плохо питаться, не получать необходимого лечения и т.п.?

Обратимся теперь к другой стороне жизни лишенных свободы, быть может, не менее существенной, чем физические условия их существования. Мы имеем в виду отношения с другими осужденными, точнее, негативное, антиобщественное, развращающее влияние одних преступников, как правило, наиболее опасных, на других, унижения, порой глубокие и беспредельные, в самых изощренных, издевательских и садистских формах. Некоторые осужденные, даже загнанные в угол, далеко не всегда находят защиту и у админи-

страции, а иногда просто боятся к ней прибегнуть и уж, разумеется, не могут рассчитывать на снисхождение или милость своих мучителей.

Специальные наблюдения показывают, что значительная часть взятых под стражу или направляемых в колонию, особенно в первый раз, боятся не представителей администрации и не следственных изоляторов или колоний с их камерами, решетками и т.д. В этот момент они мало думают и о предстоящей каре. Больше всего они страшатся тех, с кем придется вместе отбывать наказание, тюремных обычаев и традиций, которые успешно конкурируют с официальными правилами и предписаниями. Их страхи небеспочвенны, поскольку некоторые лица выталкиваются, изгоняются из среды осужденных, опускаются ими на самое дно, причем почти всегда в наиболее оскорбительной форме. Это побои, нанесение телесных повреждений, издевательства, насмешки, гомосексуальное насилие.

Пресс унижительного положения отвергнутых не ослабевает никогда, и если в данный момент открыто не попирают их человеческое достоинство, то делают это в иной форме: с ними попросту не общаются, им не позволяют сидеть и стоять рядом, обедать за одним столом, дотрагиваться до дверных ручек и проч. Запрет на общение распространяется на всех «отверженных», контактировать они могут лишь друг с другом. Такой оскорбительный статус практически всегда закрепляется за определенным лицом на весь срок пребывания в местах лишения свободы, и изменить такое положение невозможно. Ярлык «отверженного» следует за ним и в случае его перевода в другую колонию, помещения в больницу, а очень часто и после выхода на свободу. Не случайно некоторые из них, сознавая безысходность и трагизм собственного положения, убивают своих обидчиков или совершают побег.

Вернемся к еще одному аспекту негативного влияния среды на осужденного — **криминогенному заражению его личности антиобщественными идеями**, взглядами и представлениями, влиянием более опасных и опытных преступников. От таких явлений существующая система защищает плохо. По-

этому расхожая житейская сентенция, что тюрьма — школа преступности, имеет веские основания.

Все насилия, унижения и преследования одних осужденных другими находятся в вопиющем противоречии с законом и исправительно-трудовой политикой. Отнюдь не к такому наказанию приговаривает суд, лишая свободы, но это — реальность, с которой нельзя не считаться.

Вот почему есть все основания утверждать, что, приговаривая к лишению свободы, суд тем самым заставляет осужденного жить в явно ненадлежащих жилищно-бытовых условиях, нередко в отдаленных местностях с весьма суровым климатом. Причем не обеспечиваются в должной мере его питание, лечение и т.д., а также личная безопасность, защита чести и достоинства, из-за чего некоторые становятся жертвами насилия и издевательств.

Итак, непосредственную **причину** преступного поведения в целом и причину роста количества преступлений за последнее время в частности мы видим в возрастании трудностей жизни, напряженности в межличностных и межгрупповых отношениях, в тревожности и беспокойстве людей, в их неуверенности в своем социальном положении и дальнейших перспективах, слишком значительном объеме забот для решения повседневных и обыденных проблем.

А. В. Мень писал, что наш дом разворочен, взорван и ограблен. Да, он действительно разворочен, взорван и ограблен, но разве в осознании и открытом признании этого не заключены основа для оптимизма, возможность веры в то, что даже наши невероятные трудности преодолимы? Разве история не убеждает в том, что на смену кризису и даже разложению приходят подъем и процветание, являющиеся фундаментом высокой нравственности? Впрочем, кто знает, сколько будет длиться «зима тревоги нашей»...

Глава 4. Мотивы преступного поведения

4.1. Ради чего совершаются преступления

Мы приступаем к анализу последнего звена причинной цепочки, которое после отчуждения личности и ее повышенной тревожности непосредственно предшествует преступному поведению, — **мотива**. Несмотря на его огромное значение для понимания человеческого поведения, он еще не привлек к себе должного внимания отечественных психологов. Что касается криминологии, призванной объяснять преступное поведение, то его познание еще не совсем вышло из круга обыденных представлений, основанных, прежде всего, на здравом смысле, а не на результатах научных исследований. Юристы полагают, что преступления совершаются главным образом из корысти, мести, ревности, хулиганских побуждений, не очень задумываясь над тем, какие глубинные психологические и внешние социальные реалии они отражают, в чем их субъективный смысл.

Разумеется, указанная цепочка довольно условна, поскольку основные мотивы, ведущие мотивационные тенденции формируются в том же процессе, в котором возникают черты отчужденности личности и ее тревожность. Отчуждение, начавшееся с отвергания родителями ребенка, порождает тревожность как личностное свойство, а она — мотивы преступного поведения, связанные с «охраной» биологического или (и) социального существования индивида. Социальная дезадаптивность и тревожность в связи с теми или иными событиями в жизни человека или вследствие развития у него психических аномалий могут возрастать. Соответственно большую значимость приобретают и порожденные, обусловленные этими явлениями мотивы.

Напомним, что многие преступники не отвергались родителями в детстве и не отличаются тревожностью. Они были любимы, «приняты» ими, но именно эмоционально близкие родители передали им негативные нравственные представления и образцы поведения. У таких лиц мотивы преступлений не порождаются социально-психологической изоляцией и тревожностью. Они

отчуждены от широкой социальной среды и ее ценностей, но вполне адаптированы в малых социальных группах и общностях.

В целом же мотивы преступного поведения нельзя понять вне связи с прожитой человеком жизнью, теми влияниями, которым он подвергался и которые определили его личностные особенности. Мы утверждаем, что **проблема мотивов — это во многом проблема их происхождения**, их обусловленности внешними и внутренними факторами в ходе индивидуальной истории личности. В мотивах воспроизведено, отражено, прежде всего, содержание раннесемейных отношений, а затем и последующих событий. Отношения и события детства обретают новую форму существования и, реализуясь через мотивы в поведении, являются своего рода ответом на них, их продолжением или следствием. Если же не связывать мотивы со всей жизнью индивида, то можно прийти к абсурдному выводу, что любой мотив возникает мгновенно под воздействием актуальной ситуации. Подобный вывод означал бы, что мотивы не имеют личностных корней.

Конечно, нет жесткой и однозначной зависимости между условиями жизни, содержанием мотивов, совершением преступлений. Однако неблагоприятные условия формирования личности оказывают определяющее влияние на дальнейшую жизнедеятельность человека.

Итак, мотивы выражают наиболее важные свойства и черты, потребности и стремления личности. Поэтому обоснованно утверждение: каковы мотивы, такова и личность, и наоборот, а поэтому они являются наиболее полной и точной ее характеристикой. Это тем более верно, что мотивы не только то, что побуждает к определенному поведению, но и то, ради чего оно совершается, в чем его внутренний смысл для действующего субъекта («Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет» (Марк Аврелий)). На это мы обращаем особое внимание потому, что отдельные исследователи под мотивами понимают любые стимулы, в том числе внешние, способные вызвать или активизировать поведение. Для решения вопроса об ответственности, в частности уголовной, человека за свои поступки это чрезвычайно важно, по-

скольку, рассуждая логически, мы можем утверждать: он не должен отвечать за те действия, причины которых лежат вне его.

Однако содержание мотивов не может быть сведено и к отдельным психическим свойствам (потребностям, чувствам, интересам и т.д.), несмотря на то, что они играют существенную роль в мотивации и очень часто проявляются именно в отдельных мотивах. Например, в насильственном преступном поведении весьма заметна роль эмоций, особенно тех, которые отличаются интенсивностью, яркостью, длительностью. Обычно эмоции отражают в мотивации острые противоречия между личностью и средой, конкретной жизненной ситуацией. Однако простая констатация гнева, ярости или ревности еще далеко не раскрывает содержание мотивов, поскольку она не дает ответа на вопрос о том, каков субъективный смысл совершаемых действий. Пытаясь понять мотив, нельзя, на наш взгляд, ограничиваться указанием на то, что в момент совершения преступления виновный испытывал сильнейший приступ гнева, хотя эта эмоция оказывает значительное влияние на принятие решения.

Состояния гнева, возмущения и т.д. можно расценивать как свидетельство слабой приспособленности личности к среде, ее недостаточной адаптированности. Не случайно многие исследователи справедливо отмечают повышенный эмоциональный характер преступлений, совершаемых подростками. Для них характерны слабая адаптация к жизни, неумение преодолевать трудности и как следствие повышенная тревожность. Помимо прирожденных особенностей, ее формирует то обстоятельство, что молодые люди еще не нашли стабильного места в жизни, часто попадают в ситуации сложного выбора, стоят перед необходимостью обретения основных ориентиров, имеющих кардинальное значение для их жизни. Не забудем и отсутствие или недостаточность психологической и материальной поддержки со стороны родителей в переходный период жизни несовершеннолетних.

В мотивах конкретизируются потребности, которые не только определяют мотивы, но и изменяются и обогащаются вместе с изменением и расширени-

ем круга объектов, служащих удовлетворению данных потребностей. Это, естественно, означает изменение и обогащение самой личности, особенно если нравственны способы реализации мотивов. У одного человека не может быть беспредельного числа мотивов, но богатство мотивационной среды, а стало быть, и самой личности проявляется в их разнообразии и взаимодополняемости. При таком положении они могут не только «сотрудничать», но и усиливать или ослаблять друг друга, вступать во взаимные противоречия, следствием чего может быть непоследовательное, даже правонарушающее поведение. Но гораздо хуже, когда мотивы вступают в конфликт с нравственными нормами, регулирующими способы их удовлетворения. Именно в этих случаях чаще всего наступает преступное поведение.

Мотивы — явление психологическое, но они могут формироваться лишь при условии вступления человека в разнообразные отношения с окружающими, его включенности в общественные связи. Поэтому можно сказать, что они присущи только личности и представляют для нее канал связи со средой. В нем отражается то, как человек воспринимает мир, что он видит в нем, какие цели преследует, насколько близок к нему и людям, насколько ценит их и свое место среди них. Чем беднее этот канал, тем отчуждённее индивид, тем слабее его социальные связи.

Следует допустить, что криминогенное значение имеет немногочисленность мотивов. Основанием для подобного предположения, помимо общетеоретических соображений, служат некоторые эмпирические данные о том, что у так называемых общеуголовных преступников (убийц, грабителей, разбойников, хулиганов) по сравнению с законопослушными гражданами заметен уже спектр мотивов и соответственно способов их реализации. Блокирование даже одного из наиболее значимых мотивов при общей скудости их набора вызывает не только психотравмирующие переживания, но и большее отчуждение от среды и социальных норм, регулирующих поведение. Все это повышает вероятность совершения преступных действий.

Мотив, представляя собой одну из психологических форм отражения действительности, лежит как бы внутри поведения. Он пронизывает все его содержание и проявляется на всех его этапах, соединяя поведение с личностью.

Мотив — внутренняя непосредственная причина преступления, выражающая личностное отношение к тому, на что направлены преступные действия.

Хотя мотив не может формироваться без влияния внешних условий, он не является лишь простым передатчиком этих условий, существовавших в различные периоды жизни человека. Можно сказать, что, испытывая влияние биологических и личностных особенностей, мотив олицетворяет единство объективного, социальной среды, и субъективного, личностных качеств, в которые трансформировались и через которые преломились объективные обстоятельства. В то же время он образует особое личностное свойство, в котором фокусируются ее ведущие жизненные тенденции. Поэтому мотив и зависим, и автономен.

Очень важно отметить, что нет мотивов, которые порождали бы только преступное поведение. В этом смысле мотивы нейтральны. Следовательно, прокурор, суд, а затем и работники исправительно-трудовых учреждений, как правило, квалифицируют мотив в рамках содержащейся в уголовном законе «номенклатуры» мотивов. При этом практически игнорируется то обстоятельство, что многие мотивы не являются специфически криминогенными, так как могут определять и не преступное поведение. Нередко даже в тех случаях, когда указываются, казалось бы, специфически криминогенные мотивы, например хулиганские побуждения, оказывается весьма неопределенным их содержание как непосредственных побудителей именно данных, а не каких-либо других преступных действий.

Сами мотивы не могут быть преступными. Преступным способно быть только поведение, а оно зависит от выбора средств для реализации мотивов, от нравственной направленности личности, от ее солидарности с правовыми нормами, от прियтия их. По нашему мнению, **изучение мотивов преступного поведения всегда должно осуществляться в тесной связи с анализом**

личности преступника, их понимание всегда должно вытекать из понимания самой личности, ее сущности. Лишь подобный подход позволит вскрыть, почему данный мотив свойствен именно данному человеку. Таким путем может быть реализован переход от констатации неспецифичности мотива только преступления к признанию его специфичности, закономерности для конкретного индивида.

В качестве психологического явления мотивы не могут быть и антисоциальными (асоциальными, псевдосоциальными), поскольку это не более чем их внешняя оценка, не раскрывающая их сути. Точно так же не следует, на наш взгляд, считать антиобщественными некоторые потребности личности. Таковыми безоговорочно не должна признаваться даже потребность в наркотиках, нужда в которых может быть велика, например, при болезни. Вот почему неверно утверждение о том, что тяжкие преступления порождаются антиобщественными, т.е. более опасными, мотивами, а менее тяжкие — асоциальными, т.е. менее опасными.

Рассмотрим так называемые **псевдосоциальные мотивы**, в основе которых лежит предпочтение норм, интересов и ценностей отдельных социальных групп, противоречащих охраняемым законом нормам, интересам и ценностям общества в целом. К типичным мотивам такого рода обычно относят «ложнотоварищеские» — в межгрупповых агрессивных-насильственных столкновениях, групповых хулиганских действиях, «ведомственно-корпоративные» — при совершении должностных и хозяйственных преступлений, а также преступлений против правосудия (например, должностные подлоги, укрывательство преступлений).

Анализ псевдосоциальных мотивов не может ограничиваться констатацией противоречивости интересов группы интересам общества. Поскольку в каждом случае виновный знает, что такой конфликт имеется и своими поступками он нарушает уголовно-правовой запрет, их мотив надо искать в том, в чем именно заключен для него смысл преступных действий, что он психологически выигрывает, совершая их. Вот почему мотивом является не ложно поня-

тый интерес группы, а определенная польза для себя, хотя преступник не всегда четко осознает, в чем именно она состоит. Таким образом, мы приходим к выводу, что нет ложно понятых групповых интересов, выступающих в качестве так называемых псевдосоциальных мотивов, т.е. преступник не ошибается в правовой и нравственной оценке этих интересов, а есть потребность утверждения, улучшения своего социального статуса, подтверждения собственного социального бытия, наконец, страх быть низвергнутым или уничтоженным системой, если не пойти ей на уступки, даже поступаясь собственной совестью.

Именно в этом мы видим мотивы, например, грубейших нарушений законности, массовых репрессий. Рассуждения о пользе репрессий для Родины, социализма и партии или борьбы с преступностью не более чем маскировка подлинных стимулов. Конечно, некоторые люди могут даже поверить в такие свои побуждения, но в подавляющем большинстве случаев это будет то, что в народе попросту называют шкурным интересом. Это очень точное выражение, подразумевающее спасение собственной шкуры под видом борьбы за якобы общий интерес.

Можно ли говорить о неадекватных мотивах, т.е. о сугубо индивидуальных, свойственных данной личности и не соответствующих тем ситуациям, в которых они реализованы? О таких мотивах упоминают в тех случаях, когда, казалось бы, ничтожные поводы вызывают разрушительные и яростные вспышки, взрыв страстей. Чаще всего виновными в таких случаях бывают лица с психическими аномалиями, которые не могут управлять своими эмоциями. Ставить вопрос о существовании подобных мотивов можно лишь с очень большой долей условности, помня о том, что каждая объективно существующая ситуация всегда воспринимается с субъективных позиций. Со стороны мотив может расцениваться как неадекватный внешним условиям, но он всегда будет строго соответствовать особенностям данной личности, потому что это ее мотив.

Эти, казалось бы, сугубо теоретические конструкции имеют, тем не менее, колоссальное практическое значение для правосудия, для эффективного исправления и перевоспитания осужденных, предупреждения рецидивной преступности. Сейчас одно из важных требований закона об установлении мотива преступления остается почти нереализованным в своей основной функции — функции непосредственного предмета исправительного воздействия, а следовательно, и предупреждения рецидива.

Указываемые в приговорах мотивы преступлений по своему значению чаще всего являются внешними социальными оценками приписываемых преступнику побуждений, не характеризуют смысл, суть самих побуждений. Особенно ярко это выявляется в отношении осужденных к справедливости вынесенного им приговора (наказания). Их отношение в огромной степени зависит от того, насколько суду и следствию удалось выявить и сформулировать истинные мотивы преступных действий обвиняемого.

Чаще всего суду и следствию не удается раскрыть мотивы преступления, в том числе по той весьма распространенной причине, что данному вопросу они попросту не придают никакого значения. Это одна из веских причин того, что подавляющее большинство преступников считают приговор и наказание несправедливыми, а себя не признают действительным источником наступивших общественно опасных последствий. Они искренне убеждены, что действительными виновниками являются потерпевшие, свидетели, жизненные трудности и иные обстоятельства, виновными же себя признают лишь формально. Понятно, что при таком отношении трудно рассчитывать на осмысление содеянного, раскаяние, стремление исправиться.

Отдельный поступок, а тем более поведение человека в целом направляется не каким-то одним, а рядом мотивов, находящихся друг с другом в сложных иерархических отношениях. Среди них можно выделить **ведущие мотивы**, которые стимулируют поведение, придают ему субъективный, личностный смысл. Вместе с тем изучение мотивов краж, хищений и некоторых других преступлений убеждает в том, что одновременно и параллельно могут дей-

ствовать два ведущих мотива, например мотив корысти и мотив утверждения себя в глазах престижной группы. Они дополняют и усиливают друг друга, придавая поведению целенаправленный, устойчивый характер, значительно повышая его общественную опасность. В этом можно видеть главную причину длительного совершения преступлений, например, ворами и расхитителями.

Конечно, в те или иные периоды жизни один из ведущих мотивов как бы вырывается вперед, приобретает главенствующую роль, затем они «идут» наравне или меняются местами и т.д. Так, преступник вначале совершает кражи, чтобы утвердиться в качестве члена группы, и здесь мотив утверждения — основной. В дальнейшем, по мере осознания им в полной мере материальных, порой значительных, выгод от совершения краж, он начинает действовать исходя из соображений корысти.

Совокупность мотивов и лежащих в их основе потребностей создает мотивационную сферу личности и является ее ядром. Правда, в качестве такого ядра может выступать и система ценностей, в свою очередь влияющая на мотивы поведения.

Ценности окружающего мира усваиваются (накапливаются, изменяются и т. д.) человеком с самых ранних этапов его развития и могут мотивировать его поведение, они могут выступать в качестве побудительных сил человеческой активности. Однако понятие мотива, а тем более мотивационной сферы, включающей, в частности, мотивы различной силы и значимости, их иерархию, взаимоотношения, влечения и эмоции, не идентично, на наш взгляд, понятию ценностей или ценностно-нормативной системы. Для нас данный вопрос имеет важное значение в целях решения сложной практической проблемы: что же должно быть объектом индивидуального воздействия в сфере охраны законности и правопорядка — мотивы преступлений или ценностно-нормативная система личности? Думается, и то и другое.

Отметим, что наиболее стабильные ценности могут не охватываться сознанием и на этом уровне мотивировать поведение. Можно полагать, что именно

«ядерные образования» максимально определяют свойства всей системы, каковой является личность. Вместе с тем «ядро» и «периферия» обладают различной степенью податливости внешним воздействиям. Однако разрушение «ядра», если понимать под ним и такие ценности, которые сохраняются и функционируют на бессознательном уровне, — задача не только исключительно трудная, но и во многих случаях невыполнимая. Напротив, как нам представляется, значительно легче перестроить ценностно-нормативную систему, охватываемую сознанием.

Например, можно изменить собственно мотивы корысти, лежащие на поверхности и почти всегда осознаваемые, но очень трудно повлиять на те психологические механизмы, которые дают человеку возможность подтвердить или утвердить свое социальное бытие путем незаконного овладения материальными благами. Также сложна коррекция мотивов имущественных преступлений ради адаптации к среде либо, наоборот, для ведения дезадаптивного, часто бездомного, паразитического образа жизни. В первом случае взгляды и представления, а следовательно, и лежащие в их основе ценности носят наиболее рациональный характер, достаточно осознаются личностью. Стремление к обладанию материальными ценностями непосредственно стимулирует поведение. Во втором же случае внутренние, субъективные детерминанты краж, хищений и т.д. завуалированы для самого индивида теми отношениями, которыми он связан со средой, или его образом жизни.

Исходя из сказанного, особенно учитывая неосознаваемый характер многих мотивов, можно предположить, что мотивы, точнее, их совокупность шире ценностно-нормативной системы личности. При этом ценности, как мы отмечали, могут выступать в качестве мотивов, в том числе на бессознательном уровне.

Не пытаясь дать определение мотивов преступлений, отметим лишь что они, по-видимому, включают не только ценности, но и потребности, эмоции, влечения и другие компоненты, составляющие целостность личности и детерминирующие ее активность. Поэтому мы полагаем, что объектом индивиду-

ального предупредительного воздействия на личность должна быть вся мотивационная сфера, а не только ценности. Однако именно ценности в силу рационального характера многих из них в наибольшей степени могут поддаваться изменению и перестройке, в чем мы видим одну из основ успеха предупредительной деятельности, включая исправление преступников.

Здесь мы вплотную подошли к чрезвычайно сложной и практически важной проблеме **бессознательных мотивов** преступного поведения. Их раскрытие позволяет ответить на вопросы: почему и ради чего совершены те преступления, смысл которых неясен или неочевиден, почему в данной ситуации человек совершил именно эти преступные действия, а не какие-либо другие, каково вообще происхождение ведущих мотивов поведения конкретного лица, какую роль они играют в его жизнедеятельности в целом? Изучение бессознательных мотивов, как и всей сферы бессознательного, позволяет значительно лучше понять конкретную личность и ее отношение к миру.

До сих пор юристы и криминологи очень редко обращались к сфере бессознательного для установления действительных мотивов многих преступлений. Они, во-первых, исходят из осознанности всех мотивов преступлений и, во-вторых, не владеют методами выявления таких мотивов. Имеющиеся в литературе объяснения субъективных причин значительной части преступлений, особенно насильственных и сексуальных, носят поверхностный характер и не способствуют решению актуальных проблем теории и практики борьбы с преступностью. Обычно мотив не «извлекается» из личности, а приписывается ей исходя из внешней оценки преступных действий на базе установившихся традиций. Именно по этой причине преступники редко осведомлены о том, почему они совершили преступления, и поэтому у них существенно затрудняется возможность контролировать свое поведение.

Можно ли утверждать, что бессознательные мотивы преступного поведения начинают формироваться в детском возрасте? По-видимому, такое утверждение будет не совсем точным. Однако справедливо, что именно в детстве начинают формироваться отношение человека к окружающему миру, ощу-

щение себя в этом мире, устанавливаются и развиваются связи с ним. Именно в детстве возникают отношения и ощущения, лежащие в основе мотивов преступного поведения. Роль бессознательных мотивов определяется степенью зависимости субъекта от конкретных условий его существования. Чем более жесткой является эта зависимость, тем более вероятным оказывается совершение преступления, причем зависимость начинает управлять поведением в той степени, в которой человек не осознает ее существования.

Ощущение среды как опасной для индивида, несущей угрозу его бытию чаще всего не осознается, в первую очередь потому, что оно слишком травматично и поэтому переводится в сферу бессознательного. В то же время зависимость тревожной личности от неблагоприятной среды весьма велика, поскольку эта личность постоянно и жестко привязана к таким внешним условиям. В данном смысле такая личность несвободна в целом и по отношению к конкретным жизненным ситуациям, поскольку еще недостаточно отделила себя от среды. Соответственно у нее низок уровень осознания сущности и смысла собственных действий, их субъективной значимости.

Преступники почти не способны подняться над возникшей жизненной ситуацией, взглянуть на нее со стороны, избрать иной, кроме противоправного, разрушительного, способ ее разрешения. Психологически это происходит в первую очередь потому, что они, можно сказать, без остатка растворяются в происходящем, намертво связаны с определенными внешними условиями, действиями других лиц. А это исключает или, во всяком случае, серьезно затрудняет анализ и оценку данных условий и действий, а следовательно, и принятие автономных решений. Неспособность большинства преступников к анализу и оценке доказываемых приведенными выше эмпирическими данными о том, что они отличаются по сравнению с законопослушными гражданами повышенной эмоциональностью и застреваемостью эмоций и переживаний.

Тот факт, что мотивы некоторых преступлений могут быть скрыты от сознания субъекта, не освобождает лиц, совершивших преступления по неосозна-

ваемым ими мотивам, от уголовной ответственности и наказания. Совершая убийство, субъект часто не осознает собственных глубинных побуждений к данному поступку, их внутреннего смысла, но он должен осознавать преступный характер своего действия.

Бессознательные мотивы преступного поведения определяются повышенной тревожностью личности, а тревожность в свою очередь порождается ее отчужденностью и дезадаптацией. Названное обстоятельство приводит нас к следующим выводам. Во-первых, эти мотивы отражают личность как целостность, как сложную систему ее свойств, проявляемых в тех или иных ситуациях. Такой подход избавляет от однолинейных и примитивных объяснений типа «корысть — кража», искажающих истинную природу преступного деяния. Во-вторых, указанные мотивы, выявляющие основные личностные тенденции, связаны со всей прожитой жизнью индивида и вне ее не могут быть поняты. В-третьих, бессознательные мотивы, поскольку они вызваны тревожностью, на уровне психики выполняют функции защиты — и физической, и психологической.

Можно, следовательно, выстроить схему: такая личность — такие мотивы — такое поведение. В этом случае последнее не предстает чем-то случайным. Напротив, оно целесообразно и закономерно именно для данного субъекта. Преступное поведение регулируется, как правило, не сиюминутно актуальной, а основной, постоянно готовой к реализации установочной потребностью. Ею, на наш взгляд, выступает необходимость защиты своего биологического и (или) социального бытия, его подтверждения, обретения уверенности и снижения таким путем беспокойства и тревожности.

Очевидно, что мотивы имеют определенные пласты и верхние из них, особенно те, которые выполняют функции непосредственного побуждения к действию, чаще всего осознаются личностью. Значительно меньше, а обычно вообще не охватываются сознанием глубинные уровни, которые и заключают субъективный смысл поведения, его личностную значимость. Например, похищая чужое имущество, преступник понимает, что это принесет ему мате-

риальный комфорт, лучший достаток, а следовательно, «целесообразно» совершать такие поступки. Но от его сознания ускользает, что подобным образом он утверждает (или подтверждает) свое социальное бытие и обеспечивает его защищенность, снижает беспокойство по поводу собственных определенности и положения среди окружающих. Таков глубинный и в данном случае наиболее мощный пласт мотивации.

Аналогичную картину можно обнаружить при анализе мотивов бродяжничества. Лицо, систематически ведущее такой образ жизни, конечно, осознает, что своим поведением уклоняется от общественно полезной деятельности, поддержания нормальных отношений в семье и иных малых социальных группах. Как правило, эти люди и не оспаривают негативную оценку собственного образа жизни, более того, они вполне искренне заверяют в желании раз и навсегда покончить со своим бездомным существованием. Но они не осознают, что все это им нужно для того, чтобы избежать социальной идентификации, социального контроля, сохранить личностную целостность. Тем более они не знают причин такого поведения, заключающихся в их отвергании родителями в детстве, точнее, не осознают отвергания в качестве криминогенной причины. Поэтому без специального воспитательного воздействия в целях перестройки внутренних установок они не способны жить иначе. Поскольку же бродяги, как и другие преступники, лишены такой помощи, у них не формируется способность управлять своим поведением, самостоятельно принимать решения, не попадать в жесткую зависимость от внешних обстоятельств.

Чаше всего человеком не осознается психологическая структура своей личности. Если в этой структуре преобладают какие-то особенности, то они могут не только «срабатывать» в неадекватных для нее психотравмирующих или провоцирующих условиях, но и порождать соответствующие ситуации. Например, человек, в структуре личности которого преобладают паранойяльные черты, характеризующиеся подозрительностью и мнительностью, всегда найдет повод для ревности и обиды. Можно полагать, что это закономер-

ность функционирования данного типа, которая, однако, не ведет с неизбежностью только к преступным действиям.

Унижения, несправедливое, жестокое обращение в детстве могут оставлять неизгладимый след в эмоциональной структуре личности и при определенных условиях порождать соответствующие формы поведения. Однако в сознании личности эта связь обычно не отражается. В повседневной жизни она наиболее ярко проявляется в выборе друзей, подруг, мужей, жен, сожительниц. Зафиксировавшиеся в психике ребенка, прежде всего его эмоциональной сфере, образцы, ассоциированные с конкретными лицами, являются моделью для последующего выбора или создания ситуаций и круга общения. Чем сильнее эти ранние фиксации, тем жестче модель определяет выбор и поведение вплоть до полной зависимости лица от ситуации или, от другого человека. Нередко тот, от кого лицо находится в жесткой зависимости, становится его жертвой, о чем мы уже писали выше.

Мотивы почти всегда носят бессознательный характер при совершении так называемых **замещающих действий**. Суть этих действий в том, что если первоначальная цель становится недостижимой, то лицо стремится заменить ее другой — достижимой. Например, если действие, при помощи которого лицо рассчитывало добиться осуществления своей цели, является нереальным, оно выполняет иные действия, могущие привести к достижению той же цели. В результате замещающих действий происходит разрядка (снятие) нервно-психического напряжения. Примером может служить поведение насильственных преступников. Как правило, их преступления направлены против конкретных лиц. В отдельных же случаях насилие применяется к лицу, не являющемуся непосредственным поводом преступного поведения. Создается иллюзия отсутствия какой-либо психической причинности в действиях правонарушителя. Замещающие действия часто встречаются в бытовой сфере. Знание их психологической природы имеет практический интерес и для уголовно-правовой сферы.

Замещение действий, т.е. смещение в объекте действия, может проходить разными путями. Во-первых, путем «растекания» поведения, когда насильственные побуждения направлены не только против лиц, которые являются источником недовольства, но и против близко связанных с ними родственников, знакомых и т.д. В этих случаях правонарушитель, поссорившись с одним человеком, переносит свои враждебные чувства на родственников и друзей этого человека. Во-вторых, путем возникновения так называемых смежных ассоциаций. Например, школьник, недовольный учителем, рвет или кидает учебники по предмету, который преподает этот учитель. В-третьих, посредством направленности замещающих действий против лица или неодушевленного предмета, которые первыми «попались под руку». В этом случае объект нападения беззащитен, а нападающий уверен в своей безнаказанности. В-четвертых, в результате автоагрессии, т.е. переноса насилия на самого себя. Не имея возможности исполнить свои агрессивные намерения вовне, лицо начинает «бичевать себя» и нередко причиняет себе увечья или кончает жизнь самоубийством.

Выявить мотивы так называемых замещающих действий всегда довольно сложно, и, к сожалению, следствие и суд не всегда в состоянии с этим справиться, так как, анализируя действия виновного, должностные лица не выходят за пределы той ситуации, в которой было совершено преступление. Разумеется, это необходимо, но абсолютно не достаточно. Знание субъективно важных обстоятельств, предшествовавших ситуации преступления, всей жизни обвиняемого поможет понять, каково значение для него совершенных им уголовно наказуемых действий, какие субъективные задачи он при этом решал, почему, не решив их вначале, он продолжал искать иные возможности, т. е. почему ему было необходимо совершить эти действия.

Интересно отметить, что сами виновные обычно пребывают в полном неведении по поводу того, почему они совершили такие действия, что двигало ими. Поскольку преступники при их совершении чаще всего бывают в нетрезвом состоянии, то этим они обычно и объясняют свое поведение.

Наиболее же общим для всех изученных нами преступников был факт почти полной неосознаваемости ими смысла своих действий, они не могли ничего сказать ни о мотиве, ни о цели убийства. Причем на осознание этого их не могли натолкнуть никакие наводящие вопросы. По картине поведения при ответах на вопросы, касающиеся мотивов и цели убийства, можно было заключить, что эти лица вообще не «входят» в смысл подобных вопросов, и они звучат для них как бы на другом, совершенно непонятном языке. Как правило, преступные действия, за которые они были осуждены, воспринимаются ими как случайность, как нечто, что не могло с ними произойти. Все это создает впечатление отчуждения осужденным от своего преступления, причем не всегда в виде активного отрицания, но часто как пассивного молчаливого неприятия.

Для иллюстрации бессознательного характера мотивов преступного поведения приведем следующий пример.

Н., 17 лет, ранее был судим за разбойное нападение, осужден за убийство из хулиганских побуждений, совершенное им при следующих обстоятельствах. Около 23 часов недалеко от своего дома, будучи в состоянии опьянения, встретил свою родственницу К., 67 лет, затащил её между частными гаражами, где повалил на землю и, не предпринимая попыток изнасилования, изверски вырвал рукой влагалище. После этого он ударил её ножом в сердце, отрезал правую грудь и отбросил её. Ничего не сделав для сокрытия преступления, Н. ушел домой и сразу же уснул. Убийство квалифицировано как совершенное из хулиганских побуждений. Признан виновным с констатацией психопатоподобных черт характера.

В этом преступлении, прежде всего, надо отметить внешне ничем не мотивированные особо жестокие и циничные действия преступника, который никогда не имел никаких конфликтов с потерпевшей. Данных о намерении изнасиловать её, человека пожилого, или ограбить не имеется. Поэтому вызывает несогласие утверждение «убийство из хулиганских побуждений». Необходимо искать мотивы убийства в обстоятельствах жизни преступника, в тех ре-

альных социальных условиях, в которых он находился, в глубинах его психики.

Как выяснилось в ходе беседы с осужденным и в результате изучения имеющихся в его деле материалов, Н. отличался наглым, несдержанным поведением, часто употреблял спиртное, учинял хулиганские действия, дрался, всегда был агрессивен. В то же время, по сделанному им в беседе признанию, он был девственником, хотя очень стремился к половым контактам с женщинами, но это ему не удавалось. Был влюблен в девушку, жившую по соседству (татуировка с ее именем имеется на кисти его левой руки), однако, несмотря на его неоднократные усилия и подходящие ситуации, половой близости с ней не смог достичь.

Следовательно, есть все основания предполагать, что у Н. из-за невозможности удовлетворения актуальной половой потребности нарастали фрустрация, аффективное напряжение, развивались неосознаваемые состояния неуверенности, неполноценности, ущемлённости. Это причиняло ему страдания и требовало выхода вовне, что в сознании могло выступать под маской «справедливого негодования» против кого-либо из окружающих, чему способствовали постоянная агрессивность, а также нетрезвое состояние, как известно, ослабляющее самоконтроль.

События непосредственно перед убийством способствовали спонтанному повышению напряженности имеющегося у Н. агрессивного аффекта. Как он рассказал в беседе, в этот день он после выпивки никак не мог найти девушку, в которую был влюблен, хотя много раз приходил к ней домой. Впоследствии оказалось (с его же слов), что она была в кино, но ее отец, отрицательно относившийся к Н., говорил ему, что она уехала из города. В последний раз он сказал ему об этом около 23 часов, после чего Н. сразу пошел домой, но по дороге встретил К. и убил ее. Иными словами, это произошло в момент наивысшего напряжения аффекта у Н.

Теперь сопоставим приведенные данные, не нашедшие оценки в приговоре, с событиями преступления. По существу Н. лишил К. признаков ее пола, де-

сексуализировал ее, в чем убеждают все его действия. Поступки Н. носят символический характер, и его жертвой, по-видимому, могла быть любая женщина, кроме той, которую он, по его словам, любит до сих пор и ни за что бы не обидел (татуировка на руке свидетельствует о том же). Женские половые органы являлись для него источником страданий, и он уничтожил их. То, что после убийства Н. сразу уснул, говорит о том, что совершение преступления привело к разрешению, снятию сильнейшего напряжения, подтверждая тем самым наше толкование событий.

Таким образом, действия Н., которые вначале представляются непонятными и немотивированными, подвергнутые психологическому анализу, приобретают определенное значение и смысл, для самого Н. неосознаваемый. Мотивы данного преступления — в сфере бессознательного. Следовательно, утверждение суда о хулиганских мотивах ничем не подтверждается и представляет собой неудачную попытку объяснения события, сущность которого могла быть понята лишь с помощью специальных психологических усилий, предпринятых психологом-экспертом. Заметим, что вообще многие убийства квалифицируются судами как совершенные из хулиганских побуждений только потому, что ни следствие, ни суд не смогли найти их действительные мотивы. Это еще одна причина, говорящая о необходимости более интенсивных психологических исследований в теории и практике борьбы с преступностью.

Что касается Н., то он вообще не смог дать никаких вразумительных объяснений по поводу содеянного им. Он говорил лишь о том, что был пьян и ничего не помнит. Перевоспитание Н. в колонии сводилось к разъяснению ему вреда злоупотребления спиртными напитками и учинения хулиганских действий, что, как мы попытались показать, в данном случае никак не соответствует действительным мотивам совершенного тяжкого преступления.

Бессознательная мотивация убийств связана с отсутствием у большинства убийц чувства вины за совершенное преступление. В этом убеждает то, что содержание и эмоциональный тон их высказываний лишены элементов рас-

каiania. Психологически весьма симптоматично, что некоторые убийцы легко принимают вынесенное им наказание, согласны с ним, иногда даже считают его недостаточным. Объяснить это можно так: при отсутствии чувства личной виновности имеет место осознание социальной ответственности, ее неизбежности и необходимости.

Следует отметить, что почти все обследованные нами осужденные за убийства, согласные с наказанием, не удовлетворены ходом следствия и суда по их делу, указывают на неточность либо искажение следователем и судом важных, по их мнению, фактов. Они считают, что их действия юридически неправильно квалифицированы, что не учтены многие смягчающие их личную ответственность обстоятельства. При этом эмоциональный тон их высказываний о ходе следствия носит достаточно выраженный индифферентный характер. Однако мы склонны видеть в обсуждении темы следствия и суда попытку переместить внимание с совершенного преступления на действия следователя, суда или прокурора по поводу этого преступления. Преступники охотнее обсуждают действия следователя или судьи, свидетелей или очевидцев, чем собственные. Таким образом, отношение преступника к наказанию начинает формироваться не после вынесения приговора, а задолго до этого, еще в период следствия, что достаточно красноречиво говорит об их общей отчужденности.

В таком смещении акцентов еще раз проявляются отчуждение осужденным факта преступления от собственной личности и осознание его через действия других людей. Ведь по существу именно следствие и судебное разбирательство вводят этих людей в круг их собственных действий. Именно следствие и суд показывают им все детали преступлений, через анализ преступных действий и других обстоятельств устанавливают, кто их совершил. Однако констатация такого факта чаще всего существует лишь для следователя и суда, преступник же не ощущает себя источником наступивших последствий. В определяющей степени это связано с бессознательным характером мотивации преступлений.

Часто возникает вопрос: являются ли открыто провозглашенные намерения реальными мотивами их поведения? Т. Шибутани считает, что конечно между публично провозглашенными и осознаваемыми субъектом намерениями иногда существует различие, но важно другое: является ли объяснение причин того, что люди делают, адекватным толкованием их поведения. Поскольку многие поступки непроизвольны и неосознанны, ответ, очевидно, должен быть отрицательным.

Прежде всего, отметим, что и в преступном поведении довольно часто можно встретить **расхождение между провозглашенными намерениями и реальными мотивами**. Если они не совпадают, то не только и не столько по причине того, что преступник желает обмануть окружающих. Скорее, дело в неосознаваемости значительного числа мотивов преступлений, которые из-за этого не совпадают, да и не могут совпадать с высказанными намерениями. Например, главарь хулиганской группы подростков может заявить: избиение участников конкурирующей группы необходимо, чтобы покарать их за какие-то враждебные действия. На самом деле подобная акция нужна ему для того, чтобы сплотить участников своей группы и усилить среди них собственную лидирующую роль.

Расхождение декларируемых намерений и истинных мотивов часто можно обнаружить при совершении хищений государственного и общественного имущества.

Конечно, выявить мотивы преступлений всегда довольно сложно, особенно если они носят бессознательный характер. То, что на первый взгляд иногда представляется ведущим мотивом, в действительности может оказаться одним из второстепенных стимулов или вообще не иметь никакого стимулирующего значения. Поэтому перед сотрудниками органов внутренних дел и других правоохранительных учреждений и перед многими исследователями стоит задача кропотливого поиска подлинных мотивов преступлений, при этом они должны помнить, что мотив и мотивировка далеко не одно и то же. Между тем именно мотивировка, данная следствием или судом либо самим

преступником, юристами, научными и практическими работниками воспринимается именно как мотив. Нередко мотивировки, данные обвиняемым, ставятся в основу определения мотивов, формулируемых затем следствием и судом в их процессуальных актах.

Мотивировка — рациональное объяснение причин действия посредством указания на социально приемлемые для данного субъекта и его окружения обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. Мотивировка выступает как одна из форм осознания мотивов, с ее помощью человек иногда оправдывает свое поведение или маскирует его в целях психологической защиты. Не следует упускать из виду и те, в общем-то редкие, случаи, когда посредством мотивировки пытаются скрыть подлинные мотивы.

В воспитательной работе, например с осужденными, сотрудники пенитенциарных учреждений обычно исходят из тех мотивировок, которые имеются в приговорах по уголовным делам. Однако во многих приговорах, даже по уголовным делам об убийствах и о нанесении тяжких телесных повреждений, указания на мотивы преступлений вообще отсутствуют. Так, изучение значительного числа уголовных дел об умышленных убийствах показало, что во многих из них данные о субъективных причинах преступлений ничего общего с мотивами не имеют (например, в них указывается на убийство «на почве пьянства», убийство «из-за враждебных отношений и ссоры»).

Во-первых, правоохранительные органы, пытаясь определить мотив, исходят из перечня, который имеется в некоторых статьях УК РФ и за пределы которого, даже если это диктуется обстоятельствами дела и личностью виновного, следствие и суд, как правило, не выходят. Во-вторых, указанные органы при определении мотивов руководствуются устаревшими представлениями, не соответствующими современным данным психологии о субъективных источниках человеческой активности. Слабо разработаны проблемы мотивации в криминологии и уголовном праве. В-третьих, многие работники следствия, суда, полиции и исправительно-трудовых учреждений считают, что корыстные преступления порождаются корыстными мотивами, насильственные —

хулиганскими побуждениями. Однако известно, что, например, подростки совершают кражи не для того, чтобы завладеть какими-то материальными ценностями, а в целях демонстрации своей силы, ловкости, сообразительности. Указание на хулиганские побуждения тоже мало что дает для индивидуальной работы с преступниками, поскольку не содержит конкретных данных о побудительных силах преступления. Практика показывает, что к формулировке «хулиганские побуждения» прибегают обычно тогда, когда не ясны истинные мотивы преступлений.

Выявление и изучение мотивов преступного поведения важны не только для расследования преступлений, предупредительной работы с конкретными лицами, для успешного воспитательного воздействия на отдельных преступников, для правильной квалификации преступлений, но и для решения более общих задач профилактики преступности. Мы имеем в виду построение типологии личности преступника в зависимости от мотивов преступного поведения. Созданные на этой основе, они будут весьма ценны именно в профилактических целях, поскольку нельзя успешно предупреждать преступления, если не знать мотивы, по которым они совершаются. Однако вначале следует назвать и проанализировать эти мотивы.

Будем помнить, что, поскольку преступники в своей массе отчуждены и дезадаптивны, а также отличаются тревожностью, мотивы преступного поведения выполняют функции защиты их личности. На этом глубинном и в то же время бытийном уровне они не фиксируются сознанием. Этот вывод представляется чрезвычайно важным для понимания природы такого поведения.

Подводя некоторые итоги, мы хотели бы вновь подчеркнуть, что изучение мотивов преступного поведения, попытка понять его глубинные, неосознаваемые личностью причины продиктованы желанием не оправдать, не защитить преступника, а объяснить движущие силы преступления. Одно наказание заслуживает виновный, убивший, например, обидчика, и другое, более суровое, — тот, кто «просто» стрелял по прохожим и убил одного из них. Знание мотивов необходимо и для того, чтобы предметно перевоспитывать

конкретных осужденных, помогать им начать новую жизнь без рецидивов правонарушений.

Нелишне еще раз обратить внимание на то, что незнание преступником подлинных мотивов своего поведения не освобождает его от уголовной ответственности. Виновный наказывается только за то, что он совершил поступок, запрещенный уголовным законом.

4.2. Самоутверждение и защита

Среди мотивов преступного поведения чаще всего фигурируют корысть, месть, ревность, хулиганские побуждения. Выше мы уже говорили о том, что эти субъективные факторы сами по себе вряд ли способны порождать только уголовно наказуемые действия. «Корысть», «месть», «ревность» — очень широкие «житейские» понятия, имеющие самое различное содержание. Еще более неконкретно понятие «хулиганские побуждения».

Необходимо знать, какие **функции** выполняют названные мотивы в отношении личности, в чем для нее психологическая «выгода» от совершения преступных действий, побуждаемых данными стимулами. Этот момент мы считаем наиболее важным для понимания мотивов преступлений, и именно по той причине, что любое субъективное побуждение должно освещаться с позиций личностного смысла, личностной значимости. Но к такому пониманию мы вернемся ниже, а сейчас хотя бы в общем виде рассмотрим, что такое корысть, месть, ревность и хулиганские побуждения.

В большинстве словарей русского языка **корысть** определяется как выгода, материальная польза и на первый взгляд не содержит ничего дурного. Однако в отражаемом этим понятием явлении со временем начали усматривать только жадность и накопительство, стремление лишь к наживе и достатку, сведение всех отношений к материальной выгоде, абсолютизацию личного материального интереса. При этом в недавнем прошлом провозглашалось, что советские люди, наподобие первых христиан, менее всего должны думать

об имущественных благах и не преследовать личные интересы. Объявлялось, что корысть в нашем обществе — это пережиток, а в буржуазном — основная движущая пружина действий людей в сфере общественной деятельности и личных взаимоотношений.

Вот что написано о корысти у советских юристов: это одно из самых сильных побуждений, толкающих людей на совершение преступлений; она возникла вместе с частной собственностью и порождает больше всего зла на земле; корысть, стремление к обогащению при капитализме становятся основным стимулом человеческой активности, а накопительство осуществляется ради накопительства, в советском же обществе рассматриваются как отрицательное моральное качество и обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность, а некоторые формы проявления корысти, с которыми сталкивается судебная практика в условиях капиталистического общества, в советской действительности не только не встречаются, но и просто немыслимы.

В то же время некоторые юристы справедливо отмечали, что этот мотив связан со стремлением получить какое-либо имущество или право на него, избавиться вследствие совершения преступления от каких-либо материальных затрат, незаконно обогатиться или получить выгоду, нарушая тем самым имущественные права других.

Однако не следует безоговорочно соглашаться с подобным пониманием корысти, поскольку здесь в сущности имеется в виду не корысть, а корыстолюбие, что далеко не одно и то же. В то же время совершенно неверно объяснять корыстью или корыстолюбием совершение всех имущественных преступлений. Разве страсть к накопительству и нажива определяют действия мелкого воришки, крадущего для того, чтобы приобрести средства на водку? Разве исключительно из жадности воруют и грабят подростки, а расхитители похищают имущество?

Мы полагаем, что корысть, а точнее, корыстолюбие может быть мотивом многих имущественных преступлений, но необходимо понять, что психологически выигрывает человек, приобретая таким путем материальные блага.

Очевидно, что ни жадность, доведенная до скопидомства, ни постоянное алчное стремление к материальной выгоде и ориентация в жизни только на нее, ни страсть к накопительству сами по себе однозначно не порождают преступное поведение. Однако одного мотива корысти (или корыстолюбия) недостаточно, чтобы встать на преступный путь, нужен и иной стимул. Им, на наш взгляд, может быть еще один мотив — утверждения (или подтверждения) себя в жизни, о чем будет подробно сказано ниже. Только в совокупности они приводят к преступлению.

Мечь означает ответное намеренное действие в отплату за зло, возмездие за что-нибудь, например за оскорбление, обиду, страдание, материальный убыток. В далеком прошлом она считалась важной общественной добродетелью и одним из регуляторов отношений между людьми. В современной нравственности она расценивается в основном как порок, в чем немалая заслуга христианской религии. Действительно, мечь не может считаться эффективным и человечным способом разрешения конфликтов, подчас же создает лишь видимость восстановления справедливости, но на самом деле не может обеспечить ее, так как по большей части зиждется на агрессии и грубой силе. Одна мечь влечет другую, одно насилие — другое, и в целом это порождает атмосферу вражды, ненависти, настороженности и недоверия между людьми, группами. Так, национальные конфликты можно представить как бессмысленную мечь.

Невозможно дать хотя бы примерный перечень ситуаций, которые вызывают мечь или в которых она реализуется. Это действия, начиная с насилия в ответ на устное оскорбление и кончая кровной мечью (в данном случае нас интересует лишь уголовно наказуемая мечь). Вызвавшие ее поводы могут быть совершенно неадекватны характеру ответных действий, и здесь все или очень многое зависит от субъективного восприятия виновным сложившейся ситуации и от его собственных возможностей. Поэтому так важно выяснить все обстоятельства, породившие мечь.

Что же такое месть как мотив преступления? Прежде чем пытаться ответить на этот сложный вопрос, поставим ещё один: всегда ли отомстивший человек получает удовлетворение от мести, т.е. от нанесения другому ущерба, порой очень серьезного и даже непоправимого? Думается, что это далеко не так, и особенно в тех случаях, когда отмщение предписывается окружением, причем сама месть выступает в качестве одной из норм ценимой или навязываемой ему культуры. Мы имеем в виду в первую очередь кровную месть, когда виновный стремится не только, а иногда и не столько получить удовлетворение от предпринятого насилия, сколько исполнить обычай, который лично ему, может быть, даже чужд. Поэтому предписанная месть не носит сугубо личного характера, а, если так можно выразиться, приобретает общественное звучание. Так, в среде преступников жестко предписывается, что определенные действия, в том числе словесные оскорбления, обязательно должны вызывать ответное насилие. В противном случае, как и при неисполнении кровной мести, человек осуждается сообществом и подвергается различным санкциям, подчас весьма унижительным и жестоким.

Сказанное позволяет утверждать, что иногда месть имеет вынужденный характер и о личном удовлетворении можно говорить не в связи с тем, что преступник причинил страдание или смерть потерпевшему, а потому, что он исполнил обычай. Но можно ли подобные действия назвать мезтью, если они навязаны извне? В чем в данном случае ее личностный смысл?

Представляется, что по внешним признакам это все-таки месть, но она не может оцениваться в качестве мотива соответствующих действий. Им выступает стремление утвердиться на социально-психологическом уровне, т.е. «сохраниться» в глазах группы, подчас очень большой, например национальной. Неподчинение обычаям означает катастрофу, полное крушение, утрату всего наиболее ценного: социального положения, авторитета, уважения окружающих, иногда имущества и даже жизни, — изгнание из общности, а значит, небытие, несуществование, чаще всего социальное. Таким образом,

здесь мотив как бы защищает личность, отражает главным образом отношения не с жертвой мести, а со своей средой и с самим собой.

Теперь рассмотрим другой вариант: месть осуществляется по инициативе, по желанию самого преступника, его никто к этому не принуждает, если давление извне и есть, то оно минимально, не носит характера ультиматума и не расходится с его собственным стремлением. Но выступает ли здесь месть в роли мотива? Думается, что не всегда, поскольку субъективный смысл агрессивных «мстящих» действий состоит не только в причинении вреда кому-то. Эти действия, напомним, всегда совершаются в ответ на уже содеянное зло (оскорбление, обиду и т.д.), которое воспринимается мстящим именно в таком качестве. Это зло может вызывать тяжкие, глубокие страдания, потрясение, психотравмирующие аффективные переживания.

Можно предположить, что собственно месть может выступать в качестве мотива в тех случаях, когда она не связана с необходимостью психологической защиты себя, своего бытия, представления о себе в глазах окружающих. Это, например, месть (в том числе кровная) за убийство близкого человека, когда убийце наносится такой же или примерно такой же вред, чтобы этим удовлетворить свое чувство справедливости и, возможно, хотя бы в такой форме компенсировать (психологически) понесенную утрату. Стремление обеспечить справедливость может заявить о себе, когда обдумывается месть человеку, который представляется носителем опасных пороков или совершил тяжкие преступления. При этом он мог и не причинить ущерб самому мстителю, а совершить безнравственные или преступные действия в отношении третьих лиц, даже незнакомых. В таком аспекте мотив отражает в основном отношения с объектом мести.

В других случаях, когда агрессия совершается с целью на психологическом уровне отстоять представление о самом себе, отразить посягательства на свой биологический и (или) социальный статус, мотивом выступают не месть, а утверждение (подтверждение) себя в среде, а также самоутверждение. Здесь, как и при вынужденном подчинении давлению окружающих,

определяющая роль принадлежит повышенной тревожности, которая влияет на все возникающие связи и процессы. Мотив же отражает отношения не с жертвой мести, а со всей средой и с самим собой, причем тревожность часто мешает адекватно воспринимать действительность. Конечно, одни и те же поступки могут порождаться и мотивами мести, и мотивами утверждения, что делает их еще более целеустремленными.

Мечь может быть связана с **ревностью**. Последняя представляет собой не только недоверчивость, мучительные и тягостные сомнения в чьей-то верности и любви, в полной преданности, но и желание владеть чем-то (кем-то). По своему содержанию ревность есть не что иное, как стремление человека к тому, чтобы все — и успехи, и заслуги, и расположение других людей — безраздельно принадлежало только ему, «однако проявление этого чувства не следует всегда расценивать в качестве анахронизма или пережитка прошлого, ибо ревность представляет собой хотя и побочный, но неизбежный продукт соревнования между равноправными индивидами или группами».

Нет сомнений, что ревность, как и зависть к чужим успехам, страстное стремление владеть всем тем, что человек видит у других и что в его глазах представляет значительную ценность, может побуждать к совершению преступных действий. Но давайте разберемся: почему такие желания неумолимо толкают одних людей к безнравственным поступкам, а других — нет? Почему личность испытывает неприязнь и вражду к лицам, достигшим каких-то успехов или определенного положения в жизни?

Конечно, одних эти успехи и достижения совсем не взволнуют, других — лишь отчасти, а третьи (именно они нас и интересуют) почувствуют острую и непроходящую зависть, беспокойство и неуверенность в себе и своем социальном существовании, поскольку не они владеют вожделенными ценностями. Вот если бы эти ценности были в их руках, тревожность и беспокойство значительно снизились бы или вообще исчезли, они перестали бы ощущать эту травмирующую угрозу своему бытию, этот неясный и глубоко лежащий страх за себя. Но такого рода надежды напрасны, поскольку повышенная

тревожность как фундаментальная черта их личности вновь и вновь будет порождать зависть, ревность и страх.

Страх есть следствие желания удержать достигнутое и одному наслаждаться им, одному пользоваться вниманием, расположением и приязнью другого лица. Поэтому ревность можно понимать, как вид страха при стремлении обладать какой-то ценностью и удерживать ее. Ревность всегда питается боязнью потери этой ценности, причем для ее возникновения не имеет значения, вызвано это чувство действительными или ложными причинами.

Как мы видим, мотивом поведения является не сама ревность, а то, что лежит в ее глубине и ее же в определенной мере порождает: стремление утвердить себя, свое бытие путем овладения новыми благами, которые есть у других. Этот мотив может порождать имущественные преступления, особенно кражи. В еще большей мере он характерен для преступных действий, в которых четко проявляется насилие, прежде всего для грабежей, разбоев и вымогательств. Можно полагать, что здесь насилие выступает в качестве инструмента мести тому, кто демонстрировал до этого несостоятельность, незначительность, несущественность виновного, поскольку не он, а «обладатель» имел ту самую ценность и распоряжался ею. Тем самым преступник утверждает себя, в первую очередь в собственных глазах.

Представляется, что подобного рода мотив имеет гораздо большее распространение при совершении преступлений, чем нам представляется сейчас. Очевидно, что такой мотив довольно часто можно обнаружить в уголовно наказуемых действиях молодых людей, завидующих чужому достатку, общественному положению или признанию тех, кто имеет престижную одежду, автомобиль, мотоцикл или магнитофон либо пользуется расположением девушек и т.д. Именно этим во многом можно объяснить особую жестокость, цинизм и разрушительность действий преступников при совершении некоторых разбойных нападений, когда, например, потерпевший подвергается бессмысленному избиению, уничтожаются его вещи и проч.

В том, что мы сейчас сказали о ревности, не выделен один очень важный и сложный аспект, который связан с отношениями между полами. Этот аспект обоснованно вызывает повышенный криминологический интерес, поскольку многие преступления против личности совершаются из ревности.

Неосознаваемое ощущение собственной неполноценности и ущемлённости, угрозы своему бытию может мотивировать многие преступления, обычно относимые к тем, которые совершаются из ревности. Подобное ощущение связано с тем, что лицо, вызывающее ревность, демонстрирует другому его неполноценность, недостаточность как мужчины (женщины), поскольку предпочитает ему какого-либо иного человека. Эта демонстрация может быть чрезвычайно травматичной и невыносимой, и, по-видимому, в моменты, когда тревожность достигает наивысшего уровня, а насильственные действия представляют собой попытку как бы защитить себя, нравственные и иные запреты теряют силу.

Так, мотивом действий Карандышева («Бесприданница» А. Н. Островского) является, на наш взгляд, не ревность, а стремление защитить свой социальный и биологический статус. Он убивает Ларису не просто потому, что она ушла к другому, а потому, что этим она показала ему его ничтожность как мужчины и мелкого чиновника, предпочтя блестящего Паратова. В его преступлении нет ни безмерного эгоизма, ни просто стремления во что бы то ни стало обладать любимым существом, поскольку мы не знаем, действительно ли он любил Ларису. Это скорее месть судьбе, реакция на тяжкое унижение, когда смертельной опасности подвергается все то, что составляет основу жизни. Именно под влиянием такой опасности зреют ненависть и злоба.

Иногда ревностью полагают месть за поруганное доверие, бесчестное поведение и обман. Ошибку эту совершает и те, кто считает ревнивым Отелло. На самом деле это совсем не так. А. С. Пушкин справедливо сказал о нем: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив». Сам Отелло говорит:

Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить Ревнивыми гаданьями? О нет.

Я все решил бы с первого сомненья.

Что я, козел, чтоб вечно вожделеть И, растравляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил?

В этой шекспировской трагедии по-настоящему ревнив Яго, остро завидующий боевой славе и доблести Отелло, тому, что он пользовался уважением и признанием окружающих, был самостоятелен и смел, что у него молодая, красивая и умная жена. Именно это мотивировало поступки Яго.

Действительно, ревность существует и может играть роль мотива преступного поведения в отношениях между мужчиной и женщиной. Но неверно относить к ней все, что похоже на нее лишь внешне. Например, супружеская или иная измена либо угроза ее не всегда вызывает только ревность в традиционном ее понимании, рамки которого мы пытались расширить.

Ревность проявляется вовне, отражая отношение к потерпевшему, обиду и недовольство его действиями, досаду, гнев, негодование. Вне отношений с ним она попросту не может существовать. В некоторых случаях поведение жертвы, особенно если оно носило аморальный характер (например, не вызывающая сомнения супружеская измена), может порождать состояние сильнейшего душевного волнения.

Отметим, что все эти проблемы носят отнюдь не умозрительный характер. Закон требует, чтобы мотив преступления устанавливался в отношении каждого обвиняемого и отражался в приговоре. Установление мотива имеет огромное значение для предупредительной работы.

Обычно, когда у юристов не хватает знаний, чтобы объяснить причины конкретных преступлений или отдельной группы преступлений, мотивами указывают хулиганские побуждения. Так, при анализе мотивов убийств и некоторых других насильственных преступлений исходят из того, что хулиганские действия совершаются по хулиганским мотивам. Иначе говоря, сам мотив, вроде, уже преступен, но это мало кого смущает, ведь все становится просто и совсем не нужно ломать голову, особенно когда надо установить субъективные причины необычных или внешне непонятных преступлений.

Удобнее все «списать» на эти самые хулиганские побуждения. Выше мы приводили пример, когда суд счел сексуальное преступление с очень сложной мотивацией совершенным из хулиганских побуждений. Судя по всему, суд совершенно не смутило, что сексуально окрашенные действия виновного даже отдаленно не напоминают хулиганские.

Хулиганскими побуждениями принято называть стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу, другим людям, законам и правилам общежития. Такие побуждения предполагают отсутствие личных отношений вражды, зависти, неприязни и т.д. между виновным и потерпевшим. В основе хулиганских побуждений — обычно эгоизм, озлобленность и неудовлетворенность, доходящие до тупой злобы, вызванные явным расхождением между уровнем притязаний человека и имеющимися возможностями их удовлетворения. Выбор именно хулиганской формы преодоления указанного противоречия предопределяется условиями нравственного формирования личности, бескультурьем, невоспитанностью.

Часто хулиганские побуждения проявляются по незначительному внешнему поводу, когда ситуация, в том числе действия будущего потерпевшего, не дает субъекту преступления предложения для учинения преступных действий, в частности расправы над ним. Поэтому жертвами часто становятся совершенно случайные лица, которые выступают в качестве одного из объектов насильственного посягательства.

Однако при исследовании мотивов хулиганских побуждений трудно объяснить, почему в одних случаях подобные побуждения приводят к убийствам и тяжким телесным повреждениям, а в других — к хулиганству.

Поэтому получается, что о различиях между ними можно судить лишь по характеру и тяжести наступивших последствий, т.е. в зависимости от того, какой ущерб нанесен конкретной личности.

Итак, хулиганские побуждения — это стремление в вызывающей форме проявить себя, выразить пренебрежение к обществу и его установлениям. Но, во-первых, в вызывающей форме можно проявить себя, отнюдь не преступая

уголовные законы (например, манерами, одеждой). То же самое можно сказать о пренебрежении к обществу, формы и способы которого столь многообразны, что перечислить их попросту невозможно. К тому же вызовом обществу, пренебрежением к закону и интересам других людей являются любые преступления, а не только те, которые совершаются по так называемым хулиганским побуждениям. Во-вторых, если хулиганские побуждения диктуются стремлением бросить вызов обществу, то в чем же заключается этот вызов, если, например, глубокой ночью и без свидетелей совершается убийство ранее незнакомого человека, причем без каких-либо попыток завладеть его имуществом? В-третьих, почему невоспитанность и бескультурье приводят именно к тяжкому насилию над личностью, а не к каким-либо другим формам антиобщественного поведения, например к обыкновенному хамству? В-четвертых, если в основе хулиганских побуждений лежат бескультурье и невоспитанность, почему насильственные преступления по таким мотивам совершают люди, получившие хорошее воспитание и отличающиеся достаточным уровнем культуры? Очевидно, что дело совсем не в желании проявить себя в вызывающей форме и показать неуважение к обществу, не в отсутствии культуры и воспитанности.

Чтобы понять мотивы внешне беспричинных действий, которые привычно относят к совершаемым по хулиганским побуждениям, необходимо найти ответ на неоднократно ставившийся нами вопрос: ради чего субъект поступает так, в чем здесь личностный смысл, что он от этого выигрывает в психологическом отношении? Мы полагаем, что в этих случаях мотивы носят глубинный, бессознательный характер и связаны с психотравмирующими переживаниями неуверенности, страха, беспокойства, боязни за свое существование, место в жизни. Причем тревожность столь велика, а переживания достигают столь высокого уровня, что человек, чтобы «защитить» себя, начинает пренебрегать всеми людскими законами.

Мы считаем, что в природе не существует никаких хулиганских побуждений или хулиганских мотивов, а есть стремление защитить, обеспечить свое бы-

тие, подтвердить себя в качестве социального и биологического существа, т.е. все тот же мотив утверждения. Почему же утверждение происходит за счет других, и притом обычно в разрушительных формах?

Прежде всего, отметим, что если человек ощущает вокруг себя угрожающую атмосферу (а как раз таких людей мы и имеем в виду), то снять свою бессознательную боязнь он может, только потеснив других, как бы отодвинув их от себя, а еще надежнее — уничтожив носителей угрозы. Именно последний путь субъективно наиболее выгоден, так как создает иллюзию мгновенного решения всех психологических проблем, приобретших бытийный смысл. При совершении хулиганских действий страдают не только люди, иногда вандалически уничтожаются животные, вещи. Это происходит потому, что весь мир, все его элементы ощущаются как враждебные и несущие угрозу.

Вообще насилие агрессивного и жестокого человека приобретает самостоятельное, самодовлеющее значение как орудие установления его власти. Терзая, пытая, уничтожая другого, причиняя ему страшные страдания, преступник ощущает всю полноту своей власти. Быть может, именно в этот момент, без остатка поработав свою жертву, он живет наиболее полной жизнью. Эту очень важную сторону насилия и власти хорошо выразил Дж. Оруэлл: «Цель репрессий — репрессии. Цель пытки — пытка. Цель власти — власть». И далее: «Власть состоит в том, чтобы причинять боль и унижать. В том, чтобы разорвать сознание людей на куски и составить снова в таком виде, в каком вам угодно».

Мы полагаем, что жестокие пытки, применяемые сейчас многими рэкетирами при вымогательстве денег и других материальных ценностей, часто мотивируются желанием не только получить эти ценности, но и, причинив особые мучения, установить свою власть в данный момент.

Таким образом, в целом можно считать, что большинство убийств имеет субъективный, как правило, неосознаваемый смысл защиты от внешней угрозы, которой в действительности может и не быть.

Страх перед возможной агрессией извне обычно мотивирует совершение упреждающих поступков. Он ведет свое начало, как мы уже говорили выше, с первых дней жизни индивида. Изначально он формируется эмоциональным отверганием ребенка его родителями, что затем может приводить к отчуждению личности, характерному для большинства преступников, особенно насильственных. Это не означает, что эмоция страха может фатально приводить к преступлению, однако недостаточно социализированные ее формы могут иметь такие последствия. Поэтому, на наш взгляд, мотивом многих убийств выступают защита от агрессии среды или мотив утверждения.

Как мы отмечали выше, этот мотив в «союзе» с корыстью способен порождать имущественные преступления, когда личностным смыслом поведения выступает стремление утвердить себя на социальном, социально-психологическом и индивидуальном (самоутверждение) уровнях.

Утверждение личности на социальном уровне означает стремление к достижению определенного социально-ролевого положения, связанного с трудовой, профессиональной или общественной деятельностью, часто без ориентации на микроокружение, мнение и оценки которого могут не иметь никакого значения для этого человека. Выдвижение на социальном уровне обычно соотносится с завоеванием престижа и авторитета, карьерой, обеспечением материальными благами.

Утверждение на социально-психологическом уровне предполагает стремление к завоеванию признания со стороны лично значимого ближайшего окружения, т. е. чаще всего на групповом уровне. Он включает утверждение в глазах семьи или эталонной группы, с которой в данный момент субъект может и не иметь необходимых контактов. В таких случаях преступление выступает в качестве способа его включения в подобную группу, его признания. Утверждение на социально-психологическом уровне может осуществляться и вне зависимости от социального признания в широком смысле, от карьеры, от профессиональных достижений и т.д. Для многих людей, осо-

бенно молодых, признание в глазах ценимой группы сверстников является вполне достаточным.

В самом общем виде под самоутверждением личности можно понимать желание достичь высокой оценки и самооценки, повысить самоуважение и уровень собственного достоинства. Однако это часто реализуется не путем требуемых оценок со стороны других групп или общества, а изменением отношения к себе в результате совершения определенных поступков, направленных на преодоление своих внутренних психологических проблем: неуверенности, субъективно ощущаемой слабости, низкой самооценки. Причем все это чаще всего происходит бессознательно.

Самоутверждение характерно, например, для расхитителей так называемого престижного типа, которые стремятся к приобретению или сохранению определенного социального статуса любым путем, в том числе преступным. Недостижение такого статуса, равно как и падение, для них катастрофа. Можно предположить, что ведущим, глубинным мотивом, личностным смыслом их преступлений является опасение, даже страх быть подавленным, униженным, возможно даже уничтоженным средой, а отсюда неосознанное стремление занять такое место в жизни, которое позволило бы оказать среде необходимое сопротивление.

Из названных уровней утверждения личности именно самоутверждение, по всей вероятности, имеет первостепенное значение, стимулируя жажду признания на социальном и социально-психологическом уровнях. Самоутверждаясь, человек чувствует себя все более независимым, раздвигает психологические рамки своего бытия, сам становится источником изменений в окружающем мире, делая его более безопасным для себя. Это дает ему возможность показаться в должном свете и в глазах ценимой им группы, и в глазах общества. Эти признания, взаимно дополняя друг друга, обеспечивают индивиду внутренний психологический комфорт и ощущение безопасности.

Среди взяточников и расхитителей можно встретить тех, кто стремится к утверждению на любом из перечисленных уровней. Среди воров, грабителей,

разбойников, мошенников и спекулянтов чаще всего обнаруживаются те, которые желают признания группы и (или) самоутверждения, т.е. утверждения на социально-психологическом уровне, и тем самым решения своих внутриличностных проблем, самоутверждения. Надо отметить, что среди воров в отличие от расхитителей мы не обнаружили лиц, которые стремились бы утвердить себя на социальном уровне (профессией, достижением должности, карьерой и т.д.).

Иногда решение внутренних проблем достигается преимущественно путем самого факта совершения преступления. Здесь ценность похищенного отодвинута на второй план. В этом случае преступное поведение носит явно компенсаторный характер, поскольку добытые материальные ценности не имеют первостепенного значения и могут даже не использоваться. Для преступников главными являются, например, преодоление собственной неуверенности, страха, тревоги, чувства неудачника, подтверждение своих волевых качеств. Тем самым обеспечиваются приятие самого себя, повышение уверенности в собственной личностной ценности, самоуважение и приобретение возможности доминирования над социальной средой, другими людьми. Как видим, индивид, желая самоутвердиться, постоянно соотносит себя со своей средой, вне ее его социальное существование невозможно. При этом среду следует понимать исключительно как среду данной личности, ее жизненное пространство, территорию. Вот почему своя жизнь будет лучше и собственные психологические проблемы будут успешнее решены, если это пространство будет значительно улучшено, освоено, укреплено, защищено. Можно сказать, что это одно из условий, причем наиболее существенных, бытия личности. Поэтому удивительно ли, что многие расхитители в личную территорию включают и место работы, особенно если они занимают руководящее кресло? Поскольку на этой территории решаются такие жизненно важные задачи, они не жалеют для нее сил и используют даже противозаконные средства для решения производственных проблем. При этом лично для себя они могут не иметь весомых материальных выгод. Здесь улучшение

производства означает не что иное, как улучшение своей психологической территории, условие формирования необходимого представления о самом себе, своей ценности, а значит, лучшей защищенности и получения возможности снижения уровня тревожности.

Среди воров и расхитителей выделяется группа, характеризующаяся исключенностью из социально полезного общения, слабыми контактами со средой. Для многих из них основным мотивом, смыслом совершения хищений и краж являются приобретение и сохранение значимых для них отношений с другими людьми, преодоление своего отчуждения, одиночества, приспособление к группам, поиск поддержки в них.

Самоутверждение ярко проявляет себя в качестве мотива при совершении изнасилований. Да, именно утверждение своей личности, а не удовлетворение лишь половой потребности, не частнособственническая психология и пережиточное отношение к человеку противоположного пола, не только неуважение к нему, его достоинству и чести, не низкая личная культура и т. д., хотя все эти факторы влияют на совершение таких сексуальных преступлений.

Субъективные причины изнасилований, как и других преступлений, в первую очередь связаны с особенностями представлений преступника о самом себе, «Я-концепцией», самопрятием. В этом аспекте преступление есть попытка изменить имеющееся, нередко психотравмирующее, представление о самом себе и тем самым повысить собственное самопрятие. Неприятие прежде всего проявляется в негативном эмоциональном отношении к самому себе и собственным действиям. Поэтому человеку кажется, что нужны некоторые специфические условия, чтобы было осуществлено самопрятие. Такими условиями являются преодоление, прежде всего в психологическом плане, доминирования противоположного пола или осуществление самоутверждения в биологической роли, которое при этом трактуется весьма субъективно.

В других случаях изнасилование выступает формой защиты имеющегося представления о себе от угрозы, связанной с определенным субъективно унижающим преступника поведением человека другого пола, которое наносит удар по его самолюбию и оценке себя в биологической роли. При этом поведение человека другого пола объективно может и не быть таковым. Представление насильника о себе есть следствие его взаимоотношения с конкретными представителями противоположного пола, через которое формируется его отношение к другому гендеру вообще.

Особенности межполовых взаимоотношений только в том случае могут угрожать самолюбию, если они в силу определенных личностных дефектов становятся субъективно наиболее значимыми, переживаемыми, что и определяет фиксацию на сексуальной сфере и повышенную восприимчивость к любым элементам отношений. Утверждение себя в требуемой сексуальной роли при этом равносильно тому, чтобы существовать, т.е. бытийному уровню. Совершая изнасилование, такие преступники в первую очередь как бы подтверждают свое право на существование в собственных глазах, ибо их бытие зиждется на роли и поведении в сексуальной сфере. Надо отметить, что такие внутриличностные тенденции, как правило, не осознаются человеком, от него ускользает их личностный смысл.

Реализации названного мотива часто способствуют циничные взгляды и представления о представителях другого пола, отрицательное, презрительное отношение к их личной свободе, достоинству, половой неприкосновенности. Для насильника ценность человека другого пола в силу его психологических особенностей велика, но в то же время чрезвычайно низка его половая неприкосновенность.

Рассмотрим другие примеры. Многие имущественные преступления совершаются лицами, ведущими антиобщественный, паразитический, часто бездомный, образ жизни. Многие из них являются бродягами. Не имея законных источников получения средств к существованию, они добывают их путем совершения правонарушений корыстного характера. Однако ими движет не

стремление к приобретению материальных благ или получению особых выгод, а тем более к их накоплению, а лишь желание обеспечить свое существование и в большинстве случаев потребность в спиртном. Поэтому мотив имущественных преступлений со стороны таких дезадаптивных личностей может быть определен как обеспечение. Можно, конечно, хищения в целях накопления материальных благ рассматривать как обеспечение определенного образа жизни, но в этом случае их совершают, чтобы утвердиться в определенной социальной среде, а уйдя из нее, сохранить субъективно приемлемую жизнедеятельность.

На наш взгляд, по мотивам обеспечения совершаются и преступления в целях получения средств на приобретение спиртных напитков или наркотических веществ. В этих случаях реализация таких мотивов позволяет удовлетворить известные болезненные влечения.

Как мы видим, мотивами многих имущественных преступлений наряду с корыстью могут быть утверждение (самоутверждение) и обеспечение в зависимости от решения личностью жизненно важных для нее задач.

Дезадаптивное существование присуще не только лицам, систематически занимающимся бродяжничеством, но и многократно судимым рецидивистам, выпавшим из сферы нормального общения. Поэтому важно знать мотивы такого поведения, тем более что многие его формы наказываются в уголовном порядке.

Что же мотивирует бродяжничество? Большинство отечественных исследователей полагают, что основным мотивом такого поведения является стремление уклониться от участия в общественно полезном труде. Но такое мнение нам не представляется обоснованным, поскольку неучастие в труде характерно не только для бродяг. Нужно отметить и то, что немалая часть бродяг, в том числе злостных, работают, правда, частным образом.

Исследования показали, что неблагоприятные условия социализации на первых этапах жизни будущих бродяг предопределили особенности их личности и поведения: в детстве неприятие в родительской семье, невключение в её

эмоциональную структуру, отчуждение от нее, причем еще более жестко и грубо, чем других будущих преступников. Это обусловило психологическую невозможность в дальнейшем их адаптации в собственной семье, трудовых, дружеских и иных социальных группах. Бессознательным мотивом бродяжничества является стремление к тому, чтобы не закрепляться в какой-либо малой группе, уйти от нее, не идентифицироваться с ее членами, поскольку индивид еще в детстве не закреплялся и не идентифицировался в своей первичной социальной группе — родительской семье, т.е. человек поступает так, как поступали с ним в детстве, воспроизводя в своем взрослом поведении то, что зафиксировалось в его психике на уровне бессознательного в результате весьма неблагоприятных условий воспитания в детстве.

Если принять эту нашу точку зрения, становятся понятными стремление бродяг к праздному, паразитическому существованию, желание уклониться от труда и т.д. Дело в том, что, например, участие в труде предполагает, как правило, членство в трудовом коллективе, а выполнение семейных и родственных обязанностей — жизнь в семье, постоянное общение с ее членами. Однако в силу отвергания будущих бродяг в детстве они оказываются не способными закрепляться в малых группах (семье, коллективах и т.п.). Мы предлагаем называть мотив бродяжничества уходом, т.е. стремлением выйти из микросреды, освободившись тем самым от основных человеческих обязанностей и ведя существование, которое порождено всей прожитой жизнью, в первую очередь эмоциональным отверганием родителями в детстве.

К числу основных мотивов преступного поведения принадлежит **игровой мотив**. Он довольно сложен и мало изучен. Между тем доля преступников-игроков среди воров, расхитителей, особенно мошенников и некоторых других категорий, относительно велика. К ним относятся те, кто совершает преступления не только, а во многих случаях не столько ради материальной выгоды, сколько главным образом ради игры.

Чтобы выявить игровые мотивы преступного поведения, нужны определенные подходы и даже специальная психологическая подготовка исследовате-

лей и практических работников. Изучение таких мотивов необходимо для объяснения причин совершения сложных преступлений и, следовательно, повышения эффективности их предупреждения.

Например, наличие игровых мотивов позволяет объяснить хищения имущества, совершающиеся в течение длительного времени, когда, казалось бы, преступник похитил уже достаточно много и мог бы удовлетвориться приобретенными материальными благами, однако продолжает участвовать в хищениях. Это обычно вызывает удивление, тем более что у такого лица постоянно возрастает риск быть разоблаченным и наказание в этих случаях может быть более суровым. Мы считаем, что некоторые из подобных преступлений стимулируются уже не столько корыстью, сколько потребностью человека в игре, удовлетворяющей жизненно важные эмоциональные ощущения.

Игровые мотивы часто наблюдаются в преступлениях воров-карманников и нередко тех, кто совершает кражи из квартир, со складов, из магазинов и других помещений. Эти мотивы ярко проявляются в мошенничестве, где можно выделить интеллектуальное противоборство, состязание в ловкости и сообразительности, умение своевременно и адекватно оценивать складывающуюся ситуацию, максимально использовать подходящие обстоятельства и быстро принимать наиболее правильные решения. Как правило, мошенники не совершают других преступлений, а если и совершают, то почти всегда с элементами игры. Карточные шулера, например, играют в двойную игру — и по правилам, и обманывая, так что получают от всего максимальные эмоциональные переживания.

Вообще распространенность азартных игр среди преступников, в первую очередь корыстных, как раз и объяснима постоянным стремлением к риску.

Изучая (совместно с В. П. Голубевым и Ю. Н. Кудряковым) преступников-игроков, мы выделили среди них два типа личности и соответственно два типа подобной мотивации: игрового активного и игрового демонстративного.

Для первого из них характерно сочетание способности к длительной активности и импульсивности, что рождает постоянное влечение к острым ощу-

щениям и переживаниям. Такие преступники активно ищут возбуждающие ситуации и нуждаются во внешней стимуляции. У них это сочетается с пренебрежением социальными нормами, правилами, обычаями, со сверхактивностью, с импульсивностью в поступках, с безответственностью. Это люди, в значительной степени, идущие на поводу своих желаний и влечений, у них часто встречается склонность к злоупотреблению алкоголем, беспечной праздности, легкой жизни. Они чрезвычайно общительны, легко устанавливают контакты и всей душой отдаются игре. Пускаясь на отчаянные авантюры, они не испытывают страха перед возможным разоблачением и не думают о последствиях, часто совершая такие действия без видимой необходимости. Они рискуют, «играя» не только с законом, но и с соучастниками, невзирая на угрозы расправы со стороны последних, поскольку основным в их мотивации является удовлетворение потребности в острых ощущениях.

Лица второго типа обладают хорошо развитым механизмом вытеснения эмоций и поэтому сравнительно легко игнорируют трудности и неудачи, с которыми встречаются. Главное для них — произвести сильное впечатление на окружающих. За счет своей артистичности и психологической пластичности они хорошо приспосабливаются к изменениям ситуации, без особого труда меняют принятую роль, что помогает им совершать преступления. В их поведении часто сохраняется игра в нужного, полезного для всех человека, причем обычно они больше говорят, чем делают, что мешает им занимать лидирующие позиции в преступных группах, пользоваться там постоянным авторитетом.

Таковы в общих чертах игровые мотивы преступного поведения, позволяющие многое понять в его природе.

Мы проанализировали не все, а только основные мотивы преступлений. Полагаем, что могут быть обнаружены и иные, не названные нами их субъективные стимулы. Некоторые мотивы можно обозначить иначе, и мы отнюдь не уверены, что наши названия отдельных мотивов — самые удачные. Но как бы дальше ни развивались исследования проблем мотивации поведения, в

том числе преступного, они, насколько нам позволяют судить сегодняшние знания, должны ориентироваться на обнаружение того, ради чего поведение реализуется, в чем его личностный смысл.

Вышеизложенные мысли о преступнике и преступлении наглядно свидетельствуют о том, что понять преступное поведение невозможно без подлинного знания криминологического-психологического механизмов и мотивов, социально-психологических явлений и процессов, а нередко и психиатрических факторов. И, естественно, такие знания никак не могут быть получены только путем изучения чужих работ и уголовных дел, при игнорировании преступника со всеми его страстями и нуждами, сложным и неповторимым жизненным путем, подчас трагической судьбой, спецификой индивидуального облика, что еще раз подтверждает неразрывную связь между личностью и преступным поведением. В свою очередь, о том, как вышесказанное соотносится с наказанием, сказано в следующей главе.

Глава 5. Наказание —

основа пенитенциарного антикриминогенного воздействия

5.1. Комплексные проблемы исправления осужденных

В настоящее время идет активный поиск решения проблем повышения эффективности исправления осужденных, от чего во многом зависит снижение уровня рецидивной преступности. Чтобы создать научные основы таких решений, необходимо максимально использовать достижения права, педагогики, психологии, психиатрии и криминологии. Если большая роль права, педагогики и психологии ни у кого не вызывает сомнений, то вопрос об использовании достижений криминологии долгое время ставился весьма редко. Между тем именно криминология изучает проблемы преступности, ее причин, личность преступника, индивидуальное преступное поведение и на этой основе стремится разработать меры борьбы с названным антиобщественным явлением. Понятно поэтому, что **науки пенитенциарного профиля и пенитенциарная практика, решая задачи предупреждения рецидивной преступности, должны использовать криминологические достижения.**

Результаты криминологических исследований имеют значение для всех юридических наук криминального цикла. Криминология представляет для них частнонаучную методологию аналогично положениям теории государства и права для всех юридических дисциплин. Более того, преступность и ее причины являются предметом только криминологии, хотя отдельные аспекты этого явления, какие-то частные задачи могут изучать и другие науки, скажем, криминалистика или уголовно-исполнительное право. Отдельные виды преступности, в том числе рецидивную, исследует именно криминология. Общеизвестно значение криминологических исследований для практической деятельности в сфере борьбы с преступностью.

Междисциплинарный характер криминологии и её практическую значимость подчеркивают многие ученые. В. Н. Кудрявцев считает, что криминологи принимают непосредственное участие в решении проблем, стоящих перед всеми социальными науками. По его мнению, в настоящее время ни одна

уголовно-правовая наука не может развиваться без криминологии, как и криминология не может развиваться без других уголовно-правовых наук. Очень важно то, что криминология, представляя собой общую (обобщенную) теорию борьбы с преступностью, создает направленность на практическое руководство этой борьбой. Она дает прикладную ориентацию, указывая на цели и задачи борьбы с преступностью, способы их достижения. Теория криминологии отличается от теории других уголовно-правовых наук практическим характером.

Криминологические исследования всегда оказывали значительное влияние на уголовное право, а значит, на теорию и практику наказания и исправления преступников, обращения с ними. Поэтому может быть поставлен вопрос о криминологических основах уголовного права, что не отрицает важности социологических, уголовно-правовых исследований. В меньшей степени прослежена связь криминологии с уголовно-исполнительным правом и особенно с двумя другими дисциплинами, которые также разрабатывают проблемы исправления и перевоспитания осужденных, — пенитенциарной педагогикой и пенитенциарной психологией. Эта связь больше зафиксирована, чем раскрыта.

Многokратно отмечалось, что сотрудники исправительных учреждений (ИУ) нуждаются в криминологических сведениях о состоянии преступности, ее причинах, личности преступника и механизмах преступного поведения. Эти учреждения очень заинтересованы в обобщениях практики борьбы с преступностью, в рекомендациях по вопросам предупредительной работы. Однако их криминологическая информированность оставляет желать лучшего.

На основе достижений криминологической науки должны разрабатываться меры профилактики рецидивных преступлений. Среди «реализаторов» этих мер видное место должно принадлежать **ИУ. Следует создать единую систему институтов и учреждений, ведущих борьбу с рецидивом преступлений.** На индивидуальном уровне криминологические данные служат основанием профилактической деятельности в отношении конкретных осужден-

ных. При этом, конечно, нужно учитывать специфику деятельности **ИУ**, их виды, характеристики осужденных, конкретные условия жизни общества. С учетом этих особенностей необходимы административный надзор, разработки криминологических моделей поведения рецидивистов, прогнозов рецидивной преступности и индивидуальных прогнозов повторного преступного падения.

Сейчас наказание и исправление преступников изучают и им способствуют следующие науки: **уголовное право**, в том числе с помощью теории наказаний, **уголовно-исполнительное право**, **пенитенциарная психология**, **пенитенциарная педагогика** и **пенитенциарная криминология**. К ним может быть отнесена и **пенитенциарная медицина**, особенно **психиатрия**, тем более что исправление осужденных с психическими аномалиями (их доля колеблется от 20 до 30%), предупреждение нарушений с их стороны требуют специальных познаний в области криминологии, психологии (патопсихологии), психиатрии, педагогики.

Осознание факта комплексного «обслуживания» деятельности по оказанию исправительно-воспитательного и карательного воздействия на преступников имеет большое значение не только для оценки степени консолидации всех необходимых сил, но и для определения основных усилий по подготовке специалистов для органов, исполняющих наказание. Иными словами, каждая из названных научных дисциплин находит применение в пенитенциарной практике, выявляет ее наиболее важные потребности, которые должны удовлетворяться соответствующими кадрами, нормативными актами, методическими разработками и т.д.

Какое место среди психологических, нравственных, педагогических, правовых, экономических и иных аспектов деятельности органов, исполняющих наказание, занимают криминологические знания, криминологическая информация? Какова **роль криминологии** в наиболее полном использовании имеющихся достижений науки и практики, т.е. в обеспечении основных направлений пенитенциарной деятельности? Нам представляется, что постановка

подобных вопросов вполне закономерна, поскольку скоординированная и сбалансированная работа по исполнению наказаний имеет целью недопущение новых преступлений. Поэтому, отвечая на поставленные вопросы, необходимо все время иметь в виду указанную цель, носящую, по всей видимости, криминологический характер. Можно сказать, что, поскольку существует именно эта цель, усилия по исполнению уголовных наказаний могут быть оценены в криминологических категориях. Более того, в указанных категориях должна оцениваться уголовная и уголовно-исполнительная политика, т. е. как раз криминология обязана ответить на вопрос о том, насколько эта политика эффективна и полезна для общества.

Но в этой части задачи криминологического анализа не ограничиваются общей оценкой: в криминологических понятиях могут быть проанализированы результаты исправительно-карательного воздействия на отдельные категории осужденных, применения отдельных видов наказания, работа отдельных пенитенциарных учреждений, эффективность государственного и общественного контроля и т. д. Поскольку уголовно-исполнительная политика и воспитательно-предупредительное воздействие на преступников не заканчиваются при их выходе на свободу, очень важно использовать криминологические рекомендации по предупреждению повторных преступлений именно в этот наиболее критический период жизни таких лиц. Можно утверждать, что криминология призвана обеспечивать единый и непрерывный процесс профилактического воздействия на правонарушителей с момента совершения преступления и до того момента, пока минует угроза рецидива, в том числе в период отбывания уголовного наказания.

В связи со сказанным возникает вопрос о том, каково **соотношение криминологии и уголовно-исполнительного права.**

Мы полагаем, что последнее с использованием криминологических достижений изучает правовые проблемы воспитательного и карательного воздействия на осужденных в целях недопущения новых преступлений с их стороны. Результаты такого изучения должны находить выражение в совершен-

ствовании законодательства об исполнении наказаний и внедряться в практику соответствующих учреждений. Как представляется, воздействие на преступников в целях исправления — основной узел взаимодействия криминологии и уголовно-исполнительного права, пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики.

Именно поэтому теория и практика исправления осужденных стремятся воспользоваться данными криминологии, увязывая разрабатываемые ими методы и приемы карательно-воспитательного воздействия на лиц, совершивших преступления, их исправления с положениями о личности преступника, причинах и механизме индивидуального преступного поведения.

Вместе с тем литературы (равно как методических материалов для практических работников), специально посвященной анализу возможностей и путей реализации достижений криминологии в исправлении осужденных, пока еще мало. Более того, криминологические достижения в деятельности органов, исполняющих наказания, используются мало, значительная часть сотрудников этих органов криминологическими знаниями обладают явно недостаточно. Можно предположить, что это одна из важных причин сохраняющегося уровня рецидивной преступности, длительного ведения многими преступниками антиобщественного существования. Необходимость специального научного анализа криминологических основ исправления осужденных сейчас диктуется потребностями конкретного использования достижений криминологии в уголовно-исполнительной практике, криминологизации этой практики, задачами совершенствования законодательства. Требуется максимальное воплощение в его нормах того, что известно криминологии о наиболее эффективных формах и методах воздействия на преступников на базе научных данных о личности преступника, причинах и механизмах преступного поведения. Для этого необходимо широко использовать результаты исследований по данным проблемам, учитывая, что карательно-воспитательное воздействие на преступников есть не что иное, как профилактика преступлений, в первую очередь индивидуальная, осуществляемая в иных условиях и во мно-

гом иными способами. Специфика мер карательно-воспитательного воздействия обусловлена тем, что они представляют собой одно из средств профилактики новых преступлений.

На криминологических достижениях в познании личностных и поведенческих особенностей преступников следовало бы специально остановиться.

Мнение о том, что личность преступника является носителем некоторых негативных нравственно-психологических черт и особенностей (установок, представлений, ориентаций и т.д.), выступающих непосредственной причиной совершения преступлений, разделяется практически всеми отечественными криминологами. В последние годы получены данные, свидетельствующие о том, что преступников от законопослушных граждан отличает ряд существенных психологических особенностей, которые также включены в детерминистский комплекс преступного поведения. Обобщенно можно сказать, что **преступник — это отчужденная и в то же время психологически зависимая от внешних факторов личность**. Все личностные явления следует рассматривать в качестве объекта индивидуального предупредительного воздействия, каким, в сущности, и выступают исправление и перевоспитание осужденных.

Вопрос о содержании индивидуальной профилактики преступлений изучен в отечественной криминологии. Так, еще в 1980-е гг. О. В. Филимонов справедливо отмечал, что ее содержание составляют выявление лиц, чье поведение, взгляды и т.д. свидетельствуют о возможности совершения преступлений, а также воспитательное воздействие на них.

К сожалению, вопрос об объекте карательно-воспитательного воздействия и о содержании такого воздействия в процессе воспитательной, в особенности индивидуально-воспитательной, работы с осужденными еще не нашел достаточно четкого объяснения и решения в науках пенитенциарного профиля. Между тем именно воздействие на личность осужденного, перестройка ее нравственных воззрений и установок, переориентация криминологически значимых личностных особенностей, придание этим особенностям иного по-

веденческого выражения являются конечной и главной целью всего процесса исполнения уголовного наказания.

Можно сказать, что в местах лишения свободы осужденный как бы предстает в двух лицах: с одной стороны, то, что он представлял собой до лишения свободы, почему совершил преступление, с другой — то, каким он стал в условиях изоляции от общества под влиянием этого фактора. Разумеется, такое деление весьма условно, поскольку в ИУ не может сформироваться новая личность, те изменения в ней, которые там можно наблюдать, по большей части есть продолжение, развитие или изменение тех черт, которые существовали у преступника раньше. Другое дело, что до этого они были скрыты и не были замечены. Ведущие свойства психологического облика человека в большинстве своем не подвергаются фундаментальным изменениям, но они способны порождать разное поведение под влиянием внешних обстоятельств или перестройки его нравственных параметров, что иногда создает неверное представление об изменении самой личности. Поэтому примерное поведение в колонии отнюдь не всегда свидетельствует о том, что субъективные причины, которые ранее привели к антиобщественным действиям, исчезли. Справедливо и противоположное утверждение: если осужденный в период отбывания наказания сопротивляется воздействию администрации, нарушает режим, это не во всех случаях означает, что у него сохранились черты, которые породили преступное поведение. Сами же психологические характеристики личности без их внешнего выражения в поведении чаще всего не могут оцениваться как отрицательные или положительные в нравственном и правовом планах. Они нейтральны, и то, какое поведение они могут породить, во многом зависит от этических ориентаций индивида, формируемых путем воспитания.

Здесь необходимо привести ещё одно очень важное соображение. У каждого человека есть **основная мотивационная тенденция**, составляющая в определенном смысле сущность его личности, пронизывающая всю его жизнь и в целом определяющая поведение. Учет этой тенденции позволяет связать во-

едино и объяснить во взаимосвязи преступные действия в прошлом, поведение в период отбывания наказания и последующие поступки, а тем самым спрогнозировать поведение.

Вот почему надо знать внутренние, субъективные причины преступного поведения, т.е. его мотивы. Именно они и должны быть объектом индивидуального воспитательного воздействия, поскольку нельзя предупреждать повторные правонарушения, не представляя себе, чем они могут быть вызваны. Здесь уместно прибегнуть к аналогии из области медицины: успешным лечение будет лишь тогда, когда известна причина болезни.

Как уже упоминалось выше, мотив — внутреннее побуждение к деятельности, субъективный стимул человеческих поступков. В нем находят выражение движущие силы личности, связанные с удовлетворением ее потребностей. Знание мотивов не только дает ответ на вопрос, почему совершены те или иные действия, но и объясняет, в чем их смысл для данного индивида, какие его нужды при этом удовлетворяются. Такой подход к мотиву дает возможность понять, на что направлена активность лица, ради чего выбран именно этот вариант поведения, а не другой, т.е. уяснить мотив как причину, определяющую направленность поведения.

Необходимо отметить, что выявление подлинного мотива — задача очень трудная, порой требующая специальных криминологических и психологических познаний, владения особыми методиками. Дело в том, что, как установлено современными криминологическими исследованиями, мотивы многих преступлений носят скрытый характер и неосознаваемы даже самим субъектом. То, что на первый взгляд иногда представляется ведущим мотивом, в действительности оказывается одним из второстепенных стимулов или вообще не имеет стимулирующего значения. Поэтому перед сотрудниками ИУ стоит задача кропотливого поиска подлинных мотивов преступлений. При этом они должны помнить, что **мотив и мотивировка — далеко не одно и то же**. Между тем именно мотивировка, данная следствием или судом либо самим преступником, сплошь и рядом воспринимается именно как мотив.

Нередко мотивировки, данные обвиняемым, ставятся в основу определения мотивов, формулируемых затем следствием и судом.

Мотивировка — рациональное объяснение причин действия посредством указания на социально приемлемые для данного субъекта и его окружения обстоятельства, побудившие к выбору данного действия. Мотивировка выступает как одна из форм осознания мотивов, с ее помощью человек иногда оправдывает свое поведение или маскирует его.

Сотрудники ИУ, знакомясь с материалами на осужденных, как правило, руководствуются теми определениями мотивов, которые имеются в приговорах. Между тем во многих приговорах, даже по уголовным делам об убийствах и о нанесении тяжких телесных повреждений, указания на мотивы преступлений вообще отсутствуют. Так, изучение значительного числа уголовных дел об умышленных убийствах показало, что во многих из них данные о субъективных причинах совершения таких тяжких преступлений ничего общего с мотивами не имеют (например, в них указывается на убийство «на почве пьянства», убийство «из-за враждебных отношений и ссоры»).

То, что сейчас в теории и на практике обычно рассматривается как мотив конкретных преступлений, в действительности чаще бывает социальной оценкой приписываемых преступнику побуждений, но не характеризует личностного смысла, сути этих побуждений. Поэтому осужденный часто не знает, почему он совершил преступные действия, и переносит вину на других людей (при совершении убийства, как правило, на потерпевшего) или сложившиеся обстоятельства. Из-за этого он не может овладеть субъективными причинами собственных действий и, следовательно, в должной мере управлять собой, а это создаст опасность рецидива. Внешние оценки чаще всего им воспринимаются отрицательно, как некий ярлык, отделяющий его от других людей. Отвергая их, осужденный тем самым отделяет от себя и преступление, так как оно является источником этих оценок. Отсюда негативное отношение к приговору и наказанию, что, как хорошо известно сотрудникам ИУ, существенно затрудняет воспитательную работу.

Вообще, как это ни парадоксально, тема преступления является довольно популярной как среди осужденных, так и среди администрации. Более того, в местах лишения свободы, если можно так сказать, уже нет преступников, а есть осужденные. Те действия, которые привели их туда, перестают привлекать должное внимание. В связи с этим сотрудники ИУ больше ориентируются на их настоящее поведение, чем на то, которое привело их в места лишения свободы.

Работники органов, исполняющих наказание, должны помнить важное криминологическое положение: ни одно из тех личностных явлений, которое сейчас обычно называют мотивами преступного поведения, вообще не может считаться специфическим именно для такого поведения. Так, **ревность** или **корысть** способны порождать и иные, законопослушные, формы поведения. Поэтому сотрудники ИУ обязаны выяснять, почему конкретный человек выбрал данный вариант действий, а не какой-нибудь другой. Установление причин этого позволит обнаружить **подлинный мотив преступления**.

Чтобы понять мотив, необходимо изучить личностные особенности конкретного индивида, его потребности, стремления, взгляды, ориентации, весь жизненный путь, начиная с детства. Иными словам (и это главное), нужно знать, что он представляет собой как личность, и уже из этого выводить мотив, который представляет собой нечто, связанное с его внутренним миром.

Без личности не может быть мотива — это психологическая аксиома. Поэтому нельзя сделать заключение о мотиве, зная или наблюдая лишь поведение индивида, поскольку одни и те же действия разных людей могут быть порождены различными мотивами. Напротив, внешне совсем непохожие поступки могут вызываться сходными побуждениями. Если же вывод о мотиве делается только исходя из анализа поведения, но при этом игнорируется личность, то, как правило, происходит приписывание ей внутренних стимулов, которых нет в действительности.

Перечисленные проблемы во многом определяются недостаточной теоретической разработанностью вопросов воспитательного воздействия на осуж-

денных. С другой стороны, существующее уголовно-исполнительное законодательство еще не в полной мере регламентирует мероприятия, которые, как показывают криминологические и пенитенциарные, в частности психологические, исследования, следует осуществлять в рамках такого воздействия. Особенно это относится к индивидуальной работе с преступниками, которая, как мы пытались показать выше, имеет исключительно важное значение для предупреждения новых преступлений.

Для действительного исправления конкретных лиц необходимы, прежде всего, перестройка нравственных параметров, воздействие на те психологические черты личности, совокупность которых ранее обусловила совершение преступления и которые могут вновь проявить себя. Иначе говоря, надо знать субъективные причины преступного поведения.

Сказанное позволяет остановиться на некоторых положениях, которые можно было бы закрепить в уголовно-исполнительном законодательстве. В нем, как представляется, должно быть четко определено, что основным объектом воспитательного воздействия должна быть личность осужденного, точнее, те ее особенности, которые привели к совершению преступления и могут детерминировать такие действия в будущем. В законе нужно особым образом подчеркнуть, что все средства исправления и перевоспитания должны быть подчинены единой и **главной цели — изменению криминогенных нравственно-психологических установок, взглядов, позиций и т. д. конкретного индивида.** Возможно, в закон следовало бы включить ряд норм, отсылающих к подзаконным ведомственным актам, в которых соответствующие вопросы нашли бы более подробную регламентацию.

Реализация этих соображений сейчас крайне затруднена тем, что в органах, исполняющих наказание, нет специалистов, которые могли бы на высоком профессиональном уровне изучать личность осужденного и оказывать на него необходимое психологическое воздействие (которое во многом должно быть психотерапевтическим). Поэтому актуальна постановка вопроса об уча-

стии такого рода специалистов в процессе исправления и перевоспитания осужденных.

Криминологические, прежде всего психологические, исследования последних лет, в том числе проведенные с нашим участием, убедительно свидетельствуют, что одной из наиболее характерных особенностей преступников является то, что они находятся в некоторой социально-психологической дистанции от общества и его ценностей, т.е. как бы отстранены, отчуждены от них, изолированы от малых социальных групп (семьи, друзей, трудовых коллективов и т.д.) или связи с ними существенно ослаблены, в том числе в эмоциональном плане. Это создает своеобразную мотивацию преступного поведения, определяет специфику реагирования на конкретные жизненные ситуации, а также на воспитательные усилия, которые применяют общество и государство в отношении таких лиц. Их уголовно наказуемые поступки почти всегда говорят об отчуждении от общественных ценностей, закрепленных в моральных и правовых нормах. В одних случаях эти поступки могут быть мотивированы стремлением вести престижный, по мнению преступников, образ жизни, приобщаться к жизнедеятельности эталонной в их глазах группы, а в других — их неспособностью (в силу личностных особенностей) к длительному функционированию в составе семьи и трудового коллектива. Отсюда систематическое занятие бродяжничеством, тунеядством, длительное ведение антиобщественного существования преступниками-рецидивистами. Совершение при этом краж и других имущественных преступлений способствует поддержанию определенного образа жизни, детерминируемого психологическим отчуждением личности.

Как свидетельствуют эмпирические исследования (о чем было сказано выше), **отчуждение личности правонарушителей порождает у некоторых из них страх быть уничтоженным средой, постоянное ощущение ее враждебности.** Это основа мотивации большинства насильственных преступлений и многих хулиганских действий. Отчужденной вследствие невключенности в эмоциональные контакты с другими людьми личности свойственны отсут-

ствие эмотивности, сопереживания, способности идентификации с окружающими, умения поставить себя на их место. Этим можно объяснить совершение многих насильственных и корыстно-насильственных преступлений, особенно кажущуюся легкость, с которой они совершаются. Таким образом, и эти преступления генетически связаны с психологическим отчуждением личности.

Исполнение наказания в виде лишения свободы, как известно, может способствовать еще более глубокому отчуждению от позитивной среды и ее ценностей, отрыву от семьи, друзей, трудового коллектива. Поэтому необходимо предпринять меры, в том числе законодательного характера, которые позволили бы в максимально возможной степени снять указанные негативные последствия отбывания наказания в виде лишения свободы. На наш взгляд, это должно реализовываться в **двух основных направлениях**: 1) нужно всемерно способствовать тому, чтобы осужденным, личность которых дезадаптирована, отчуждена, в период исполнения наказания были бы обеспечены успешная социализация, преодоление социально-психологической изоляции, приобщение к социально полезным ценностям, включение в сферу социально одобряемого общения; 2) в отношении тех осужденных, которые не отличаются отчужденностью, нужно принимать наряду с воспитанием у них уважения к законам и солидарности с ними меры для сохранения связей с семьей, трудовыми коллективами и т.д., причастности к законопослушной жизни в самом широком понимании.

С этой целью вся карательно-воспитательная работа в ИУ должна быть еще более гуманизирована, причем соответствующие меры следует принимать не только к «благополучным» осужденным, но и ко всем. Эти меры более настойчиво и концентрированно должны осуществляться в отношении тех, кто больше других запущен в нравственно-педагогическом плане, многократно совершает преступления, упорно сопротивляется воспитательным усилиям, нарушает режим отбывания наказания и т.п.

Не менее важным представляется решение и другой проблемы — **дальнейшей дифференциации исправления осужденных с учетом результатов криминологических исследований.** Речь идет об их типологии, а не классификации, поскольку именно типология дает возможность зафиксировать наиболее существенные черты личности, имеющие криминогенное значение. Здесь, мы полагаем, могут быть три основных решения вопросов о дифференциации преступников в зависимости от поведения в период отбывания наказания, от личностных особенностей и от характера совершенных преступлений.

Первое из них имеет недостаток: в значительной части случаев поведение во время пребывания в ИУ не может выступать достаточно надежным ориентиром определения того, что в действительности представляет собой данный осужденный, как он относится к наказанию, исправился или нет и т.д. Далек от совершенства и такой критерий, как характер совершенных преступлений, в первую очередь в силу того, что различные по уголовно-правовой природе преступления могут совершаться по одним и тем же мотивам. Отдельные группы осужденных, если их выделить по характеру совершенных преступных действий, смогут быть весьма значительными по количеству относящихся к ним осужденных (например, корыстные преступники), в то время как другие (например, осужденные за изнасилования) составят относительно небольшую группу. Поэтому наиболее обоснованным представляется дифференциация осужденных по их личностным особенностям.

Именно подобная типология преступников (осужденных) отвечает необходимости дифференцированного воздействия на них в зависимости от того, в силу каких личностных причин они совершили преступления. Именно эти причины должны быть объектом воспитательно-предупредительных усилий. Самостоятельной комплексной проблемой является **предупреждение преступлений в местах лишения свободы,** причем эти преступления следует рассматривать в качестве фактора, существенно препятствующего исправлению и перевоспитанию осужденных. Здесь криминологические знания, под-

ходы и методы должны использоваться в полной мере, но с учетом, конечно, конкретных условий отбывания наказания, включая социальную среду осужденных, складывающиеся там ценности, нормы и стандарты поведения, особенно неформальные, а также малые группы, протекающие в этой среде социально-психологические процессы. Для того чтобы указанная предупредительная деятельность была успешной, необходимо криминологическое изучение состояния и причин преступлений в ИУ, способствующих им условий, личности преступника, механизма преступного поведения, т.е. реализации полного криминологического «цикла». Представляется, что в криминологическом аспекте необходимо исследовать также состояние и причины нарушений режима в местах отбывания уголовных наказаний, поскольку многие из них являются питательной почвой для совершения преступлений.

Как мы видим, значение криминологии для исправления осужденных чрезвычайно велико, поэтому мы поддерживаем мнение тех ученых, которые считают целесообразным выделение такой научной дисциплины, как **пенитенциарная криминология**. Являясь частью общей криминологии, она нормирует свой предмет на базе изучения специфических объектов: учреждений по исполнению наказания, исправлению и перевоспитанию осужденных. С одной стороны, ее проблемы своеобразны, так как вызваны специальными потребностями: исполнением наказания, исправлением и перевоспитанием осужденных. С другой стороны, отличие проблем не принципиальное, а видовое, поскольку реализация специальных потребностей должна способствовать общей цели: предупреждению преступлений. Более того, исследование проблем в пределах пенитенциарной криминологии помогает более глубокому и точному пониманию общетеоретических положений криминологии.

На наш взгляд, использование криминологических достижений в практике деятельности органов, исполняющих уголовные наказания, отнюдь не должно ограничиваться теми задачами, которые обозначаются для них в рамках пенитенциарной криминологии, или криминопенологии. Проблема должна быть поставлена значительно шире: в аспекте криминологизации исправле-

ния осужденных. Достижения криминологии в познании личности преступника, причин и механизмов преступного поведения должны составить криминологические основы воспитательно-предупредительного воздействия на преступников.

5.2. Криминологическо-психологические основы изучения личности осужденных

Если исправление осужденных является основной целью уголовного наказания, то деятельность ИУ направлена в первую очередь на решение **психолого-педагогической задачи**. Ей должно предшествовать изучение личности различных осужденных. Необходимость такого изучения особенно актуальна на современном этапе развития законодательства и практики его применения в связи с углублением демократизации и гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. В частности, такого рода исследования должны способствовать расширению уголовного наказания, не связанного с лишением свободы, дифференциации и индивидуализации исполнения любых уголовных наказаний.

Еще Ю. Ю. Бехтерев подчеркивал, что изучение личности должно предшествовать пенитенциарному воздействию на нее и проникать во все звенья ИУ, обеспечивая решение следующих задач:

- 1) правильной классификации заключенных в пределах одного ИУ;
- 2) установления соответствующего режима для каждой категории заключенных;
- 3) разумной организации трудовых процессов;
- 4) целесообразной постановки школьной и внешкольной работы;
- 5) правильного учета результатов пенитенциарного воздействия;
- 6) повышения педагогической квалификации работников пенитенциарных учреждений.

Все эти положения являются, на наш взгляд, актуальными и сегодня, они требуют дальнейшей разработки и внедрения с учетом современных достижений уголовно-исполнительной (пенитенциарной) психологии. Поэтому изучение личности осужденного необходимо рассматривать как важнейшую предпосылку индивидуализации карательных и воспитательных воздействий, повышения их эффективности.

Изучение особенностей личности преступников началось еще в конце XIX — начале XX в. Отметим работы таких ученых, как Ч. Ломброзо, П. Н. Тарновская, М. Н. Гернет и др. Новый импульс криминологические исследования в нашей стране получили в 1960-е гг. В рамках изучения преступника вообще предметом исследования становится и личность преступника-рецидивиста. Но в то время углубленного изучения личности именно осужденных не проводилось, что явилось следствием недопустимо медленного проникновения в науку пенитенциарного профиля и в пенитенциарную практику современных психологических методов.

Это приводило к созданию классификаций осужденных, основанных на довольно поверхностном изучении их личности, которые, естественно, не способствовали разработке эффективных мер воспитательных воздействий. Примером может служить классификация осужденных, предложенная Л. А. Высотиной.

Согласно её теории многообразие осужденных можно и практически целесообразно дифференцировать по трем категориям, которые составляют осужденные:

- 1) вставшие на путь перевоспитания. Примерным поведением, честным отношением к труду и обучению, активным участием в общественной жизни коллектива они стремятся искупить вину и доказать исправление, правильно оценивают совершенные ими преступления и свое уголовное прошлое, осознают собственные нравственные пороки и т.д.;
- 2) в основном с положительным, но неустойчивым поведением, отношением к труду и учебе. Они не всегда правильно осознают и оценивают совершен-

ное преступление и криминальное прошлое, свои отрицательные качества и необходимость перевоспитания, не проявляют должной активности в общественной жизни коллектива и т.д.;

3) не вставшие на путь перевоспитания. Они систематически и злобно нарушают режим и правила поведения, недобросовестно трудятся, уклоняются от участия в воспитательных мероприятиях и общественной жизни коллектива, от обучения в школе, ПТУ и др.

Совершенно очевидно, что для создания подобной классификации не требуется серьезных научных изысканий и специальных психологических методов. Все эти описания были и ранее известны практическим работникам. К сожалению, большинство исследований личности осужденного (да и личности преступника в целом) отличались в то время крайней поверхностностью и поэтому каким-то подспорьем для разработки эффективных воспитательных мер служить не могли. Не шла речь даже о реальной специфике личности осужденных, движущих силах их поведения, и результаты научных исследований напоминали обывательские рассуждения, сводившиеся только к тому, что надо ужесточить меры воздействия и повысить требовательность. Трудно даже представить практическое значение таких выводов и те методики воспитательного воздействия, которые могли бы быть разработаны на этой основе. Общие житейские рассуждения о личности преступника могут в практике ИУ вылиться только в такие же общие лозунги и призывы. Ни к каким реальным конкретным воспитательным мерам и методикам это привести не могло.

Помощь в изучении личности осужденного могут оказать только **специальные психологические методики**, особенно те, которые позволяют дать наиболее полную характеристику личности, ориентированную на решение задач исправления и перевоспитания. О таких методиках мы расскажем ниже. Но дело не только в них, нужно отказаться от многих привычных взглядов и представлений. Так, чтобы выяснить действительные движущие силы преступного поведения, необходимо отказаться от понимания мотива лишь

как осознанного побуждения, являющегося свойством личности, вследствие актуализации которого совершается тот или иной проступок.

Таким образом, происходит ограничение понимания мотива путем включения в него лишь того, что человек считает причиной своего действия. Причем такая трактовка мотива предполагает рассмотрение его не как детерминирующего поведение фактора, а лишь как осознаваемое индивидом побуждение, соображение, цель, вследствие которых он совершает именно этот, а не иной поступок. Понимание мотива как осознанного побуждения, которое человек считает причиной своего действия, сводит психологический анализ причин поведения до уровня интерпретации поведения по двухзвенной схеме «стимул — реакция». При объяснении в рамках этой схемы поведения человека остается непонятным, почему он выбрал именно тот, а не иной способ действия. Указание на какую-либо одну потребность, например сексуальную или пищевую, не объясняет, почему человек совершил именно данное действие. При выявлении причин (мотивов) поведения необходимо принимать во внимание не только потребности, соответствующие совершенному поступку, но и те внутренние обстоятельства, которые направляют поведение человека по конкретному пути, т.е. действительные побуждения, внутренние детерминанты поведения.

Если в понимании мотива ограничиться только выявлением того, что человек думает о причине своего поступка, и считать это мотивом поведения, его основной причиной, то можно перейти на уровень устаревшей двухзвенной схемы анализа поведения, которая справедливо подвергается критике в современной психологии.

Это происходит потому, что человек в качестве сознательной причины своих действий называет как раз внешние или, образно говоря, лежащие на поверхности, стимулы (например, насильник указывает определенное поведение женщины, ее внешнюю привлекательность, собственную сексуальную потребность). Но перечисленные факторы сами по себе никак не могут ответить

на вопрос о том, почему данный человек поступил именно так, а другой в аналогичной ситуации этого не сделал.

Попытки привлечь к анализу такие категории, как «дефекты морально-нравственной сферы», «ненадлежащие социальные установки», «антисоциальная направленность» и т.д., также не дают убедительных объяснений причин — детерминант конкретного поступка на индивидуальном уровне. Это слишком общие категории, которые трудно поддаются индивидуализации. Таким образом, то, что преступник осознает в качестве причин своих действий, в большинстве случаев не является отражением реальных мотивов. Поэтому было бы неправильно, исходя только из ответов осужденного, делать вывод об истинных причинах, которые привели его к преступлению. Сознательное представление осужденного о том, почему он совершил преступление, можно рассматривать лишь как материал для гипотезы, но не более.

Мотив, как уже было сказано выше, — это побуждение человека, связанное с удовлетворением потребностей, определяющее направленность его поведения, в том числе преступного. Это то, что лежит в основе выбора действий личности. Мотивом может быть не только какой-то материальный предмет, но и идеальный объект. В большинстве случаев мотивы преступного поведения с точки зрения личностного смысла не осознаются полностью или частично.

Введение такой категории, как «мотив», при анализе личности осужденных позволяет преодолеть приведенную двухчленную систему, поскольку мотивы становятся внутренним промежуточным личностным звеном, через которое преломляется реальность в восприятии человека. Именно система мотивов человека является совокупностью внутренних условий, через которые действуют внешние причины.

При изучении личности необходимо также учитывать, что осужденные находятся в местах лишения свободы, где социальная среда отличается качественными характеристиками и способна активно воздействовать на личность и поведение. В связи с этим особенности поведения, меры воспита-

тельного воздействия необходимо рассматривать в контексте отношений, складывающихся в социальной среде осужденных. Человек, помещенный в место лишения свободы, естественно, застаёт там сложившуюся социальную среду, отличающуюся от той, в которой он жил ранее. Особенности новой социальной среды определяются прежде всего действием следующих факторов: изоляцией от общества, регламентацией поведения во всех сферах жизнедеятельности, принудительным включением в однополюсные социальные группы, сложившейся стратификацией среды, действием неформальных норм поведения, бытующих в этой среде, и т.д. Приходится приспособляться к этим условиям, и поэтому у индивида, помещенного в место лишения свободы, изменяются личностные свойства и появляются новые. Цель исполнения наказания предполагает положительные изменения личности, однако на практике под влиянием социальной среды результат часто бывает обратным. Отсюда проблема рецидива, которая приобрела в настоящее время такой острый характер.

Повышение эффективности воспитательных воздействий требует также их индивидуализации и конкретизации применительно к различным категориям и типам осужденных. В связи с этим типологический подход в изучении и объяснении личности преступника является крайне необходимым. Прежде всего он позволяет выявить характерные особенности отдельных групп преступников, показать их специфические черты и предложить меры по дифференциации и индивидуализации карательно-воспитательного воздействия на них.

Решение проблемы идет в двух направлениях.

Первое направление охватывает те классификации, в основе которых — правовые признаки. С расширением оснований классификации появляется возможность получить более подробную дифференциацию осужденных, объединив их в группы по ряду сходных признаков. Недостатки этого направления прежде всего в том, что личностные свойства здесь вторичны и часто искусственно привязаны к правовым признакам.

Второе направление имеет целью поиск оснований для классификации, которые отражали бы личностные свойства осужденных. Такими признаками считаются эгоистическая устремленность, ослабленная волевая конституция, социальная и моральная запущенность. Типичные недостатки таких классификаций в том, что они, учитывая в первую очередь личностные свойства, не предлагают серьезных способов выявления и измерения таких категорий, как «нравственная запущенность», «асоциальные установки», «эгоистическая устремленность» и т.д. Невозможность измерить или хотя бы четко определить подобные свойства снижает практическую ценность предлагаемых классификаций. Даже понятия «осужденные-приспособленцы», «осужденные с неустойчивым поведением», «осужденные, встающие на путь исправления» и т.п. трудно использовать в качестве индикаторов, если отсутствует четкое и однозначное их описание и нет возможности измерения.

Наконец, общим недостатком многих группировок является то, что они направлены на выделение отдельных групп лиц по внешним, формальным признакам, например социально-демографическим, а не по внутренним, сущностным характеристикам, что необходимо для построения эффективных, дифференцированных программ исправления.

В практике научных исследований, особенно криминологических, часто происходит смешение понятий классификации и типологии. Однако их необходимо различать. Оба эти метода познания, каждый по-своему, дают возможность проникнуть в особенности тех или иных явлений. Поэтому их содержание, назначение и функции нужно определить точно.

Под классификацией понимается распределение данного множества предметов на классы или группы по определенному, общему для каждого из них признаку таким образом, чтобы классы множества составляли систему.

В качестве оснований классификации могут быть взяты признаки, подходящие для систематизации тех или иных явлений либо предметов, но, возможно, несущественные для самих предметов (например, алфавитные каталоги). Такие классификации называются искусственными.

Классификации называются естественными, когда в качестве основания деления выбирают признаки, существенные для данных предметов или явлений. В этом случае выявляются существенные сходство и различие. Естественная классификация называется также **типологией**.

Под типом предметов или явлений понимается образец, вид чего-либо, модель, характерный представитель чего-либо, обладающие существенными и качественными признаками. В частности, под психологическим типом личности понимается особенное в личности, выделенное по определенному психологическому критерию, позволяющему разделить все личности на необходимое и достаточное число их психологических условных групп.

Подводя итог, отметим, что применительно к человеку типология отличается от классификации прежде всего тем, что в ней речь идет не о любом признаке, а о таком, в котором отражаются сущность, наиболее важные объяснительные характеристики той или иной группы людей. Причем такое понятие, как «единое основание для конкретной типологии», не следует трактовать буквально, понимая под ним единственный параметр, измеряющий какое-либо свойство. Основанием типологии должны быть признаки явлений одного уровня познания (например, в психологии — характерологические свойства или темперамент, направленность личности, ценностные ориентации, мотивы и т.п.). Из сказанного следует, что типология в большей мере, чем классификация, позволяет понять причины преступного поведения, обеспечивает научное объяснение различных явлений. В то же время надо отметить неразработанность в науке вопросов криминологической и пенитенциарной типологии, в том числе личности преступника. Еще недостаточно исследованы отдельные категории преступников именно как типов, обладающих специфическими признаками, отличающими одних преступников от других.

Любая типология создается с какой-либо целью. В зависимости от этого выбирается критерий, по которому выделяются типы. Для исследований пенитенциарного профиля знание типичного в преступнике дает возможность вносить предложения по совершенствованию системы режимных мер, соци-

ального контроля, повышению эффективности предупредительных мер, улучшению профилактической и воспитательной работы. При этом следует выяснять механизмы возникновения типичного для тех или иных категорий преступников и на этой основе находить способы активного воздействия на те особенности их личности, которые в известной мере стали причиной преступного поведения либо нарушений в период отбывания наказания.

В криминологическо-пенитенциарных исследованиях и практике исправительного воздействия на преступников типологические методы находят дифференцированное применение. Для осуществления целенаправленного превентивного воздействия строятся узкие социальные и социально-психологические модели. В этом случае типология отдельных категорий преступников имеет ярко выраженную практическую направленность и выполняет функцию дифференциации.

Построение типологии именно осужденных, как уже указывалось выше, должно служить цели их исправления и перевоспитания, т.е. иметь сугубо практическую направленность. Оно должно отвечать решению задач специального (частного) и общего предупреждения. Для того чтобы дифференцированно и более эффективно исправлять и перевоспитывать осужденных, нужно, исходя из специфики мест лишения свободы, строить **социально-психологическую типологию**. При ее построении следует учитывать в первую очередь криминологически значимые черты личности, в особенности те её индивидуально-психологические и социально-психологические свойства и качества, которые способствуют совершению преступлений. Сущность исправления и перевоспитания, как известно, состоит в том, чтобы в процессе целенаправленного воспитательного воздействия устранить, изменить либо нейтрализовать личностные свойства, способствующие совершению преступлений. Именно поэтому разработку той или иной типологии осужденных следует рассматривать как средство для решения задач их исправления и перевоспитания.

В настоящее время изучение именно мотивации преступного поведения приобретает все большее значение в пенитенциарных и криминологических исследованиях. Ей посвящен целый ряд научных трудов. Причем перспективность изучения мотивов преступного поведения определяется, прежде всего, тем, что ответ на вопрос о субъективных детерминантах такого поведения позволит как успешно разрабатывать профилактические мероприятия, так и осуществлять воспитательное воздействие на осужденных. В последнем случае большое практическое значение имеют типологии осужденных, разрабатываемые на основе изучения криминогенных мотивов. Знание мотивов позволяет определить пути и направления предупредительных и исправительных воздействий. Это особенно важно в связи с тем, что если в процессе индивидуальной работы не затронуть и не нейтрализовать субъективные причины, которые привели или могут привести конкретного человека к совершению преступления, вероятность таких действий, в том числе рецидива, остается высокой. Поэтому для ИУ изучение мотивации преступных действий имеет основополагающее значение в плане их индивидуальной профилактики. Для повышения эффективности воспитательной работы с осужденными с нашим участием на основе изучения мотивов были разработаны типологии различных категорий преступников.

С другой стороны, большое значение для разработки воспитательных методик и повышения эффективности исправления и перевоспитания имеют также типологии осужденных, разрабатываемые на основе других психологических параметров. Это в первую очередь касается характера и темперамента. Подчеркнем, что мотивационная типология не заменяет характерологическую применительно к проблемам предупреждения преступлений, исправления и перевоспитания осужденных. Эффективность воспитательных воздействий определяется знанием, как мотивов, так и характерологических особенностей. Если выявление мотивов совершенного преступления может помочь воспитателю определить общую направленность индивидуального воздействия, его цели, то знание черт темперамента и характера позволит разра-

ботать оптимальные тактические приемы педагогических воздействий, являющиеся наиболее эффективными для конкретных осужденных.

Термин «характер» часто смешивают с термином «личность» вследствие близости этих понятий. Под **характером** в отечественной психологии понимается индивидуальное сочетание устойчивых психологических особенностей человека, обуславливающих типичный для данного субъекта способ поведения в определенных жизненных условиях и обстоятельствах. **Личность** в широком смысле включает темперамент, характер, мировоззрение, способности и т.п. Характер — это явление более поверхностное и наблюдаемое извне, форма проявлений человека в жизни, виды его адаптации и поведения. Характер считается базисом личности и формируется в основном в подростковом возрасте. Личность же — это характер вместе с глубинными психологическими механизмами, система, обеспечивающая всестороннюю адаптацию человека к изменяющимся условиям жизни.

Перспективными для разработки мер воспитательного воздействия являются **типологии осужденных на основе акцентуированных свойств темперамента, характера и поведенческих признаков**. Это позволяет, как показывает практика, конкретизировать меры воспитательного воздействия применительно к отдельным осужденным, сделать их максимально индивидуализированными. Методические рекомендации по воспитательной работе с осужденными, составленные с нашим участием на основе типов темперамента и характера, прошли успешное испытание практикой и показали свою эффективность.

Значимость решения психологических проблем в деятельности ИУ делает необходимым существенное повышение психологической компетентности их сотрудников и создание там психологических служб. Эти службы должны заниматься разработкой и реализацией индивидуальных и групповых программ ресоциализации осужденных, нормализацией социально-психологической обстановки в указанных учреждениях, повышением компетентности личного состава, использовать методы психодиагностики и пси-

хокоррекции личности. В психологические службы ИУ должны быть включены специалисты-психологи. Предполагается, что основными **функциями** этих служб будут следующие: **психодиагностическая**, направленная на полное изучение индивидуальных и групповых характеристик осужденных; **прогностическая**, дающая оценку вероятного индивидуального и группового противоправного поведения осужденных; **профилактическая**, направленная на реализацию способов целенаправленного воздействия на поведение осужденного; **профориентационная**, связанная с оценкой психической пригодности осужденного к определенным видам деятельности в условиях ИУ; **консультационная**, ориентированная на оказание индивидуальной психологической помощи осужденным; **просветительская**, рассчитанная на распространение психологических знаний.

Если личность преступника является главным объектом воспитательно-предупредительного и карательного воздействия, то, естественно, встает вопрос о глубоком и всестороннем ее изучении. Более того, мы полагаем, что изучение осужденных в ИУ представляет собой одно из основных направлений деятельности этих учреждений и выступает в качестве одного из важных условий обеспечения их эффективности. Поэтому для ИУ вопрос о методах исследования личности весьма актуален.

Как уже отмечалось выше, для успешного достижения целей наказания исключительно важное значение имеет выявление субъективных причин, которые привели данного человека к совершению конкретного преступления. Эти причины должны быть объектом индивидуального воздействия. Работа по исправлению и перевоспитанию осужденных должна строиться не на переделывании или разрушении сформировавшихся личностных свойств, а на детальном изучении этих свойств и, главное, на выявлении мотивов преступной деятельности и типологической принадлежности индивида. Необходимо определить у каждой конкретной личности негативные стороны, которые нужно скорректировать, и то положительное, на чем можно строить процесс

перевоспитания. Только в этом случае можно достичь успеха в воспитательной работе.

Большое значение имеет знание личности и для выбора наиболее эффективных мер воспитательного воздействия. Прежде всего, имеется в виду знание особенностей темперамента, характера, интеллекта и направленности личности.

Опыт показывает, что путем применения только социологических методов невозможно вскрыть личностные причины преступного поведения, а именно данные причины должны быть объектом, как профилактической работы, так и исправления и перевоспитания преступников. Именно поэтому в последнее время значительно возрос интерес к психологическим методам изучения личности, которые позволяют получить информацию, имеющую прикладное значение.

Важнейшими **средствами изучения личности осужденного** являются: индивидуальные беседы, наблюдения, опросы родственников, анализ материалов дела и т.д.

Изучение осужденного должно начинаться с детального анализа всего имеющегося на него материала, особое внимание обращается на его роль в совершении преступления, способы и мотивы, указанные в приговоре. После этого можно приступать к беседе с осужденным и к проведению других мероприятий, связанных с изучением его личности. Перечня вопросов, которые были бы обязательными для проведения любой беседы в целях определения характерных личностных черт, нет, хотя некоторой схемы для выяснения этих черт следует придерживаться. Например, в ходе беседы выясняются взаимоотношения осужденного с родителями и членами семьи, жизненные цели и ценности, имеющиеся увлечения, особенности взаимоотношений с друзьями, нарушения поведения в прошлом и настоящем (прогулы, пьянство, аморальные проступки и т.д.), наиболее тяжелые события в прошлом, особенности взаимоотношений с другими осужденными, желание участвовать в общественной жизни, отношение к совершенному преступлению и факту

осуждения, планы на будущее. Задавая при беседе вопросы, необходимо фиксировать возникающие у преступника реакции.

Важнейшим критерием для определения характеристик личности являются особенности поведения в конкретных ситуациях. За осужденным необходимо наблюдать непосредственно, изучая его поведение на производстве и в быту, взаимоотношения в коллективе, в ближайшем окружении, а также образ его действий в конфликтных ситуациях, реакцию на взыскания и поощрения и т.д. Даже при поверхностном наблюдении отчетливо могут выступить такие черты, как общительность или замкнутость, тревожность или спокойствие, обстоятельность или суетливость, болтливость или молчаливость, осторожность или неосмотрительность и т.д. В итоге все данные, полученные об осужденном из различных источников и различными способами, необходимо соединить в его **психологическом портрете**, выделив ведущие черты характера и мотивы поведения. Это дает возможность определить тип личности осужденного и выбрать оптимальные пути воздействия на него.

Изучение личности предполагает также квалифицированное применение психологических методик, выбор которых осуществляется в соответствии с конкретными задачами при оказании исправительного воздействия на то или иное лицо. Именно применение специальных психологических методик позволяет давать наиболее полную психологическую характеристику личности, вскрывать мотивы того или иного поведения, решать задачи профессиональной пригодности и выбирать оптимальные методы коррекции поведения. Наиболее широкое применение для этих целей нашли, прежде всего, анкетные методы, а также методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) и 16-факторный вопросник Кеттела, с помощью которых возможны углубленные целостные исследования личности, охватывающие наиболее важные уровни (см. п. 3 гл. 1), характеризующие психолого-криминологические черты личности.

С их помощью были проведены фундаментальные исследования различных преступников, выявлены их отличительные особенности. На основе прове-

денных исследований был сделан вывод, что среди преступников имеется значительное число лиц, обладающих однородными личностными особенностями, из которых ведущими являются импульсивность, агрессивность, асоциальность, гиперчувствительность к особенностям межличностных отношений, отчужденность и плохая социальная приспособляемость. В ходе исследования была обнаружена связь между психологическими особенностями и преступным поведением; выявлены отличительные психологические особенности преступников от законопослушных граждан.

В условиях мест лишения свободы действуют и мощные негативные социально-психологические факторы, под влиянием которых осужденные приходят к отрицанию правомерности социального контроля вообще — путем противопоставления сообщества осужденных другим людям, осознания своих особых ценностей и выработки особых норм. Мы имеем в виду явление, получившее в литературе название «другая жизнь осужденных» (асоциальная субкультура). **Асоциальная субкультура**, культивируя и усиливая противопоставление индивида и общества, препятствует осознанию вины за совершенное преступление, вообще снимает для осужденного проблему морального самооправдания, нейтрализует влияние на личность средств исправительного воздействия. Паразитируя на идеях коллективизма и товарищеской взаимопомощи, она извращает смысл важнейших нравственных принципов, превращая их в групповщину и круговую поруку, прививает осужденным чувство крайнего эгоизма. «Другая жизнь» опирается на систему ценностей, норм, традиции, регулирующих поведение осужденных и их отношение к окружающим. Ее сущность заключается в особой стратификации сообщества осужденных, их делении на слои (страты), представители которых имеют различные положение, права и обязанности в сфере неформального общения. Для правильного понимания нравственной сущности «другой жизни» следует иметь в виду, что для мест лишения свободы ее возникновение закономерно и объективно. Представление о том, что она есть продукт «злой воли» преступников (или «злой воли» администрации ИУ), является поверхност-

ным. Специфичность «другой жизни» обуславливается уникальностью взаимосвязанных социальных факторов, присущих в полной мере только наказанию в виде лишения свободы: принудительной изоляции индивидов от общества; включения их в однополюсные группы на уравнивающих началах; жесткой регламентации поведения. Действие этих факторов постоянно и принципиально неустранимо, поскольку они выступают необходимыми элементами лишения свободы. Указанные факторы являются объективными, внешними по отношению к социальной среде мест лишения свободы.

Но существуют и внутренние факторы. Общество осуждает преступников и изолирует их в ИУ, тем самым противопоставляя их основной массе законопослушных граждан. Это способствует тому, что осужденные осознают себя членами особого сообщества «мы», имеющего свои интересы, противопоставленного «им», т.е. людям, живущим в условиях свободы. Это является материальной основой для консолидации данного сообщества, имеющего свои особые интересы и ценности, вырабатывающего особые меры по защите этих интересов и сплочению самого сообщества. Принудительное включение в особую социально-психологическую среду, невозможность добровольного выхода из нее, общезначимость некоторых основных ценностей заставляют всех осужденных придерживаться норм, выработанных сообществом, хотя ориентация на само сообщество и степень идентификации себя с ним могут быть различны.

Знание общих закономерностей возникновения и существования «другой жизни» позволяет определить общие направления борьбы с этим негативным социально-психологическим явлением. Имеющиеся здесь возможности ограничены действием внешних факторов, устранить их нельзя, следовательно, нужны меры (естественно, в рамках закона), смягчающие действие таких факторов. Детальная регламентация поведения во всех сферах деятельности объективно вырабатывает у осужденных стереотипы поведения, отвечающие весьма специфическим условиям ИУ, а не социальной практике вне мест лишения свободы. Это в условиях замкнутой среды, где ограничены возможно-

сти удовлетворения многих потребностей, снижает активность личности, формирует пассивность и несамостоятельность. В воспитательных колониях следует развивать и поощрять те формы деятельности, в которых могут реализоваться потребности личности в уважении, самоутверждении, творчестве и т.д. **Надо принимать меры к тому, чтобы физическая изоляция осужденных не превращалась в социальную.** Чем более прочными и разносторонними являются связи осужденного с внешней социальной средой, тем меньше степень противопоставления «мы» и «они», тем меньшее влияние на его поведение оказывают нормы асоциального сообщества. Поэтому в пределах, установленных нормами права, должны максимально расширяться связи осужденных с практической деятельностью и духовной жизнью общества.

Кроме того, необходимо разумное уменьшение детальной регламентации повседневной жизни и быта осужденных. В ИУ следует развивать те формы деятельности, которые реализуются в самоутверждении и самоуправлении. Разумеется, возможности самоуправления в местах лишения свободы ограничены рамками закона, но они есть, и задача заключается в том, чтобы пересмотреть структуру самодеятельных организаций осужденных и существенно расширить правовое положение их коллективов. Детальная регламентация поведения осужденных значительно снижает активность личности в условиях изоляции и воспроизводит иждивенческие настроения. Реальной альтернативой этому может быть только максимально возможная в условиях исполнения наказания самостоятельность осужденных, которая может проявляться прежде всего в формировании воспитывающего коллектива осужденных.

Беседы с осужденными, особенно доверительные и обстоятельные, убеждают в том, что, к несчастью, очень мало кто из них исполнен искреннего и глубокого раскаяния по поводу содеянного. Причем, как ни удивительно, покаянных чувств не испытывают, как правило, не только воры, расхитители и взяточники, но и убийцы, насильники, разбойники. В числе последних и те, которые совершали такие преступления неоднократно или с особыми жестоко-

стью и цинизмом, причиняя жертве невероятные страдания и мучения, или против своих близких. Вот только три примера.

Н., 17 лет, подговорил знакомого убить свою мать, вооружил его ножом. После убийства похитил 2500 руб. убитой.

К., 28 лет, во время пьяной ссоры с родным братом зарубил его топором.

О., 27 лет, поссорившись с женой, избил ее, а затем схватил их сына в возрасте двух месяцев и на глазах у матери убил его, ударив головой об пол.

Никто из этих троих в длительных беседах не выразил сожаления по поводу совершенных ими тягчайших преступлений в отношении самых близких родственников — матери, брата, сына, хотя все преступники признали себя виновными. Создается впечатление, что никто из них, как и большинство других преступников, вообще не задумывается над тем, какие злодеяния учинены, не ставит проблему в нравственной плоскости, не рассматривает личную вину и личную ответственность. Основное, что беспокоит их до вынесения приговора, — это возможность понести более мягкое наказание, а ещё лучше — вообще избежать его. Отбывая же наказание, осужденные за тяжкие преступления стараются сделать все, чтобы наказание было снижено. При этом аргументы приводятся самые разные. Н., убивший родную мать, силится доказать, что его пребывание за решеткой вообще бессмысленно, поскольку, видите ли, этим мать нельзя воскресить. Братоубийца К. винит во всем убитого им брата, а О. — жену и ее родственников. Эти недостойные попытки хоть как-то, но обязательно обелиться типичны для всех насильственных преступников, которые готовы винить в содеянном ими же кого угодно — родных, близких, свидетелей, жертву, следователя, судью, прокурора, но только не самих себя. Достаточно прочесть их жалобы и просьбы о помиловании, чтобы убедиться в этом.

Психологически это понятно. Многие осужденные, рассказывая о совершенных ими преступлениях, уходят от нравственной оценки содеянного в силу психической травматичности для себя подобных оценок и взамен этого сосредоточиваются на связях между различными факторами и наступившими

общественно опасными последствиями. При этом они стараются уменьшить свою роль и по возможности не ощущать себя источником указанных последствий. Происходит отторжение своего «я» от собственного поведения. Чрезвычайно любопытно, что насильственные преступники между тем отлично знают, за что именно их наказали, и абстрактно, безотносительно себя искренне убеждены в том, что за такие действия обязательно надо наказывать. В принципе они не возражают против того, чтобы и их наказали, это тоже было бы справедливо, главный же вопрос для них — как. Поэтому убийцы утверждают, что наказание слишком сурово, что вполне можно было бы обойтись половиной назначенного срока, что их уже давно можно было бы освободить и т.д.

Все это дает основание думать, что кающиеся убийцы, которых все время преследуют образы их жертв и которые сурово и беспощадно осуждают себя, — это во многом плод фантазии писателей, которые никогда не изучали таких преступников. Бьющие себя в грудь бывшие злодеи и лиходеи — мираж, и с этим надо смириться, особенно всем тем, кто безоглядно и бездумно ругает за мягкие наказания опасным преступникам.

Что же касается корыстных преступников, то здесь картина существенно иная, поскольку очень многие из них, формально даже согласные с приговором, в глубине души все-таки не понимают, за что они попали в неволю. В последние годы всеобщего воровства и лихоимства подобное отношение к содеянному резко возросло и такие преступники глубоко убеждены в том, что наказаны они только потому, что попались. Естественно, нравственный самоупрек здесь (как, впрочем, и среди убийц) начисто отсутствует. Поэтому сожаление выражается обычно по поводу своего поведения, неосторожности, неумения делать деньги, отсутствия ловкости, предательства друзей, жестокости полиции или суда и т.д. Эти наивные (но только на наш взгляд) рассуждения воров, взяточников и расхитителей невольно напоминают поведение первобытных охотников и собирателей, которые брали от природы все, что могли. Так ведут себя и названные преступники, бессознательно воспри-

нимающая окружающую среду как социализированную природу, которая сама по себе предоставляет человеку средства к существованию. Поэтому нет греха, во всяком случае особого греха, взять у нее что-нибудь. То, что это почти всегда принадлежит другим конкретным людям или безымянному и безликому государству, мало кого смущает, поскольку изначально оценивается как некая данность, извечный порядок вещей, к которому надо просто приспособиться. Завладение чужим добром — это ведь тоже форма адаптации, хотя и достойная порицания в глазах общества.

Мы не будем здесь вдаваться в детальный анализ общесоциальных причин такого отношения преступников к наказанию. Отметим лишь, что в настоящее время оно тесно связано с общим падением нравов, утратой многих привычных моральных ориентиров и ценностей, разочарованием в жизни и неверием, ростом анархических настроений, нигилистическим отношением к закону на фоне ухудшающегося материального положения людей, отдельных групп населения. Но было бы неверным указывать лишь на эти явления и процессы, сколь значительными бы они ни были. Ведь убийство, например, родной матери или собственного ребенка в принципе должно безоговорочно осуждаться самим преступником независимо оттого, какие социально-экономические и иные трудности в данный момент переживает общество.

Более того, отношение виновного к им же содеянному, если брать даже не единичные случаи, а их множество, по-видимому, вообще напрямую не связано с уровнем материального благосостояния людей. И в современных развитых странах, и в дореволюционной России, которая была несравненно богаче, чем сейчас, имелось и имеется множество опасных преступников, которые в тюрьме и на каторге и не думали каяться. Блестящая работа В. М. Дорошевича «Сахалин. Каторга» — убедительное тому доказательство. В книге дана мастерски написанная галерея портретов убийц и разбойников, рассказывающих о своих злодеяниях без угрызений совести, вполне спокойно, даже с усмешкой и некоторым юмором. «Весельчаки» - убийцы неоднократно встречались и нам.

Так в чем же дело?

Прежде всего, отметим, что сразу же после обнаружения и задержания преступника он попадает как бы в оппозицию ко всем и от всех ожидает нападения, т.е. значительного ухудшения своего положения, сурового наказания вплоть до лишения жизни. Очень многие ему угрожают, он ни от кого не ожидает действительного сочувствия и понимания, никто не выражает желания разделить его страдания и страхи. Поэтому все его жизненные силы, от природы иногда не очень значительные, уходят на круговую оборону, которая тем яростнее, чем более враждебной ощущается им государственная машина, хладнокровно перемалывающая его жизнь и судьбу и отнюдь не склонная к снисходительности. На данное обстоятельство мы обращаем особое внимание, поскольку преступник чаще всего — это отчужденная личность, бессознательно ощущающая немалую дистанцию между собой и людьми, социальными институтами, общественными ценностями. Иными словами, будущие преступники в силу своей отчужденности уже заранее предрасположены воспринимать следствие и суд как нечто чуждое и даже враждебное. Дальнейшие события обычно убеждают их в своей правоте.

Однако подвергнутые аресту подозреваемые и обвиняемые вынуждены обороняться не только от следователя или прокурора. Не менее травматичными становятся для очень многих из них, особенно впервые взятых под стражу, сама обстановка в местах лишения свободы, ее жесткие ограничения, подавление воли и желаний, действия сокамерников и т.д. Так что фронт обороны у них весьма широк. В этих условиях нравственные вопросы собственного преступного поведения неизбежно начинают отступать на второй план, а потом как бы растворяются. Самоупреки, если они и были, исчезают вообще, так как своих сил и возможностей может не хватить для отражения внешних опасностей, которые реальны и могут исковеркать всю жизнь. Подобным путем вырабатывается определенная позиция, постоянная линия поведения, ориентированная лишь на обеспечение собственной безопасности и жестко закрепляемая в психике как более или менее надежная гарантия своего отно-

сительного благополучия в крайне неблагоприятных условиях мест лишения свободы.

Надо добавить, что темы совершенного преступления, личной вины, ответственности весьма непопулярны в тюрьмах и колониях. Их редко касаются даже представители администрации, не в последнюю очередь в связи с тем, что обычно не могут сказать ничего существенного по поводу причин преступного поведения, соотношения виновности и наказания, перспектив дальнейшей жизни осужденных. Они совершенно не подготовлены, а поэтому не способны проникнуть в душу осужденных, в ее сокровенные глубины и интимные переживания, вызвать исповедь и покаяние (лат. *penitencia* — отсюда пенитенциарные учреждения), а тем самым и очищение. Но даже если бы тюремные работники могли и захотели это сделать, у них попросту не хватило бы времени на такие занятия в силу множества других, на первый (только на первый!) взгляд гораздо более важных обязанностей.

Итак, покаяние чуждо преступникам, отбывающим наказание в местах лишения свободы, более того, такая проблема там даже и не ставится. Между тем оно крайне необходимо для решения не только абстрактных нравственных проблем, но и многих практических задач, в первую очередь для предупреждения рецидива преступного поведения, изменения поведения вообще на основе обретения духовности и обращения к иным ценностям. **Покаяние не только признание собственных ошибок и заблуждений, но и достижение человеком нового качества.** Исповедь и покаяние могут стать существенным способом снижения высокого уровня тревожности осужденных и напряженности в их среде, а следовательно, сокращения числа нарушений в ИУ и укрепления там режима.

Нельзя забывать, что покаяние, раскаяние представляет собой переживание чувства стыда и угрызений совести. Это морально-психологическое переживание имеет исключительное значение для нравственного совершенствования осужденного, ибо покаяние обусловлено тем, что переживание чувства стыда сопровождается самопорицанием, самоупреками и самоосуждением им

своего поведения. Регулирующая роль этой важнейшей этической категории заключается в том, что стыд представляет собой зачаточный, не резко выраженный гнев человека на самого себя, гнев, обращенный вовнутрь человека.

Внутренняя, этическая сущность стыда и совести одна и та же: «Стыд и совесть говорят разным языком и по разным поводам, но смысл того, что они говорят, один и тот же: это не добро, это не должно, это недостойно. Такой смысл уже заключается в стыде; совесть прибавляет аналитическое пояснение: сделавши это недозволенное или недолжное, ты виновен во зле, грехе, в преступлениях». Переживание осужденными чувства стыда и совести значимо с педагогической точки зрения еще и потому, что они являются индивидуальными психическими механизмами, через которые общество воздействует на личность посредством внутренней саморегуляции ею своего поведения и, следовательно, самовоспитания. Совесть составляет способность личности контролировать собственное поведение, отражать в своем самосознании, самооценках и мотивах наиболее высокие требования, какие только могут быть предъявлены человеку. Органическая связь добра и совести делает последнюю не только формой своеобразной нравственной самокритики, но и проявлением моральной ответственности личности, определяющим выбор поведения.

Угрызания совести, сопровождающие покаяние, — это устойчивое эмоциональное отношение осужденного к содеянному, выражающееся в отрицательных эмоциях, переживаниях глубокого неудовольствия, морального страдания. Оно вызывается самоосуждением человека, сожалением им о содеянном в прошлом преступлении. Что же надо сделать, чтобы в условиях отбывания наказания сработал этот мощнейший механизм нравственного воздействия на личность осужденного? Как разбудить дремлющую совесть? Сразу же оговоримся: мы отрицательно относимся к такой постановке вопроса, что у некоторых людей совести (как и стыда) вообще нет, что этот вечный «внутренний тиран» (по выражению З. Фрейда) некоторыми «сверхчеловеками» уже преодолен, а иными «недочеловеками» неизвестно когда утерян.

Безусловно, совесть есть у каждого вменяемого человека. Вопрос только в том, что она по многим причинам заблокирована еще до совершения преступления, а во время отбывания наказания из-за определенных условий эта блокада не только не снимается, но порой даже еще более усиливается.

Одна из самых существенных преград на пути к покаянию осужденного — феномен **психологической защиты**, проявляющийся, как уже отмечалось выше, в различных формах сопротивления воспитательному воздействию. Однако речь должна идти не о разрушении психологической защиты, которая выражает бессознательное стремление личности сохранить целостность, определенность своего «я», уровень самосознания, самоуважения и самооценки. Необходимо так построить процесс исправления, чтобы с помощью индивидуального психотерапевтического воспитательного воздействия постепенно преодолевать данный барьер. Следует подчеркнуть, что для успеха в этой работе имеет значение умение воспитателя выявить у осужденного и использовать в своих целях склонность к концентрации на проблемах собственной жизни, помочь пробудить у него интерес к самому себе («надо отважиться войти в самого себя»). Это позволяет создать определенные предпосылки для формирования более правильной самооценки у преступника, а также способствует пробуждению у него первых импульсов потребности самопознания и самовоспитания, что напрямую связано с проблемой покаяния. Вместе с тем переживание раскаяния, чувства стыда и угрызения совести не должны быть сведены к беспредельному самокопанию личности во внутреннем мире и к болезненному самоистязанию, доводящему до психического истощения.

С другой стороны, раскаяние должно быть деятельным — искуплением вины, выразившимся в осознании необходимости отбыть наказание и исправиться: «Поскольку преступника наказывают, это предполагает требование, чтобы и он понимал, что его наказывают справедливо, и если он понимает это, то, хотя он и может желать, чтобы его освободили от наказания как

внешнего страдания, тем не менее, его всеобщая воля, поскольку он признает, что его наказывают справедливо, согласна с наказанием».

Таким образом, покаяние должно осуществляться в рамках того общего подхода к наказанию, согласно которому оно есть приговор, произносимый осужденным над самим собой. Однако если все силы осужденного уходят на круговую оборону или самооборону, то дело не доходит не только до деятельного раскаяния или покаяния, но даже до более или менее искреннего самоупрека. Поэтому следующим направлением пробуждения у осужденного чувства стыда и совести должны стать максимальное снятие неоправданных правоограничений, гуманизация условий содержания. Здесь идет речь прежде всего о смягчении фактора асоциальной субкультуры и ее профилактике.

Преодолеть «другую жизнь» в условиях изоляции от общества, как уже отмечалось выше, практически невозможно, но оградить осужденного от наиболее уродливых ее проявлений необходимо не только с точки зрения законности, но прежде всего с целью освободить душевные силы человека от изнурительной борьбы с преступным сообществом за свое элементарное самосохранение, направить эти силы в русло духовного самовозрождения, покаяния и самоопределения.

5.3. Социально-психологический анализ субкультуры осужденных

Одним из серьезных препятствий на пути эффективной организации исправления в условиях пенитенциарного учреждения является асоциальная субкультура с ее специфическим набором ценностных ориентаций, норм и правил поведения, сетью устойчивых неформальных взаимосвязей правонарушителей.

Как правильно утверждает **В. Н. Кудрявцев**, в целом **преступная субкультура** «не экзотический элемент современных нравов, а опасное социально-психологическое явление, способное самым отрицательным образом воздействовать на многие стороны общественной жизни» и конкретных индивидов.

Исходя из результатов исследований, можно утверждать, что криминальная субкультура навязывает определенный нормопорядок как в психологическом, так и в физическом отношении. Именно данное обстоятельство вынуждает одних скептически относиться к средствам перевоспитания, других — открыто противодействовать усилиям персонала, третьих — оставаться в стороне от проводимых воспитательных мероприятий. Возможности реализации потребностей личности оказываются ограниченными, поскольку членство в группах и принятие субкультурных ценностей выступают в роли категорического императива, обязывающего преступников вести себя определенным образом.

Хотя указанные обстоятельства не являются непреодолимым барьером, с ними необходимо считаться и успешно преодолевать, если мы хотим улучшить качество ресоциализации преступников.

С психологической точки зрения асоциальная субкультура, или «другая жизнь», представляет собой **довольно стабильную сеть непосредственного взаимодействия осужденных**. Она объективирована в неформальных стандартах поведения, во внутри- и межгрупповых отношениях, в неписаной ценностно-нормативной системе.

В общем виде это не имеющая правового статуса самоорганизация осужденных, возникающая в результате удовлетворения актуальных потребностей личности в сфере психологических отношений или иных значимых целей в период отбывания наказания.

Несмотря на внешний примитивизм, самоорганизация осужденных выполняет важные, нередко даже терапевтические функции. В частности, она обеспечивает адаптацию личности через смягчение страданий, обусловленных изоляцией от общества. Интеграция в неформальные группы дает возможность ей реализовать свои потребности, в том числе сексуальные, без утраты образа своего «я».

В силу социальной идентификации осужденный ослабляет влияние мощного психического дистресса, каковым является тотальный институт лишения

свободы. Вместе с тем участие в субкультуре оказывает негативное влияние на личность и группы осужденных. Принятые в ней ценности и стандарты поведения вступают в противоречие с нормами и моделями взаимодействия формальной организации.

В рамках субкультуры меняется субъективная привлекательность мер воспитательного влияния. Они могут менять свой потенциал для человека на противоположный в зависимости от его членства в той или иной группе. Например, совершение противоправных поступков в стенах пенитенциарного учреждения, сопровождаемое помещением в штрафной изолятор, поднимает престиж человека в глазах асоциальной группы. Напротив, содействие администрации или участие в самодеятельных организациях увеличивает риск стать объектом насмешек и преследований. Нередко это приводит к падению статуса со всеми вытекающими из этого последствиями.

В результате подобной трансформации группового сознания сохраняются ценности и стандарты поведения среди преступников, направленные на нейтрализацию воспитательных мероприятий. С функциональной точки зрения охранительное по существу и криминогенное по ориентации влияние субкультуры оказывается настолько сильным, что может привести к совершению новых преступлений. Можно привести немало примеров, когда в социальных ситуациях «незримые» неформальные группы выступали в качестве силы, ориентирующей субъектов на девиантное поведение, а если они уже приняли его — то мощным мотиватором, удерживающим личность в рамках асоциального сообщества.

Таким образом, есть основания полагать, что процесс ресоциализации преступников опосредуется влиянием нескольких факторов общества в целом (с помощью средств массовой информации), деятельности персонала пенитенциарного учреждения, родственников, близких, семьи, общественности — с одной стороны, а с другой — местной локальной субкультуры осужденных, в которой асоциальная среда занимает весьма заметное место.

Исходя из материалов наших исследований, следует подчеркнуть, что влияние данной среды на индивидуальное и групповое поведение оказывается сильнее и интенсивнее, чем воздействие социальных институтов и формальных организаций. Хотим мы этого или нет, но в условиях пенитенциарного учреждения любого вида наряду с правовыми, моральными, нравственными ценностями активно развиваются ориентации и представления, прямо противоположные тем, которые признает общество и символом которых служит просоциальное поведение. Одни и те же формально организованные и стихийно возникающие группы составляют единую микросоциальную психологическую среду, но выполняют, тем не менее, различные функции и являются носителями разных ценностей. В соответствии с этой спецификой развиваются формы взаимодействия осужденных, преобладающей чертой которых служит неформальность отношений между ними.

Эти отношения складываются и развиваются в рамках неформальных групп, специфической чертой которых является дифференциация общения и межличностных статусов. Наблюдения показывают, что в пенитенциарных учреждениях любого типа подавляющее число осужденных входят в неформальные группы различной направленности. Объем этих групп варьирует, как правило, от 2 до 7 человек, иногда 10—15 и более. Образование их строится, главным образом, на принципах психологической совместимости, общности взглядов и интересов (возраст, территория). Нередко включение в неформальные группы является следствием психологического давления или диктуется стремлением к доминированию над остальными. Последняя тенденция характерна для осужденных молодого возраста, особенно для лиц с устойчивыми антисоциальными взглядами, а также для тех, чья преступная «карьер» началась очень рано.

Неформальные группы можно классифицировать по различным основаниям: характеру, направленности, численности, длительности существования, особенностям внутренней структуры и др. Оценивая их в зависимости от доминирующих ценностных ориентаций и целей, можно условно

выделить группы профессиональной, нейтральной и асоциальной направленности.

Последние представляют собой интерес с воспитательной точки зрения, поскольку не просто выступают в роли носителей субкультурных ценностей, но и, что самое главное, осуществляют негативную ресоциализацию личности. Это происходит за счет блокирования воспитательных программ или усвоения субкультурных ценностей, стандартов поведения и негативных представлений посредством включения в совместное решение групповых целей. В рамках таких неформальных структур шлифуются преступные навыки или приобретаются новые приемы совершения действий; развивается сплоченность вокруг значимых идей и криминальных интересов, иногда авторитетных личностей; вырабатывается готовность к агрессии.

Можно выделить следующие **цели** асоциальных групп: сведение до минимума влияния персонала пенитенциарного учреждения; осуществление скрытых способов контроля за его действиями; достижение максимальных благ для своих членов; в конечном счете — формирование такой модели поведения, которая позволяла бы осужденному чувствовать себя «хозяином своих поступков», быть справедливым и честным в глазах окружающих, причем справедливость и честность понимаются лишь в свете ценностей той же субкультуры.

Можно, таким образом, утверждать, что в случае ослабления нравственных, психологических, правовых, экономических и иных факторов воздействия в среде осужденных активно развивается **солидарная оппозиция**. Она складывается в результате возникновения интенсивных групповых и межличностных контактов независимо от принадлежности к определенной системе ценностей и направлена на принятие таких норм и стандартов поведения, которые символизируют общую лояльность к преступной субкультуре и подчеркивают негативное отношение к администрации, органам самоуправления и различным социальным инстанциям.

Эмпирические исследования показывают, что групповое взаимодействие влияет на систему представлений и взглядов осужденных. Например, по индексу отношений осужденных к возможности участия в самоуправлении, по представлению о самом себе и по предпочитаемым способам поведения была установлена положительная корреляция между членством в группах и выраженностью этих мнений. Причем по мере усиления режима коэффициент связи увеличивается.

Это свидетельствует о том, что факторы изоляции способствуют интеграции в неформальные группы и увеличивают психологическую зависимость осужденного. Другими словами, чем важнее для него группа и выше занимаемый в ней статус, тем менее самостоятельным он становится в выборе индивидуальной линии поведения. Функционирование в стенах пенитенциарного учреждения относительно автономной неформальной системы с жесткой дифференциацией статусов и сплоченными взаимосвязями является, кроме того, существенным криминогенным фактором. Подтверждением этому служит анализ острых ситуаций, возникающих в среде осужденных, подавляющее число которых обуславливаются групповыми характеристиками. В частности, установлено, что конфликты, их динамика и способы разрешения во многом определяются статусом неформальной группы, а также степенью идентификации осужденного с соответствующей группой, ее ценностями и нормами.

По мере ограничения сферы общения, углубления противоречий между формальной и неформальной ценностно-нормативной системами конфликты становятся острее. Увеличивается их латентный период и реже восстанавливаются позитивные отношения между участниками конфликтного взаимодействия. В таких условиях затрудняется контроль за протеканием конфликтов со стороны персонала. Например, если в колониях общего режима при помощи администрации разрешается каждая вторая конфликтная ситуация, то в учреждениях строгого режима — лишь каждая пятая.

Существует определенная зависимость между количеством, характером, направленностью неформальных малых групп и численностью конфликтов. Общая тенденция может быть сформулирована так: чем меньше в колонии групп, имеющих асоциальную направленность, и чем менее противоречивыми являются в субкультуре системы ценностно-нормативных ориентаций, тем меньшее число осужденных и малых групп втягивается в орбиту конфликтного взаимодействия. Снижается численность межгрупповых конфликтов.

Реальное существование в стенах пенитенциарного учреждения асоциальной субкультуры и функционирование неформальных групп с противоречивыми стандартами поведения стимулируют межличностную и межгрупповую напряженность, а также свидетельствуют о том, что наиболее нуждающимися в адекватных способах коррекции являются такие категории и группы осужденных, которые в наименьшей степени ориентированы на просоциальные ценности и формальную структуру общения.

Приведенные положения имеют существенное значение, как для объяснения механизма преступного поведения, так и для определения психологических особенностей личности. Дело в том, что предметные отношения осужденного, в которых проявляется и оценивается другими его сущность, складываются не во внутреннем «пространстве» психики, а в системе социального взаимодействия, субъектом которых он выступает как личность. В связи с этим даже пристальный психологический анализ, обращенный исключительно к интрасубъективным характеристикам, например к мотивационно-потребностной сфере, не может открыть воспитателю, почему в одних группах осужденный оказывается просоциальной, а в других — антисоциальной личностью.

Из этого вытекает **необходимость социально-психологического изучения сферы общения и взаимодействия осужденных.**

С другой стороны, обращение к анализу этих процессов порождается практическими потребностями решения двух взаимосвязанных проблем: оптимиза-

ции управления средой осужденных и повышения эффективности организации программ исправления различных категорий преступников, особенно в плане их психологического обеспечения.

Задача изучения структуры и динамики неформальных взаимосвязей в условиях изоляции весьма сложна и нетрадиционна. В первую очередь она обуславливается сложностью малой группы как одной из психологических подсистем социальной общности осужденных. Малые неформальные группы, пусть даже в относительно замкнутых условиях пенитенциарного учреждения, включают большое число различных по характеру личностных отношений, сетей коммуникативных связей. На их формирование и развитие оказывают влияние ряд факторов внешнего и внутреннего содержания: специфика образа жизни и деятельности, особенно социального окружения, индивидуальные и личностные характеристики и др.

Работа в коллективе осужденных должна быть направлена на изучение социально-психологических характеристик функционирования **неформальных малых групп осужденных в рамках криминогенной субкультуры**. К ним можно отнести социальную направленность группы, особенность ее статусно-рулевой структуры, внутри- и межгрупповую активность, устойчивость взаимоотношений, конфликтность и т.п. Вполне понятно, что в практическом плане знание указанных характеристик существенно как для построения реальной модели развития и прогнозирования социальных процессов в среде осужденных, так и для выбора оптимальных способов коррекции, а также, возможно, профилактики нежелательного поведения отдельных лиц или групп.

Несмотря на достаточно обширный методический арсенал, используемый в психологии для изучения системы взаимоотношения людей, имеются значительные ограничения в применении традиционных методик в условиях ИУ:

1) в силу действия механизмов психологической защиты, чрезмерной тревожности и подозрительности, маскировки истинных мотивов поведения, свернутости и завуалированности процесса общения осужденные не только

неохотно идут на контакт с исследователем, но и стремятся дезинформировать его;

2) с помощью традиционных методов изучения системы взаимоотношений (социометрия, референтометрия, шкалы приемлемости и т.д.), как показывает практика, можно выявить лишь временный срез социально-психологических характеристик неформальных групп. Вследствие этого динамика взаимодействия остается вне поля зрения исследователя;

3) применение существующих методов, как правило, предполагает определенную психологическую компетентность работников ИУ, наличие у них специальных навыков. В противном случае, естественно, сужается сфера использования данных методов или формируется недоверие к потенциальным возможностям методик в плане повышения результативности программ перевоспитания осужденных.

С учетом перечисленных положений общий подход в работе может опираться на следующие **принципы**.

1. Определение системы внутри- и межгруппового взаимодействия не должно нарушать привычный образ жизнедеятельности осужденных и стиль работы сотрудников учреждения.

2. Полученные сведения должны отражать достаточную степень подвижности состава осужденных и в то же время фиксировать устойчивые сети их неформального взаимодействия.

3. Способы определения групповых и личностных характеристик должны учитывать формально организованное распределение осужденных по отрядам, производственным звеньям и бригадам.

Таким образом, основное внимание должно быть сосредоточено на возможностях получения **психологической информации, адекватно отражающей реальную структуру взаимодействия осужденных**. Техническая сторона ее применения не требовала бы от сотрудников специальных знаний и значительного ресурсного обеспечения. Одновременно с этим ставится задача создать такую диагностическую схему анализа взаимодействия, которая позво-

ляла бы получать значимую информацию о динамике неформальных связей осужденных с точки зрения оптимальной организации исправления и перевоспитания.

Прежде чем приступить к изложению конкретных методических процедур, остановимся на основных рабочих понятиях. Их констатация поможет практическим работникам раскрыть специфику изучаемых явлений.

Организация любого социального института, в том числе ИУ как системы ресоциализации преступников, имеет две взаимосвязанные стороны, или структуры: формальную и неформальную.

Формальная, «видимая» структура (отряды, производственные бригады, учебные группы, органы самоуправления и т.п.) — имеющие специальный правовой статус организационные формирования осужденных, создаваемые для реализации социально значимых целей и задач, стоящих перед ИУ и обществом в целом. Для нее характерны:

- 1) устойчивые и фиксированные отношения между субъектами процесса ресоциализации, регламентированные соответствующими нормативными правовыми актами и должностными обязанностями;
- 2) юридически закреплённые требования режима, определяющие виды деятельности и своеобразие образа жизни осужденных в период отбывания наказания;
- 3) юридически фиксированные программы исправления осужденных в соответствии с их индивидуальными особенностями, социальными и уголовно-правовыми характеристиками;
- 4) гарантированная нормативными актами социальная, экономическая и правовая защищенность осужденных.

Неформальная, «скрытая» структура, или так называемая другая жизнь (неформальные малые группы, землячества и т.п.), — это не имеющая правового статуса довольно устойчивая система, самоорганизация непосредственного взаимодействия осужденных, создаваемая для удовлетворения их жизненно важных потребностей в сфере межличностных и межгрупповых отношений и

реализации значимых проблем в период отбывания наказания. Ей свойственны:

- 1) гибкая система связей, основанная на личных психологических отношениях осужденных вне зависимости от положения, занимаемого ими в формально организованных группах;
- 2) наличие неписаного кодекса поведения, регулирующего взаимодействие осужденных как между собой, так и с персоналом ИУ;
- 3) жесткая дифференциация статусов и ролей осужденных вне зависимости от юридической регламентации, определяющей своеобразие жизнедеятельности личности и группы в условиях лишения свободы.

Рассмотрим также некоторые другие исходные понятия.

Личностное (психологическое) и групповое взаимодействие — взаимозависимость осужденного А (группа А) от другого осужденного Б (группа Б) и наоборот, проявляющаяся в систематических контактах (связях), необходимых для успешного решения задач, входящих в сферу взаимных интересов.

Взаимодействие является неформальным, если осужденные (в группе) непосредственно устанавливают и поддерживают контакты, базируясь на принципах совместимости, согласия, общности взглядов, землячестве и т.п. Как правило, оно осуществляется в скрытых (интимных) формах и регламентируется неписаным кодексом поведения. Взаимодействие является **формальным**, если отношения между осужденными или их малыми группами устанавливаются в ходе выполнения совместной деятельности, опосредуются действующими нормативно-правовыми требованиями и реализуются в рамках формально организованных структур.

Межличностная (межгрупповая) система взаимодействия — достаточно стабильная и плотная сеть непосредственных личностных (групповых) взаимосвязей осужденных, которая объективируется в поведенческих актах, способах взаимовлияния, особенностях внутри- и межгруппового общения.

Малая группа — относительно немногочисленная общность (7 ± 2) непосредственно взаимодействующих между собой осужденных, которые объ-

единены на основании одного или нескольких признаков для достижения совместной цели. В психологическом плане группа может рассматриваться как субъект действия. **Формальной группой** является, если она имеет фиксированный нормативно-правовой статус, а взаимодействие осужденных в ней регламентировано непосредственно социально задаваемыми целями деятельности. К типичным формальным группам относятся производственные бригады, органы самоуправления и т.д.

Неформальная группа — это не имеющая юридического статуса общность осужденных, характеризующихся чувством идентичности (сопринадлежности) и разделяющих единую систему взглядов, интересов, ценностных ориентаций. Для таких групп свойственны жесткая дифференциация межличностных статусов и следование неписаному кодексу поведения.

Исходной идеей может служить общепризнанное, подкрепленное данными криминологических и психологических исследований утверждение о роли неформальных групп в организации программ по исправлению осужденных. В этом контексте анализ системы межличностных и межгрупповых связей осужденных выступал в качестве существенного фактора оптимизации деятельности персонала ИУ. Например, психологическое знание «возмущающих», конфликтогенных процессов, происходящих в рамках неформальных групп, дает возможность практическим работникам выбирать правильные способы их коррекции или осуществлять эффективные меры контроля за их развитием. Предполагается, что своевременная фиксация реальной сети активных межличностных и групповых контактов, определение их частоты и плотности позволят построить своего рода психологический портрет неформального сообщества осужденных. При таком подходе можно допустить, что личностная (непосредственная, «лицом к лицу») связь между осужденными реализуется в форме контактов — встреч, необходимых для решения значимых проблем, входящих в круг их интересов или целей совместной деятельности. В свою очередь, развитие личностных (диадических) взаимосвязей как условия взаимодействия одного осужденного с другим приводит к образова-

нию относительно замкнутых, различных по конфигурации, численности и характеру сплоченности неформальных групп.

Таким образом, **сплоченные** общности будет отличать максимальное число связей, замкнутых на отдельных осужденных или группах, а **диффузные** — рассеянные, неустойчивые диадические взаимосвязи с редкими межличностными и групповыми контактами.

В данном случае за минимальную степень зависимости условно может быть принята личностная связь двух осужденных одной группы с двумя осужденными из другой. Если наблюдается единичная связь члена одной группы с осужденным из другой, то такое взаимодействие относится к случайным, или фоновым. При классификации неформальных групп в каждом конкретном случае можно исходить из плотности внутри- и межгрупповых связей осужденных, выраженности доминирующих интересов, длительности устойчивых взаимных контактов или иных факторов совместной деятельности и общения.

Усилия практических работников должны быть направлены на выявление сферы межличностных связей осужденных. Здесь же нужно осуществлять первичный анализ личностных и групповых характеристик, особенно определение динамики их структурных изменений. Изучение лучше начать с неформальных групп, состав которых хорошо известен. После завершения этого, опираясь на результаты наблюдения, можно регистрировать постоянные взаимосвязи осужденных.

В схему изучения неформальных групп входят определение ролевых характеристик, анализ функций, которые выполняют те или иные члены групп, привычных образцов поведения, правил приписывания ролей, например лидеру группы. Важным видится и выявление системы нормативных представлений осужденных. В каждой неформальной группе формируются взгляды на то, какие отношения должны быть между ее членами и какая ответственность (санкции) предусматривается за различные внутри- и межгрупповые события. Специальному изучению подлежат и формы поведенческого кон-

троля. В этих случаях фиксируются способы, которыми неформальная группа оказывает влияние на поведение своих членов, регулирует их взаимодействия в рамках сообщества (контроль жесткий, демократичный, гибкий, лояльный и т.д.).

При работе с неформальными группами, кроме того, необходимо учитывать: возраст членов, социальный слой, к которому они относятся, уголовно-правовые характеристики и т.д. Существенная роль должна отводиться поиску причин установления устойчивых взаимосвязей и выяснению мотивационных факторов, определяющих стиль взаимоотношений в неформальных группах.

В целях диагностики можно выделить зависимость индивида от группы: крайне устойчивую (супервовлеченность), когда осужденный полностью идентифицирует себя с ней; устойчивую, при которой он ощущает себя носителем групповых ценностей и строит поведение в соответствии с ожиданиями группы; умеренно устойчивую, если осужденный в эмоциональном плане связан с ней, но предпочитает выбирать собственный стиль поведения; неустойчивую, или ситуативную, когда индивид проявляет интерес к группе, лишь поскольку членство в ней повышает шансы удовлетворения его актуальных потребностей.

Предложенная схема анализа позволяет отбирать наиболее ценную психологическую информацию для классификации малых групп на основе соотношения тех или иных характеристик. Она дает возможность более точного построения сферы внутри- и межгруппового неформального взаимодействия осужденных.

Отметим, что общую логику изучения целесообразно соблюдать вне зависимости от того, имеем мы дело с относительно коротким периодом пребывания осужденных, например, в условиях общего режима, или с длительными сроками отбывания наказания. Некачественное завершение любого из этапов, игнорирование возможностей углубленного анализа неформальных взаимосвязей осужденных — источник многих ошибок не только в оценке их инди-

видуальной линии поведения, но и в прогнозе групповых явлений, складывающихся в преступной субкультуре.

Особенности этой субкультуры позволяют обратить внимание на психологические факторы оптимизации групповых взаимоотношений в условиях ИУ. Дело в том, что в зависимости от объективных условий их функционирования и характера предъявляемых требований могут либо усиливаться, либо ослабляться нежелательные групповые процессы в среде осужденных.

На практике действие указанных факторов обычно связано с различными способами контроля за развитием неформального взаимодействия. К сожалению, следует признать, что сегодня администрации колоний предпочитают в основном авторитарные, директивные методы влияния на группы. В их основе — жесткие санкции, использование властных полномочий, строгий надзор за поведением членов неформальных групп. Однако наблюдения показывают: такие методы приводят к тому, что осужденные начинают спланиваться для отпора, признают общность своей судьбы, воспринимают свое положение как необоснованное. Из-за этого углубляются противоречия между администрацией и осужденными.

Более того, когда исключается взаимное согласие, а интересы личности не принимаются в расчет, осужденный легко отождествляет себя с другими близкими по взглядам лицами в своем противодействии администрации. На этом фоне стимулируются процессы образования неформальных групп, внутри которых растет чувство протеста против социальной несправедливости. Хотим мы этого или нет, но такая несправедливость представляет собой взрывное устройство с часовым механизмом и рано или поздно выливается в прямой протест либо явный конфликт.

Деструктивные процессы становятся особенно выраженными, если сотрудники администрации проявляют неограниченную власть, например, в сфере надзора за общением осужденных, и в то же время стараются держаться с осужденными на значительной психологической дистанции. Подобный стиль не только препятствует сотрудничеству между ними, но и в значительной

мере способствует пониманию осужденными необходимости образовывать сплоченные неформальные группы, чтобы в них или с их помощью пытаться решать свои проблемы.

Вместе с тем осуществление строгого надзора и детальная регламентация поведения являются серьезным препятствием на пути эффективного достижения групповых целей. В таких ситуациях развитие внутри- и межгруппового общения начинает происходить в более скрытых, изолированных формах, с соблюдением мер предосторожности и сопровождается агрессивными тенденциями.

Поскольку социальная среда ИУ разделена жесткими границами группового членства, возможность проявления интегративного начала в ней резко сужается. Групповая принадлежность осужденного и занимаемый статус в субкультуре, дающие, например, «законные» права на неформальное обладание дополнительными материальными ресурсами или же, напротив, приносящие моральные и физические ограничения, начинают играть роль определяющих факторов социального поведения. За счет этого развиваются дифференциальные тенденции, яркой иллюстрацией которых служат факты межгрупповой враждебности и конфликтного взаимодействия.

В асоциальных неформальных группах занятие высокого положения достигается главным образом путем демонстративного отказа от общепринятых социальных стандартов поведения, включения в движение протеста против несправедливости, усвоения и активного поддержания системы субкультурных ценностей, эксплуатации членов низкостатусных групп. Следует отметить, что проявление межгрупповой враждебности наиболее вероятно в тех случаях, когда члены низкостатусных групп воспринимают свое положение как нетерпимое, а высокостатусные утрачивают «законные» привилегии. Можно ли в таких условиях исключить развитие негативных межгрупповых установок и сформировать отношения сотрудничества?

Положительный ответ на этот вопрос — дело нелегкое. В настоящее время мы не обладаем эффективными программами по управлению системой не-

формального взаимодействия осужденных. Однако можно предположить, что по мере перестройки организационных и воспитательных целей пенитенциарных учреждений, перехода от жесткого, авторитарного стиля воздействия и режима к более гуманному и доверительному отношению к осужденным неформальная структура также подвергнется трансформации в благоприятной перспективе. Осужденные будут становиться более социализированными и менее оппозиционными по отношению к администрации. Напротив, солидарность и межгрупповая оппозиция будут укрепляться по мере централизации власти и усиления авторитарных форм обращения с осужденными.

В психологическом плане уже сейчас представляются вполне реалистичными изменение стиля руководства групповым поведением и профилактика социальной несправедливости в структуре неформальных отношений. Это особенно важно в современной ситуации, на фоне обострения политических, социально-культурных, национальных и региональных противоречий. В этих условиях возрастает вероятность развития межгрупповой напряженности и дискриминации за счет неправильной оценки деятельности групп или несправедливого обращения с осужденными, занимающими определенное положение в групповой структуре.

В ходе наших исследований были эмпирически выделены следующие **типичные факторы стиля руководства, приводящие к эскалации напряженности и развитию деструктивных процессов: произвольность**, отсутствие четких критериев оценки индивидуального и группового поведения; **непоследовательность** и предвзятость действий или требований со стороны администрации; акцент на применение **угроз** и системы наказаний; **перенос оценок** с особенностей поведения на личность осужденного; попытки достижения социально-психологического **компромисса** или сохранения существующего положения в целом, делегирования ряда полномочий, а иногда и преимуществ членам одних групп в противовес осужденным из других; **игнорирование мнений** и интересов осужденных при решении вопросов, предполагающих достижение общегрупповых целей.

Очевидно, что профилактика нежелательного межгруппового взаимодействия станет тем успешнее, чем в большей степени администрация будет опираться на знание индивидуального и группового поведения. Существенным при этом является культивирование мобильного стиля управления, который учитывает внешние обстоятельства и способствует позитивному изменению системы взаимоотношений осужденных.

Можно привести некоторые **психологические рекомендации, направленные на минимизацию межгрупповой напряженности и углубление сотрудничества:**

1) в организации воспитательных мероприятий **желательно избегать** ситуаций социального сравнения и «публичного» обсуждения членов неформальных групп, особенно занимающих полярные статусы в преступной субкультуре;

2) целесообразно **разработать с учетом местных условий** систему показателей оценки трудовой и общественной активности осужденных, которые позволят объективно и правильно определять их поведение и личный вклад в совместную деятельность. Критерии оценки любых действий должны быть понятными для всех групп независимо от их статусных различий. В этом случае применение системы поощрения или наказания является оправданным в глазах низкостатусных и высокостатусных осужденных, поскольку открыто аргументируется;

3) достижение позитивных результатов членов групп и их оценка должны быть напрямую **связаны с собственными усилиями**, а не зависеть от субъективных пристрастий или среднегрупповых показателей. Подобный стиль руководства исключает социальную несправедливость и повышает престиж администрации. Напротив, произвол и предвзятость в оценках поведения способствуют стагнации несправедливости, что стимулирует апатию осужденных и разрушает нормопорядок в стенах ИУ;

4) при комплектовании производственных бригад и развитии в них положительных взаимоотношений целесообразно учитывать **социально-**

демографические, национальные и психологические характеристики осужденных. Не следует, например, включать в группы лиц одинакового возраста и имеющих сходное криминальное прошлое, поскольку это может приводить к «корпоративности» отношений и формированию устойчивых ценностных антисоциальных ориентаций. При распределении осужденных следует находить оптимальное соотношение лиц молодого и более старшего возраста, учитывать их психологическую совместимость и профессиональные навыки;

5) при расстановке осужденных по рабочим местам необходимо принимать во внимание **принадлежность их к различным группам**, избегать по мере возможности сосредоточения на одном участке работы лиц, входящих в неформальные сообщества асоциальной направленности. Для ограничения сети неформальных связей в рамках бригады численность ее не должна превышать 10—15 человек;

6) при назначении или выборе кандидатов на должности бригадиров, руководителей органов самоуправления желательно ориентироваться не только на их деловые качества, но и на **психологические особенности** — умение конструктивно общаться, наличие организаторских качеств, статус в субкультуре, инициативность и т.д. Для исключения фактов социальной несправедливости и отношений круговой поруки предлагается систематически проводить аттестацию таких лиц, учитывая при этом мнение воспитателей и осужденных;

7) более активно привлекать **разностатусных членов групп** к совместному обсуждению значимых вопросов (определение коэффициента трудового участия, применение мер поощрения и взыскания, перевод на улучшенные условия содержания и т.п.). Такая практика будет способствовать развитию взаимодействия, базирующегося на принципах ответственной зависимости, что особенно важно в условиях производства, где осужденные разобщены между собой;

8) необходимо создавать по мере возможности **одинаковые условия** для разностатусных осужденных во всех сферах жизнедеятельности и своевременно реагировать на те или иные нарушения, предусмотренные требованиями законодательства. Соблюдение указанного принципа имеет особое значение, поскольку нередко наблюдается ситуация, когда администрация пениitenciарного учреждения не только не пытается подорвать существующую иерархию в субкультуре, но и скрытно (иногда неосознанно) ее поддерживает, например в обмен на соблюдение должного нормопорядка в сообществе предоставляет лидерам лучшую работу или закрывает глаза на незначительные нарушения, обладание неформальными привилегиями. К последним относятся: занятие престижных спальных мест, перераспределение материальных ресурсов, результатов труда и др. Такими способами управления администрация, образно говоря, покупает асоциальную субкультуру, избегая активного и открытого противодействия ей.

Для профилактики деструктивных межгрупповых конфликтов, в основе которых лежит, как правило, обострение противоречий между формальной и неформальной ценностно-нормативной системами, регулирующими поведение осужденных, целесообразно:

- 1) **выявлять высокостатусные группы** и «элитный слой» субкультуры, вокруг которых строятся процессы общения и которые являются потенциальными источниками неформального влияния;
- 2) **своевременно устанавливать участников конфликта**, анализировать их психологические особенности, способы разрешения конфликтных ситуаций в целях выбора и прогноза оптимальных мер воздействия; гласно информировать осужденных о последствиях и применяемых санкциях в отношении нарушителей;
- 3) **пресекать разного рода дезинформацию**, слухи, которыми умело **манипулирует асоциальная часть** осужденных для «восстановления справедливости» или оправдания своих действий;

- 4) **использовать специальные мероприятия** для выявления конкретных носителей ценностей асоциальной субкультуры; раскрывать на частных примерах ущербность групповой морали;
- 5) **применять для нейтрализации напряженных и конфликтных отношений организационные, психологические или иные средства**, не нарушая при этом права, достоинства личности и не выходя за рамки закона;
- 6) **оказывать психологическую поддержку** лицам, прибывающим в пениitenciарное учреждение, особенно в период их нахождения в карантине, для безболезненного выполнения ими своих ролей в различных сферах совместной деятельности;
- 7) **ориентировать таких людей на сознательный выбор положительного круга общения** и своевременно блокировать неформальные связи с асоциальной частью осужденных. Для этого важно обучать их наиболее рациональным способам установления конструктивных взаимоотношений в среде ближайшего окружения и показывать перспективу в случае принятия асоциальных ценностей, носителями которых являются малые группы;
- 8) **в доверительных беседах снимать негативные эмоциональные состояния**, безосновательную тревогу. Первостепенное значение уделять вовлечению в группу организованного общения лиц молодого возраста, поскольку именно они для разрядки агрессивности или поднятия своего статуса в субкультуре нередко используют так называемые компенсирующие формы взаимодействия, в основе которых лежат употребление наркотиков, алкоголя, совершение гомосексуальных актов и других дискриминационных действий;
- 9) **привлекать к исправлению** названных в п. 8 преступников медицинских работников, а если необходимо — психологов, потому что среди таких осужденных наблюдается значительное число лиц, страдающих психическими расстройствами.

Важными обстоятельствами регуляции взаимоотношений, развития позитивных стандартов межгруппового поведения являются применение нетрадиционных форм воспитательной работы и изменение стиля руководства. В усло-

виях перехода исправительной системы от репрессивных, ограничительных и неперсонифицированных мер воздействия к гуманистическим принципам обращения с правонарушителями должен меняться в содержательном плане подход к разработке программ исправления.

Помимо организационных, правовых, социально-экономических новаций, они должны строиться на психологических закономерностях работы с людьми. Это, в свою очередь, предполагает трансформацию стиля руководства в направлении отказа от авторитарных методов влияния на осужденных, распространения недирективных, терапевтических моделей коррекции группового и индивидуального поведения. В соответствии с этим основной субъект процесса ресоциализации осужденных — начальник отряда будет вынужден сменить свои привычные функции осуществления надзора и организации производства на роль социального работника, своего рода эксперта по коррекции поведения осужденных.

Успешная реализация такой роли предполагает включение в воспитательную практику так называемых **групповых терапевтических программ** (групповая терапия). Они направлены на создание таких взаимоотношений между осужденными, которые позволяют: формировать первичные просоциальные группы или превращать асоциальные неформальные группы в непреступные путем принятия их участниками новых ценностей и стандартов поведения.

В общем виде терапевтические программы можно рассматривать как регулируемые способы организации общения, которые могут проводиться параллельно с другими формами исправительно-трудового воздействия. Они представляют собой практическое применение некоторых психологических принципов, касающихся изменения установок личности к обществу, окружающим людям, представителям администрации и т.д. В основе подобных программ лежит тезис: поведение личности в значительной мере обуславливается факторами группового общения.

Действительно, осужденные при выборе той или иной линии поведения измеряют свои ценностные ориентации и позиции с социальными ожидания-

ми групп, членами которых они являются. Следовательно, для корректировки поведения необходимо менять структуру их группового общения. Другими словами, человека нужно либо побудить вступать в новые неформальные группы и разорвать свои прежние отношения со значимым кругом общения, либо направить усилия на изменение ценностно-нормативной системы группы, членом которой он является.

5.4. Неформальное взаимодействие осужденных как объект изучения и воздействия

Одним из главных **препятствий**, стоящих на пути успешной реализации программ исправления осужденных, является **негативная социально-психологическая среда**, которая ориентирована на нейтрализацию, а в некоторых случаях и на открытое противодействие усилиям администрации. Формальную структуру среды составляют специально созданные администрацией формирования осужденных, ориентированные на нормативно-правовые требования, необходимые для реализации общественно значимых целей и задач. Неформальная структура стихийно образуется как противодействие формальным требованиям норм права. Она представляет собой довольно устойчивую сеть коммуникативных взаимодействий, которые объективированы в поведенческих актах, неписаной ценностно-нормативной системе, определяющей дифференциацию статусов и ролей осужденных.

В основе их поведения лежит так называемый **конфликт норм**, проявляющийся в столкновении формальной и неформальной ценностно-нормативной систем, о чем мы уже говорили выше. Личность в этих условиях теряет главное — разнообразие межличностных статусов, возможность самовыражения в тех сферах, где оно наиболее приемлемо. При этом формируются безличные формы поведения, когда каждый должен быть похож на другого и вести себя так же, как другой, при условии, что они находятся на одной ступени социальной организации. Это способствует развитию у личности синдрома

лишения свободы. Если свободный человек имеет возможность компенсировать утерянный статус в одной группе ее сменой на другую, оставаясь при этом на том же уровне самоуважения, то осужденный чаще всего такой возможности не имеет. Теряя статус, он переходит на более низкую ступень социальной организации. Оценка со стороны других становится символом его личности. Последний предъявляет к нему определенные требования в поведении, возможности оказывать на других моральное, психологическое или даже физическое воздействие.

Изменение статуса идет, как правило, в одном направлении: от более престижного до презируемого и отвергаемого, т.е. «сверху вниз», и развивается в системе координат «свой — чужой». Жесткое закрепление места в системе отношений «свой — чужой» соответствует в большинстве своем враждебно-агрессивной или пассивно-зависимой межличностной позиции каждого члена социальной общности, с неизбежностью предполагая неравное распределение власти между ее членами. Неформальные нормы поведения, зафиксированные в системе отношений «свой — чужой», имманентны сообществу осужденных, включая тех, кто вынужден принимать участие в самодеятельных формированиях.

Наблюдения показывают, что подавляющее число осужденных являются членами неформальных групп различной направленности, объем которых варьируется от двух до семи человек и более.

Образование таких групп обуславливается, прежде всего, избирательной потребностью в общении, поддержании чувства безопасности, объединении с другими на основе одинакового отношения к наказанию, а также в сходстве ценностных ориентации, оказании взаимопомощи по совместной работе, совместного проживания в том или ином регионе. Нередко включение в неформальные группы является следствием психологического давления со стороны других осужденных и диктуется стремлением к доминированию, которое выражается в подчинении других своей воле.

В качестве доминирующего признака неформальной структуры в преступной среде выступает дифференциация между определенными категориями индивидов. Она выражается и проявляется прежде все в обладании определенным набором материальных ресурсов и видах взаимных моральных и психологических требований. Как правило, в условиях лишения свободы существуют довольно ограниченные материальные и моральные ресурсы или ценности, которые определяют развитие межличностных отношений и оказывают определяющее влияние на поведение осужденных. К числу наиболее значимых из них относятся: продукты питания и одежда; деньги; алкоголь и наркотические средства; социальное одобрение, уважение и самоуважение; уступки, снижение требовательности со стороны администрации; доступ к средствам информации; контроль за каналами проникновения в ИУ запрещенных предметов. Очевидно, что чем больше возможностей имеют члены неформальных групп использовать перечисленные ценности, а также предлагать их другим, тем в большей степени они будут получать поддержку и уважение со стороны окружающих и тем быстрее они завоюют авторитет, престиж и влияние в неформальной системе отношений.

Другим важным элементом этой системы являются **групповые нормы и санкции**, регулирующие взаимоотношения осужденных между собой и с администрацией. В условиях изоляции неофициальные нормы выполняют следующие основные **функции**:

- 1) являются своеобразной формой фиксации отношений неформальной межличностной дифференциации статусов, закрепляя ожидаемые и отвергая нежелательные образцы поведения;
- 2) служат неформальным критерием оценки жизнедеятельности членов неформальных малых групп, важным для стимулирования их поведения;
- 3) являются источником информации и средством социальной поддержки для осужденных при решении тех или иных личных проблем;
- 4) сохраняют и закрепляют значимые ценности, в которых выражаются отношения осужденных к различным сферам социальной действительности;

5) выступают в роли своеобразного регулятора, направленного на консолидацию и развитие неформальной структуры отношений, укрепление групповой сплоченности и противодействия усилиям администрации, а также актива самодеятельных организаций.

По мере увеличения количества судимостей и общего времени отбывания наказания в условиях лишения свободы осужденные определенной категории становятся «законодателями» неформальных норм поведения, интенсифицируют процессы самоорганизации, ужесточают иерархию отношений во всех сферах жизнедеятельности. Вследствие этого преступники, имеющие более высокие позиции во внутригрупповой структуре отношений, получают возможность оказывать психологический прессинг на лиц, занимающих по отношению к ним подчиненное положение. Использование предоставляемых услуг с их стороны осуществляется в обмен на гарантии, связанные с оказанием необходимой помощи в случае экстремальных ситуаций, возникающих в период отбывания наказания. Нетрудно заметить, что в отличие от принципа насилия и его роли в неформальной организации «другой жизни» функциональное назначение межличностного взаимодействия, основанного на принципе эксплуатации, состоит в поддержании среди заключенных утраченного чувства безопасности и удовлетворении их актуальных потребностей и интересов. Последнее достигается за счет жесткой регламентации их взаимоотношений, базирующейся на модели «зависимость — подчинение» и скрытом перераспределении материальных и духовных благ.

Остановимся на некоторых особенностях этого явления в сфере производства. Определенная категория лиц не только заняты более легкой и высокооплачиваемой работой, но и перекладывают часть ее на плечи других, не теряя в размере вознаграждения. В качестве компенсации они ценят то, что «прибавляет свободы» в местах ее лишения. Правда, эта «прибавка» достигается за счет своеобразного перераспределения, когда одни осужденные расширяют свои права, еще более умаляя их у других. Согласно исследованиям, такой порядок держится не только и даже не столько на насилии. Видимо, он

является подобием налога в порядке возмещения затрат на выполнение общезначимых функций, вытекающих из системы сложившихся отношений. Ориентация на преступную субкультуру способствует отчуждению от общества, полностью разрывает отношения с семьей и родственниками у каждого четвертого из числа многократно судимых.

Наблюдения показывают, что в условиях лишения свободы многие формы поведения, приводящие к конфликтам на производстве, на самом деле вряд ли можно считать сугубо индивидуализированными. Во многих случаях они вызывались столкновением таких мотивов, интересов, целей, которые отражали противоречия между индивидом и неформальной группой. В этих условиях конфликты носят затяжной, напряженный характер, имеют серьезные последствия.

Например, наиболее деструктивные конфликты на производстве вызываются стилем руководства бригадой, распределением рабочих мест и заработной платы. Их удельный вес достигает 65% в общей структуре причин конфликтного взаимодействия. В тех случаях, когда неформальные лидеры и их ближайшее окружение занимают ключевые позиции и оказывают влияние на распределение рабочих мест среди осужденных, закладывается основа скрытого перераспределения условий труда и заработной платы.

История развития нашего государства со всей очевидностью показала, что внеэкономическое принуждение — наименее эффективный способ организации труда. Принудительные методы не позволяют раскрыть его потенциальные возможности. Исторически сложившийся и действующий в настоящее время механизм внеэкономического принуждения с учетом особенностей функционирования системы исправительно-трудовых учреждений создал и продолжает создавать адекватный себе социально-психологический тип работника с достаточно устойчивой специфической системой жизненных ценностей и приоритетов.

Это особенно ярко проявляется среди многократно судимых преступников, ориентированных на неформальную систему ценностей. Для них характерны

высказывания, что устроиться на работу по специальности практически невозможно. При этом наиболее типичными высказываниями являются жалобы на судьбу, неблагоприятные обстоятельства жизни, отсутствие помощи со стороны общества и невозможность самостоятельно разорвать порочный круг и жить за счет труда. Наши данные показывают, что почти половина многократно осужденных за кражи личного имущества граждан и другие общеуголовные преступления (48,3%) имеют максимальную вероятность рецидива. В том числе 30% преступников этой категории через полгода после освобождения возвращаются в колонию. Не случайно, что среди них был выявлен максимальный процент (29,7%) неработающих после освобождения, у которых отсутствуют необходимые трудовые навыки.

Особое внимание привлекают **лица, занимающие лидирующее положение в преступном сообществе**. Их поведение отличается соблюдением так называемой воровской этики. Они сознательно готовят плацдарм для последующего пребывания в колонии и тем самым определяют свое отношение к прошлым и будущим преступлениям. Это проявляется в детальном обсуждении уголовных дел, особенно тех, которые не были раскрыты, обмене опытом «технологии» совершения преступлений. На первый план у них выдвигаются не деловые качества работника, например его трудовые навыки и квалификация, а то, что дает им большую свободу за счет урезания ее у других. Максимальная вероятность совершения повторного преступления определяется глубиной и степенью принятия ими противоправных норм, а также, что очень важно, уровнем идентификации с неформальными группами. В данном случае отношение к труду, сформированное в прошлом, является своеобразным рентгеновским снимком наиболее глубоких структур их личности, свидетельствует о несостоятельности принудительных средств трудового воздействия. Возможность «гальванизировать» труд как «средство» зависит не столько от технического уровня производства, вида, условий, характера труда и квалификации работников, сколько от способа принуждения той систе-

мы распределительных отношений, которая, в конечном счёте, определяет уровень организации этого процесса.

Сам по себе способ принуждения является питательной средой незаконных перераспределений, так как администрация вынуждена включать осужденных в управление производством, а значит, и делегировать им часть полномочий, связанных с распределительными отношениями. В условиях действия механизма внеэкономического принуждения такое делегирование приводит к отрицательным результатам. Механизм принуждения неизбежно синтезируется с неформальной системой отношений (наиболее ярко это проявляется в среде многократно отбывающих наказание) и органически воспроизводит незаконное перераспределение, которое распространяется на все сферы жизнедеятельности осужденных. Не случайно нами был выявлен высокий уровень заработной платы у скрытых лидеров отрицательной направленности поведения при их минимальной степени трудового участия и высокой вероятности совершения ими повторных преступлений после освобождения.

С учетом приведенных положений целесообразно подчеркнуть, что неформальная система отношений охватывает все сообщество осужденных как просоциальной, так и асоциальной направленности поведения, разница состоит лишь в степени принятия тех или иных норм неформальной среды. В итоге характер реальных отношений между различными группами зависит от того, в чьих руках находится источник влияния, кому делегируются полномочия, обеспечивающие функции управления. Система координат «свой — чужой» предполагает не только разделение внутри сообщества с учетом различных межличностных позиций, но и их объединение при отношениях «осужденные — администрация», когда действует система отношений «мы — они». Формы взаимодействия, возникающие в рамках этих систем, далеко не однозначны и не исключают возникновения противоречивых отношений. Однако основная тенденция направлена на консолидацию «своих» по отношению к «чужим». В этом заложены материальная основа любой неформальной системы отношений, ее конструктивные или деструктивные начала.

В условиях внеэкономического принуждения в среде осужденных образуется своеобразная элита, цели которой начинают совпадать с целями администрации по соблюдению требований формальной системы норм. В этих условиях действие факторов перераспределения не только постоянно, но и неустранимо, так как оно носит объективный характер, вытекающий из природы соотношения формальных и неформальных норм. Напряженность этого противоречия зависит от характера взаимоотношений внешней среды в лице администрации, с одной стороны, и, с другой стороны, сил, противодействующих ей, которые зафиксированы в неформальной системе отношений между осужденными.

«Механическим» путем сломать эту систему невозможно, так как она приобретает другие скрытые формы и становится более изощренной и менее доступной внешнему контролю. Система неформальных норм с неизбежностью будет предписывать платить, как мы уже говорили выше, своеобразную дань в порядке возмещения затрат на выполнение общезначимых функций. В этих условиях труд как средство исправления снижает свою эффективность, а в отношении рецидивистов утрачивает ее совсем и из средства достижения свободы и социальной защиты становится средством формирования ненависти, деструктивного поведения во всех сферах деятельности людей.

В ходе изучения социально-психологических особенностей среды осужденных было выявлено четыре основных типа взаимодействия. Прежде чем приступить к описанию каждого из них, рассмотрим факторы, определяющие социально-психологический климат отряда, структуру его межгрупповых отношений. Под **социально-психологическим климатом** в данном случае понимается преобладающий в общности относительно устойчивый эмоциональный настрой, в котором выражаются отношения осужденных друг с другом, к исправительно-трудовому воздействию, нормам и требованиям, а также к администрации ИУ. В его основе — те общественные отношения, которые представлены в разделяемых общностью ценностях, нормах и правилах поведения. Наличие различных неформальных групп свидетельствует о том,

что появились осужденные, сплотившиеся ради реализации других целей или использующие иные способы даже для достижения одобряемых законом целей. Их появление говорит о противоречиях, выраженность которых является своеобразным барометром, характеризующим стиль взаимодействия, преобладание конструктивных или деструктивных отношений в сообществе.

Наиболее значимыми, на наш взгляд, **факторами, определяющими поляризацию отношений между различными группами**, являются: вид, условия, характер и оценка трудовой деятельности; возрастной и уголовно-правовой состав осужденных отряда; степень влияния лидеров просоциальной и асоциальной направленности; удельный вес лиц, не адаптированных к условиям лишения свободы, а также имеющих психические аномалии; уровень квалификации и профессиональных качеств администрации ИУ. Указанные факторы в значительной степени определяют характер складывающихся отношений в сообществе, условия которых зависят от того, в чьих руках концентрируются источники «влияния», определяющие способы достижения социально значимых или асоциальных целей. Можно предположить, что результирующий вектор этого «влияния» приобретает просоциальную направленность в том случае, если администрация находит адекватные способы воздействия на неформальную структуру отношений.

В связи с этим рассмотрим полярные по своей структуре типы отношений осужденных в отрядах, различающихся условиями, содержанием и оценкой трудовой деятельности. Эти характеристики независимо от вида режима являются системообразующими. Они независимо от администрации как бы фильтруют всех поступающих в колонию преступников по уровню квалификации, возрастному и уголовно-правовому составу, предопределяют уровень сплоченности неформальных групп и способы достижения ими своих целей. Таким образом, изначально полярные различия неформальной структуры отношений заданы объективными производственными условиями колонии. В свою очередь, форма проявления просоциальной или асоциальной направленности поведения осужденных, способы достижения ими своих целей во

многим зависят от стиля руководства персонала ИУ. На наш взгляд, оптимальный подход будет заключаться в нахождении такого стиля руководства, который создает условия для реализации идеи построения межгрупповых структур, обеспечивающих сбалансированность отношений в отряде.

К первому типу взаимодействия, назовем его **конструктивным**, могут быть отнесены межгрупповые отношения, которые складываются на производстве, требующем наличия специальных профессиональных навыков в области инструментального производства, ремонтного обслуживания, эксплуатации различных энергетических систем и т.п. Сравнительно высокий уровень квалификации осужденных обеспечивает им относительную независимость и автономность в отношениях, прежде всего в трудовой сфере деятельности, создает предпосылки равенства статусов, сведения к минимуму различного рода привилегий.

Так, по результатам наших исследований можно заключить следующее. Среди осужденных в колониях общего вида режима в отрядах, отнесенных к этому типу взаимодействия, 23% составляют лица, входящие в самостоятельные формирования, 72 — в группы нейтральной направленности поведения, 5% — в группы неярко выраженных нарушителей. Здесь практически не встречаются так называемые отверженные, а также злостные нарушители режима. В этих условиях относительное равенство статусов и независимость определяют своеобразие отношений, предполагающих в известной степени конструктивное взаимодействие сторон. Отсутствие жесткой «кастовой» системы не накладывает ограничений на общение членов сообщества, тем самым стимулируя развитие горизонтальных, т.е. равноправных, связей в рамках сложившейся иерархии.

На производстве такое взаимодействие минимизирует сферу деструктивных конфликтов, которые обусловлены в основном неадекватным стилем руководства бригадой, распределением рабочих мест, нарушениями в оплате труда. Наибольший удельный вес причин, влияющих на возникновение конфликтов, относится к сфере предметно-деловых разногласий, связанных с

обеспечением инструментами, спецодеждой, поставкой материалов. Указанная тенденция проявляется и в сфере внеуродовой деятельности.

При таком типе взаимодействия администрация, делегируя функции управления осужденным, не создает напряженных отношений в силу определенного равенства их межличностных статусов. Однако равенство статусов является необходимым, но далеко не достаточным условием развития конструктивного взаимодействия. В условиях лишения свободы наблюдается стремление к нарушению равенства, подавлению одних за счет других, расширению таким образом «свободы для себя». Для этого возникает субъективная необходимость разрушить реальную тесную близость с теми, за счет кого предполагается расширить границы своей свободы. Установление различий в статусах, принижение одних за счет других не что иное, как устранение равноправного партнерства, взаимного контроля в отношениях. Поэтому тот стиль руководства начальника отряда, который обеспечивает условия, исключающие привилегии, препятствует созданию неблагоприятного социально-психологического климата. Механизм, обеспечивающий эти условия наряду с осуществлением контроля за соблюдением формальных требований норм права, предполагает выполнение начальником отряда функций посредника, осуществляющего контроль неформальной системы отношений.

Эффективность такого подхода предполагает, прежде всего, отсутствие выгоды для себя у лица, выполняющего посреднические функции. Идеальный посредник не может быть потенциально опасным. У него должны быть необходимые для этого психологические качества. Не случайно осужденные ценят в представителях производственной администрации компетентность и профессиональные навыки, а в начальниках отрядов — способность понять человека, разобраться в противоречивой природе конфликтных отношений. Результаты исследований показывают, что администрация нередко принимает решения, опираясь на формальные требования, не вникая в суть взаимоотношений среди осужденных. Допущенные при этом ошибки не всегда исправляются, так как принятие правильного решения зависит от знания внут-

ренной жизни, умения оценивать интересы различных категорий преступников. Зная сложившуюся структуру конфликтного взаимодействия в основных сферах деятельности, можно глубже разобраться в природе возникновения конфликта с администрацией. В этих условиях стиль руководства приобретает более целенаправленный и предметный характер.

Сбалансированный тип взаимодействия предполагает демократические способы разрешения напряженных ситуаций. В случаях реализации таких способов к начальнику отряда предпочитают обращаться как лидеры самостоятельных формирований, так и представители неформальных групп. Со стороны сообщества это не считается нарушением неформальных норм, поскольку изначально между ними не существует враждебной конфронтации. При таких отношениях неформальные правила, регулирующие развитие конфликта, ориентированы на то, чтобы помогать другим справляться с обострившимися противоречиями. Они исключают применение неформальных санкций, чтобы усилить за счет этого сферу влияния на членов сообщества. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Дело в том, что защита интересов одной группы от притеснения другой неизбежно дает моральное право на дополнительные привилегии, расширяет сферу влияния и повышает авторитет в сообществе. Поэтому роль посредника со стороны администрации состоит в том, чтобы ограничивать сферу такого влияния, уравнивать, конструктивно разрешать возникающие противоречия между различными группами в отряде.

Второй тип взаимодействия, условно определенный как **деструктивный,** характерен для осужденных, работающих на производстве с тяжелыми и (или) вредными условиями труда, напряженными нормами выработки. Как правило, состав производственных бригад при этом формируется из лиц молодого возраста с низким уровнем квалификации работников. Межличностные отношения строятся на основе неформальной системы ценностей, норм и правил поведения. Другими словами, изменение организационно-правовых,

технологических и иных условий труда создает предпосылки к трансформации содержания межличностных и межгрупповых отношений.

Отличительной особенностью этого типа взаимодействия является, прежде всего, консолидация руководителей самостоятельных формирований с лидерами группировок отрицательной направленности поведения. В неформальном сообществе осужденных такая консолидация определяется термином «крылатые блатные». Она порождает тотальную систему влияния, создает необходимые предпосылки для собственной неуязвимости, так как «беспредел» отношений, установленных неформальными лидерами, прикрывается активом самостоятельных формирований. Посреднические функции начальника отряда берут на себя «авторитеты». Они способны разрешить возникающие конфликты, присваивая таким образом себе функции управления, становятся реальной властью в сообществе. При этом создаются уникальные условия, позволяющие исключить объективные противоречия, вытекающие из целей и задач формальных и неформальных норм поведения. Это проявляется в соблюдении внешних правил поведения, чистоты и порядка в отряде, образцовом оформлении стендов политико-воспитательной работы или трудового соревнования.

Казалось бы, такой тип взаимодействия влечет дисциплину в отряде. Однако, как показывает практика, подобная система неформального контроля оказывает наиболее деструктивное воздействие на поведение осужденных. Строгая иерархия членов сообщества, бесконтрольность «авторитетов» не позволяют осужденному искать защиты непосредственно у начальника отряда, минуя старшего дневального. Поэтому в отрядах этого типа максимальное число лиц совершают членовредительства в качестве крайней меры защиты от безысходного положения, возможности хотя бы на время освободиться от страха физической расправы и таким путем выйти из данного сообщества. Культивирование страха среди тех, на кого распространяется физическое и моральное воздействие, осуществляется в целях усиления сферы влияния, закрепления отношений, которые обеспечивают безраздельную власть. Такое

положение приводит к тому, что поступающие в отряд осужденные независимо от прежнего статуса не могут безнаказанно пользоваться установленными ранее привилегиями. Они вынуждены подчиняться неформальным требованиям этого типа взаимодействия.

Вполне понятно, что, оказавшись в позиции «между двух огней» и занимая маргинальное положение, осужденные провоцируют образование ситуаций, приводящих к появлению скрытой оппозиции, как в отношении осужденных, так и в отношении администрации.

Третий тип взаимодействия характеризуется как **неустойчивый**. Его основной отличительной особенностью является открытая конфронтация между активом самостоятельных формирований и лидерами групп отрицательной направленности поведения. Подобная социально-психологическая ситуация отражает неустойчивый характер отношений в среде осужденных, стремление любой ценой подавить оппозицию и захватить влияние в отряде. Главной причиной такого противодействия является неправильный подбор актива самостоятельных формирований, который осуществляется без учета психологических особенностей их личности, авторитета и способности строить конструктивное взаимодействие.

«Механическая» замена этих лиц по линии формального устранения возникающих конфликтов приводит к возникновению структуры отношений, во многом тождественной второму типу взаимодействия. Степень этой тождественности будет зависеть от позиции, занимаемой начальником отряда, согласованности лидеров групп отрицательной направленности, а также от условий содержания и оценки их труда. Отметим, что сам по себе формальный подход может дискредитировать идею самостоятельных формирований как самоуправляющегося и регулирующего начала, выступающего против произвола неформальных норм и правил поведения. Отсутствие активной поддержки со стороны начальника отряда повлечет физическую расправу над осужденными, результатом которой может стать переход бывших лидеров просоциальной направленности в категорию так называемых отверженных. В

этих условиях члены самодеятельных формирований, для того чтобы не оказаться в роли заложников, вынуждены подчинять поведение принципам и образцам, доминирующим в неформальной системе отношений.

В отличие от третьего типа взаимодействия, при котором отношения полярных групп носят характер открытой конфронтации и преобладает тенденция к усилению роли лидеров отрицательной направленности, **четвертый тип** характеризуется достаточно **устойчивой защитной позицией актива** самодеятельных формирований. Его отличительной особенностью является высокая частота конфликтов осужденных с членами секции профилактики правопорядка. При этом возникают напряженные отношения при распределении спальных мест, соблюдении санитарно-гигиенических правил и норм повседневного общения. Ослабление жестких санкций неформальной системы отношений, невыполнение определенной категорией лиц норм выработки могут приводить к конфликтам на почве воровства продуктов питания и других предметов первой необходимости.

На наш взгляд, основным отрицательным следствием этого типа взаимодействия является незаконное перераспределение результатов трудовой и вне-трудовой деятельности в пользу руководителей самодеятельных формирований. Такой характер взаимоотношений неизбежно приводит к появлению скрытой оппозиции, которая начинает использовать возникающие противоречия против действий администрации. Лидеры групп асоциальной направленности становятся «рупорами справедливости» в глазах большинства осужденных. В данной ситуации инициаторами конфликтов могут быть уже не только лидеры неформальных группировок, но и в большинстве своем так называемые нейтралы, поведение которых в силу их многочисленности приобретает неуправляемый характер. Эти осужденные занимают зависимо-подчиненную позицию и оказываются в тех группировках, которые способны подчинить их своему влиянию. Поэтому тип взаимодействия во многом определяется не только соотношением полярных категорий преступников, но и позицией, которую занимают «нейтралы», пополняя ряды просоциальной

или асоциальной части осужденных. Они являются как бы питательной средой группировок различной социальной направленности.

Критическое соотношение просоциальной, нейтральной и асоциальной категории преступников в сочетании с неблагоприятными условиями производства и оценкой труда осужденных может поставить начальника отряда в практически безвыходное положение, когда методы воздействия со стороны формальных норм права и привлечения для этого лидеров самодеятельных формирований становятся неэффективными в достижении результатов производственной деятельности и соблюдении режима.

Казалось бы, применение неформальных санкций ликвидирует это отрицательное явление. Однако, как мы уже говорили выше, в условиях изоляции подобная система неформального контроля имеет ряд существенных недостатков, неблагоприятно влияющих как на состояние режима, так и на результативность процесса исполнения наказания. Дело в том, что причины, порождающие такие отношения, не будут устранены за счет применения неформальных санкций, под их давлением они переходят из одной формы в другую — скрытую, и способом их разрешения становятся уже серьезные преступления.

В связи с этим было бы неверным утверждение о том, что просоциальная или асоциальная ориентация отряда зависит только от администрации колонии. Тип взаимодействия осужденных и соответствующий ему стиль руководства в значительной степени предопределяются объективными факторами лишения свободы, прежде всего видом, характером, условиями и оценкой труда, уровнем квалификации осужденных и другими причинами социального и психологического порядка.

Каждый из рассматриваемых нами типов взаимодействия отражает лишь основные тенденции отношений. Наша задача состояла в выяснении **основных структурных изменений в зависимости от различного рода факторов и условий, оказывающих влияние на общую картину социально-психологического климата осужденных.**

Сложившаяся практика имеет существенные недостатки в этом отношении. Более чем в 75% случаев администрации колоний узнают о конфликтах после их разрешения, более чем в 50% случаев не устанавливаются мотивы конфликтов, администрации слабо информированы о численности и структуре малых групп, об их ценностно-нормативной системе. В большинстве случаев основные усилия направлены на достижение плана производства, необходимый для этого тип взаимодействия становится решающим фактором выполнения норм выработки и соблюдения требований режима.

Создание условий, при которых нейтрализуется влияние негативного лидерства, всякий раз неизбежно возвращает нас к необходимости разработки положений, допускающих расширение сферы реализации социальных свойств труда осужденных; заставляет нас с учетом реально изменяющихся производственных отношений устранять недостатки в организации и оценке их труда, осознать необходимость использования принципов арендной и кооперативной деятельности. Негативное лидерство является отражением объективных противоречий, порождаемых условиями лишения свободы.

Жесткая и определенным образом зафиксированная неформальная ценностно-нормативная система, регулирующая, по существу, все сферы взаимодействия преступников, в том числе с администрацией, является одним из основных факторов, детерминирующих отношения деструктивного характера. Интенсивность ее влияния на поведение осужденных зависит от степени урегулированности межличностных взаимоотношений официальными правовыми нормами, а также от выраженности противоречий между требованиями администрации и социальными ожиданиями неформальных групп. Чем полнее будут урегулированы эти взаимоотношения, прежде всего в сфере труда, тем оптимальнее стиль деятельности администрации, так как сокращаются область неформального регулирования и степень его негативного влияния на личность и систему взаимодействия с окружающими. С другой стороны, чем в большей степени неформальная система согласовывается с формальными требованиями и социально одобряемыми ценностями, тем меньше оказывают

они отрицательное действие на взаимоотношения осужденных. Это обстоятельство необходимо учитывать при планировании и проведении профилактических мероприятий по формированию системы положительных взаимоотношений среди осужденных.